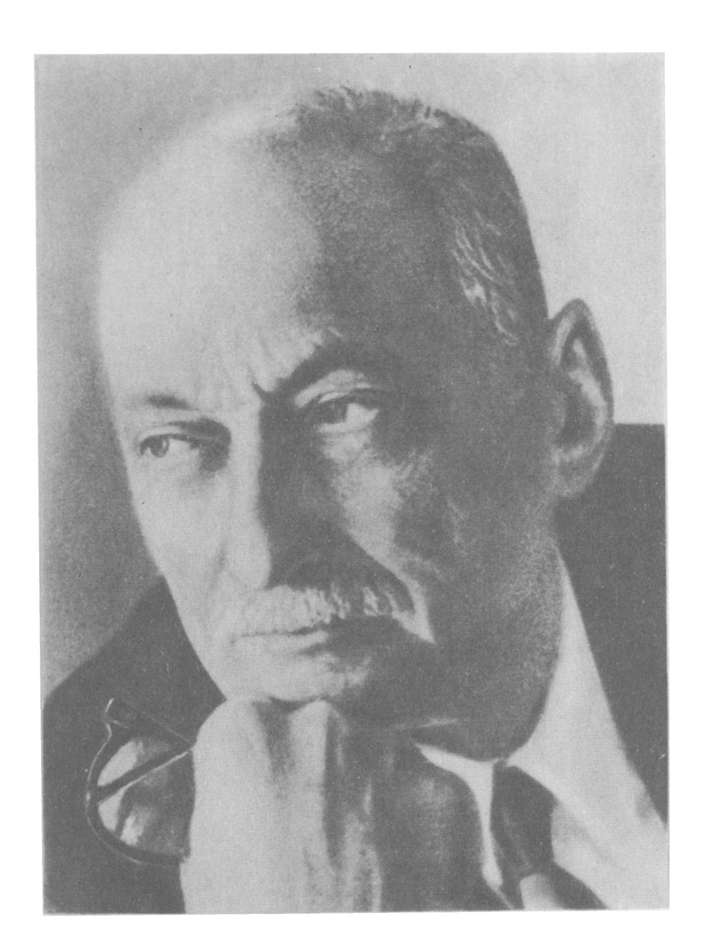

Илья
Дубинский
В парке
ПРИМАКОВА







В парке ПРИМАКОВА

ПОВЕСТЬ-ВОСПОМИНАНИЕ,
ОЧЕРКИ,
НОВЕЛЛЫ

Киев,
«Радянський письменник»,
1987

84Р7-4
Д79

Рецензенты: М. С. Логвиненко,
А. П. Реент, кандидат
исторических наук

Дубинский И. В.

Д79 В парке Примакова: Повесть-воспоминание, очерки, новеллы /Предисл. М. Логвиненко. — К.: Рад. письменник. 1987. — 286 с.

В книге известного русского советского писателя И. Дубинского, одного из талантливых командиров Красной Армии, организаторов Червонного казачества на Украине в годы гражданской войны, рассказывается о героической борьбе за победу и утверждение Советской власти, о славных сынах Отчизны — мужественных военачальниках Виталии Примакове, Ионе Якире, Григории Котовском, Игнатии Карпезо и других, отдавших свой талант и энергию верному служению народу. Много внимания писатель уделяет размышлениям о прошлом, настоящем и будущем нашего общества, сложных путях его развития, задачах, стоящих перед ним, в частности, в области культуры, литературы. Книга отличается философскими размышлениями, искренностью и лиричностью.

Д $\frac{4702010200-157}{М223(04)-87}$ Б3.37.11.86 84Р7-4

ИСПОВЕДЬ СЕРДЦА

Писателя Илью Владимировича Дубинского знают многие читатели. Знают по романам «Контрудар», «Золотая Липа», повестям «Колокол громкого боя», «Тертый Калач», «Трубачи трубят тревогу» и другим. И все же им мало было известно о сложной и героической судьбе самого автора и истории его книг. А ведь пришел он в литературу из гущи жизни бурной эпохи революции и гражданской войны.

Он был червонным всадником, командиром полка, комбригом в корпусе Червонного казачества, затем командиром тяжелой танковой бригады. Не раз ходил в конную атаку, был изранен в бою. И лишь после выхода в свет многих его очерков и рассказов, документальных повестей о Червонном казачестве, ядро которого составляли рабочие и железнодорожники Харькова, о первых командирах Красной Армии, читатели более обстоятельно узнали, какую крепкую закалку прошел лихой кавалерист Илья Дубинский в корпусе Виталия Примакова. И было тогда комкору Примакову двадцать три года! Гордились: ведь это — самый юный командир корпуса Красной Армии!

Помнит писатель-комбриг, тогда тоже молодой (родился 29 марта 1898 года в с. Бутенках на Полтавщине), как червонные казаки давали клятву на верность народу, партии. Целуя шелк знамени, чувствовал, как билось его сердце в такт с ударами сотен тысяч сердец таких же простых, вышедших из недр народа первых солдат Советской республики.

Червонцы видели в Дубинском одного из талантливых командиров, организаторов войск.

Эпоха выдвигала своих героев. И не раз потом поведает писатель Илья Дубинский, как воевал, сражался с деникинцами, врангелевцами, прославился под Перекопом, участвовал в рейдах против петлюровцев и белополяков. Как вручали ему орден боевого Красного Знамени, и сияние света ордена на груди казалось частицей его судьбы. В 1924 году в газете «Красная звезда» появилась краткая, но характерная для того времени заметка под рубрикой «страна должна знать своих героев», в которой лаконично рассказано об участии командира 2-й бригады И. Дубинского в походах против Деникина, Врангеля, Петлюры, Махно, Григорьева и других белобандитов и о личном героическом подвиге, совершенном им во время взятия осенью 1920 года Волочиска.

— Да, я счастлив тем,— говорит писатель,— что лучшие мои годы связаны с Красной Армией строительством вооруженных сил страны. Моим первым военачальником был начдив Гай, возглавивший в решающем 1919 году 42-ю стрелковую шахтерскую дивизию... Работал я и под руководством создателя Червонного казачества Виталия Примакова, легендарного Григория Котовского, видных партийных и советских деятелей Станислава Косиора и Павла Постышева, Власа Чубаря, а также командующего Киевским военным округом Ионы Якира... Потом была Военная академия имени М. В. Фрунзе, работа в Совнаркоме Украинской Республики.

Надежная память И. Дубинского сохранила самые яркие воспоминания о своих побратимах по Червонному казачеству, из которого вышли знатные герои, прославившиеся впоследствии на фронтах Великой Отечественной войны.

Среди них — маршалы П. Рыбалко, П. Кошевой, И. Пересыпкин, генералы А. Горбатов, П. Жмаченко, К. Грушевой, Г. Карпезо, М. Казаков.

Любопытно, И. Дубинскому довелось встречаться с А. И. Тодорским — автором книги «Год с винтовкой и плугом», которую, как известно, высоко оценил В. И. Ленин, с В. И. Чуйковым, с которым вместе учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Интересную главу в книге «Рыжий консул» посвятил И. Дубинский и писателям, жизнь которых так или иначе была связана с Червонным казачеством, в частности, поэту, первому председателю Союза писателей Украины Ивану Кулику.

Как же об этом не рассказать? Илья Владимирович не случайно почти все свое творчество посвятил годам революции и гражданской войны. Вот уже на знамени Октября засияла дата — 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. И пусть знают новые поколения советских людей, как защищали ее завоевания герои гражданской войны — чапаевцы, буденновцы, щорсовцы, червонные казаки. Вот почему по праву гордились примаковцы, когда в дни боев против иностранных интервентов член Реввоенсовета 14-й армии Г. К. Орджоникидзе сообщал В. И. Ленину в Кремль: «Червонные казаки действуют выше всякой похвалы».

Взяться за перо, как заметил И. Дубинский, его заставила ответственность перед своим юным поколением, начавшим борьбу в нелегких условиях царизма, в окопах первой мировой и поднявшимся на баррикады Великой Октябрьской социалистической революции. Этому поколению четыре года с оружием в руках отстаивать завоеванную Советскую власть, а потом на руинах, что оставила в наследство гражданская война, возводить светлое здание социализма.

Конечно, трудности довелось переживать серьезные. Однако были и такие люди, которые страдали узостью взгляда на содеянное нашим народом, поспешными выводами. По их вине некоторые герои Червонного казачества были несправедливо забыты. Но время не стерло их со страниц истории, напротив — высветило со всей объек-

тивностью, ничего не ухудшая и не приукрашивая. Вот и о них правдиво поведал И. Дубинский в художественной и документальной прозе.

И все-таки здесь нельзя не вспомнить первую повесть писателя, предшествующую многим его произведениям. Она называлась просто: «Перелом» — и вышла в 1930 году в Москве; позже ее издали в Харькове. «Так уж получилось,— однажды сказал И. Дубинский,— что большинство моих книг посвящено делам военным. Однако начинал как писатель я с книги «Перелом».

...Редкостный, что называется, музейный экземпляр повести харьковского издания. На украинском языке. Полистаешь пожелтевшие от времени страницы — и словно на миг открываешь окно в ту эпоху первых пятилеток. И вот они — реальные, невыдуманные герои «Перелома» — колхозники из села Братеница Богодуховского района. Здесь, по словам автора, отразились все сложности революционной перестройки жизни села. Небезынтересно, что в книгу вошли некоторые сельчане под своими настоящими именами и фамилиями. Прошли десятки лет, и вот однажды, уже в 80-х годах, Дубинский узнал, что одна из героинь повести Александра Якименко через многие годы — до наших дней — пронесла память о том времени, когда он работал в селе как уполномоченный ЦК Компартии по проведению коллективизации.

Уже первая повесть засвидетельствовала о своеобразном писательском даровании И. Дубинского. Читая ее сегодня, словно видишь с молодым автором тот далекий туман, «густой завесой окутавший село», слышишь, как «поющий горн штаб-трубача заиграл нежные мелодичные звуки», и казалось, что «эти звуки доносятся откуда-то из театра». Он не только сумел нарисовать колоритные для своего времени картины нелегкого перелома на селе, но и воссоздать живые образы. «Словно до сих пор вижу их, героев той книжки,— поделился мыслями Илья Владимирович,— активиста Линника, который первым написал

заявление о вступлении в колхоз, других, кто потянулся вслед за ним.

Через четверть века выпало мне опять побывать в Братенице. Я увидел, как живут наследники первых колхозников. Подружился с сыном, внуком Линника».

Мы остановились на повести «Перелом» (о ней критика не писала), чтобы в какой-то мере осветить истоки художественного становления И. Дубинского, которые оказали живительное воздействие, в частности, на его дальнейшие поиски в прозе о гражданской войне.

Итак, гражданская война — главная тема творчества Дубинского. Особенно основательно отражены ее события на Украине. Книги писателя, «овеянные пороховым дымом», выдержали испытания временем и переиздавались много раз. Он не только глубоко изображает классовые и патриотические битвы, развернувшиеся на огромном театре военных действий от Черного моря до Пинских болот, от Карпат до моря Азовского, но и осмысливает сложные социальные процессы того времени. Развивая эту мысль, Ю. Смолич отмечал: «Достоверность воссоздания общей картины гражданской войны на Украине — отличительная черта произведений Дубинского, романтическое опоэтизирование борьбы трудового украинского народа — вторая их яркая черта».

Роман «Контрудар» (1931), вышедший сначала на украинском, потом, позже, изданный автором на русском языке, был с интересом воспринят читателем. В эпиграфе к «Контрудару» Дубинский писал: «Красе и гордости советских пролетариев — шахтерам Донбасса, его проходчикам, навалоотбойщикам, крепильщикам, всему дружному кайловому и обушковому братству; мужественным металлургам Криворожья —сталеварам, слесарям, горновым: трудовым крестьянам — героическим партизанам Старобельщины и Изюмщины; славным сыном Марийского края и Чувашии; киевским коммунарам — верным бойцам ленинской партии,— всем им, воинам-богатырям шахтерской

42-й стрелковой, бывшей 4-й Украинской партизанской дивизии, своей беспримерной отвагой и героизмом разгромившим вместе с другими войсками Южного фронта озверелые банды Деникина, посвящает эту книгу автор».

Характерной особенностью романа является то, что автор, изображая героические рейды против полчищ Деникина, создает яркие образы бойцов и командиров. Затрагивает вопросы укрепления дисциплины в Красной Армии, борьбы против партизанщины, мародерства и пьяного разгула со стороны анархических элементов и некоторых бывших царских офицеров, мобилизованных в армию. Им противопоставлены в романе бойцовские характеры Булата и Ромашки, выписанных живо, с незаурядным мастерством. Вот почему роман был одобрительно встречен читателями.

Из коллективного письма старых коммунистов Донбасса Алексенцева, Плахтеева и других: «Блестяще описаны Вами мужество и отвага шахтерской дивизии». И таких отзывов много.

Окрыленный творческой победой, И. Дубинский и в новом романе «Золотая Липа» (1931) обращается к изображению героики Червонного казачества, исторически достоверно раскрывая высокое мастерство рейдирования червонных казаков по вражеским тылам, тактику разоружения неприятельских сил и привлечения в свои ряды обманутых врагом простых людей. В основу произведения положены острые события 1920 года, когда червонные казаки, снявшись из-под Перекопа, где в весенних боях разгромили не один конный полк Врангеля, двинулись на запад, чтобы на полях Подолии, на берегах Золотой Липы и в долинах Карпат вместе с другими воинами Красной Армии «развеять своими клинками легионы захватчиков».

Наряду с темой героизма в романе как бы параллельно раскрывается психология воспитания и перевоспитания солдат в тех сложных условиях, чтобы открыть людям глаза на события в классовой борьбе.

«Но это была лишь первая и не самая легкая часть работы,— писал маршал П. Кошевой.— Надо было еще перековать «блудных сынов», вытравить глубоко засевший в них дух бесшабашной вольницы, злые вирусы националистической отравы и превратить их в полноценных бойцов Красной Армии. Весьма колоритны персонажи «Золотой Липы» Самойло Гаманец, бывший махновец, и Семен Курочка, голытьба из голытьбы, кравший строевых лошадей для кулацкой банды».

Примечательны образы начдива Анатолия Шостака, прототипом которого в романе послужил комкор Виталий Примаков, Сероштана и Квитня, которые предстают перед читателем как своеобразные индивидуальности, личности. Роман «Золотая Липа» выдержал несколько изданий. Увлекательные страницы этой книги неизменно вызывают интерес разных поколений читателей.

Любопытно, что с этой книгой в 1958 г. ветераны Червонного казачества, собравшись на дружескую встречу, двинулись в свой 15-й рейд (в войне совершено 14 героических рейдов), но уже, разумеется, мирный, чтобы встретиться с молодежью в местах боевой славы и рассказать о тех подвигах, которые совершило старшее поколение в защите Октября, передавшее в наследство детям и внукам эстафету мужества и стойкости в боях за Родину.

Увлекают читателя такие документальные повести И. Дубинского, как «Трубачи трубят тревогу» (1961), «Тертый Калач» (1971), «Колокол громкого боя» (1975), «Киевская тетрадь» (1978). Эти произведения составляют как бы цикл повестей о прославившем себя в боях гражданской войны Червонном казачестве. Тематически они сродни, но разные по своему художественному материалу, охвату и драматизму изображаемых событий.

В книге «Тертый Калач», в которой звучат мотивы повести «Трубачи трубят тревогу», особенно проявилось возмужание таланта писателя. В живой форме он расска-

зывает в этом произведении о не совсем обычных злоключениях бедняцкого сына в годы гражданской войны. В то же время, как отмечала критика, повесть является «красноречивой памяткой эпохи бурь и гроз», окончательного крушения вооруженных сил, политики и идеологии старого буржуазного мира, утверждения светлых социалистических идеалов.

Через всю книгу «проходит» образ пекарского подмастерья Назара Турчана, прозванного однополчанами Тертым Калачом. И. Дубинский сумел открыть в человеке те сокровенные черты, которые пробуждались в душе на пути к сложному духовному прозрению «кухаркина сына» от гайдамацкого «вольного казака» до созднательного отважного революционного бойца. Повесть привлекает убедительностью психологического анализа действий, поступков, чувств молодого казака. И это особенно заметно на тех страницах, где рассказывается о солдате-фронтовике, поступившем на работу в пекарню и отдавшем здесь немало сил для революционного воспитания Назара Турчана.

Как справедливо заметил критик И. Киселев, на первый взгляд, перед нами — «традиционное психологическое повествование. Но нет. Вихри революции веют и в этой повести И. Дубинского. Снова и снова окунаемся мы в водоворот политических страстей, военных баталий, социальных столкновений, вновь и вновь оживают перед нами годы гражданской войны».

Особенно заострен в повести классовый конфликт между противоборствующими силами: творцами Октября с одной стороны, и с разномастной контрреволюцией. Конкретно этот конфликт воплощается в столкновении Назара с Горацием-Гараськой, олицетворяющим прогнивший старый мир.

Когда читаешь повесть «Колокол громкого боя», в которой так же все выстрадано и пережито автором, проникаешься каким-то особым доверием к произведению.

Главным героем повести является комкор Червонного казачества Виталий Маркович Примаков. Документальность, соединенная с художественной образностью, делает книгу по-настоящему интересной. Автор прослеживает важнейшие вехи биографии Примакова. Сын учителя, воспитанник и зять классика украинской литературы Михайла Коцюбинского, Примаков в юности связал свою судьбу о Червонным казачеством, с Красной Армией. В военной мемуарной литературе не раз подчеркивалось значение «примаковских рейдов». Недаром М. В. Фрунзе отмечал: «Немного найдется таких соединений в Красной Армии, которые могли бы сравниться с Червонным казачеством».

Впервые в докуметально-художественной литературе И. Дубинский глубоко и полнокровно воссоздал образ выдающегося полководца, так умело сочетавшего военную деятельность с дипломатической, государственной. Он был представителем страны в Китае, Японии, военным атташе в Кабуле. Личность богатая и разносторонне развитая, Примаков находил время и для литературного творчества (вспомним хотя бы «Записки волонтера», очерки «Митька Кудряш», «Рейды червонных казаков»). И. Дубинский, как непосредственный участник тех событий, как один из сподвижников Примакова, поднял из забвения немало страниц истории, связанных с судьбой одаренного полководца, члена партии с 1914 года, участника штурма Зимнего, умевшего по-настоящему действовать и клинком, и словом.

Писатель искренне, с большой любовью рассказал в своей повести «Колокол громкого боя» о жизни и подвиге Примакова. Отмечая достоинства произведения, критика в то же время указывала на то, что автор кое-где увлекся описанием боевых операций, что «невольно приводило к скороговорке», когда речь шла о других сторонах жизни героя. А хотелось бы видеть их «отраженными более развернуто». Но после выхода других произведений Ду-

бинского этот «пробел», пожалуй, заполнен — образ Примакова раскрыт во всей полноте его жизни и деятельности.

В каждой повести не повторяя ранее сказанного, автор идет в глубь темы, художественно осваивает новые характеры и типы. Солдатская жизнь, быт и природа, эхо ожесточенных битв оживают в названных повестях. Хотелось бы отметить, что автор умеет не только обрисовать живой портрет героя, развернуть батальную картину, но и по ходу повествования проникнуть в разнообразный мир природы. Возьмем ли мы один из черниговских осенних пейзажей: «...Мягкий октябрьский закат обволакивал мерцающим сиянием тонкие березы — чудесные шандалы из чеканного серебра, щедро увешанные золотыми жетонами»— из «Колокола громкого боя», или описание примет ночной тайги: «...все залито бледным светом луны. Спит тайга, деревня, дорога»)— из повести «Шатровы»— и не только в этих книгах, — и мы убедимся в этом.

Заслуживает доброго слова и боевая публицистика Ильи Дубинского. Такие его книги, как «Летопись памятных дней» (1967), «Примаков» (в серии «ЖЗЛ», 1968), «Солдатский хлеб» (1974), «Портреты и силуэты» (1982), «Всерьез и надолго» (1983), изданные массовым тиражом,— это документальные страницы истории Червонного казачества, а также нашей современности. При этом важно то, что автор не только размышляет о прошлом червонных казаков, но идет по следам жизни многих из них в наше время, выросших до генералов и маршалов.

Наиболее заметной в этом ряду является книга очерков «Портреты и силуэты» (сюда вошла упомянутая документальная повесть «Трубачи трубят тревогу»). Здесь история тесно переплетается с современностью. Нельзя читать без волнения о червонных всадниках, учителях Дубинского — первом главкоме Иоакиме Вицетисе, командарме Ионе Якире, маршале Михаиле Тухачевском, начдиве Дмитрии Шмидте и других. Среди героев очерков — из-

вестные военачальники В. Чуйков, И. Пересыпкин, К. Грушевой, Ф. Жмаченко... Просто, с тонким художественным тактом выписывает Дубинский их портреты, в итоге подводя читателя к главной мысли: такие талантливые полководцы вышли из глубин народа-богатыря.

Повесть «Трубачи трубят тревогу», как уже говорилось, от первой до последней страницы — реалистическая летопись о судьбах червонных казаков, о поисках ранее позабытых имен героев. Много лет после Великой Отечественной войны, особенно в 50—80-е годы, Дубинский вел переписку с друзьями, учреждениями, организациями, чтобы установить, как сложилась жизнь многих товарищей. Вот лишь один из многих фактов.

«Мне,— писал однажды автор, — ничего не удалось узнать о судьбе славного Максима Запорожца, хотя и слал запросы в Александрию». Но прошло одиннадцать лет после выхода в свет «Трубачей», как пришло письмо писателю из Макеевки, в котором сообщалось, что пишет бывший казак 1-й сотни 7-го полка Иван Артемьевич Запорожец, который лежал с И. Дубинским в Мурах с простреленным локтевым суставом правой руки. «Два моих сына,— говорилось в письме,— работают шоферами. Один внук учится в Москве на инженера, другой заканчивает действительную... Ваш адрес узнал через газету «Правда Украины».

Да, уверен писатель, за сорок лет можно было забыть имя бойца, но твердо помнилось, что Иван Запорожец был из тех стойких воинов, на которых в любом деле можно положиться.

Задача публициста, по словам В. И. Ленина, писать историю современности. По горячим следам действительности написаны, как и художественные произведения, очерки И. Дубинского. В публицистике последних десятилетий автор знакомит нас не только со своими побратимами периода гражданской войны. Ему пришлось встречаться с рабочими людьми, беседовать на волнующие темы жизни,

обращать внимание на недостатки, которые потом подвергал принципиальной критике.

В книге «Солдатский хлеб» находим очерки и зарисовки, заставляющие читателя задуматься над теми или иными проблемами, не оставляющие его равнодушным.

Вот и в новой предлагаемой читателю книге «В парке Примакова» писатель активно вторгается в жизнь, говорит о наболевших проблемах, подвергает критике формализм и бюрократизм, тех, кто стремится как можно меньше дать государству, а больше взять у него. Такие очерки звучат злободневно в период обновления жизни нашего общества после исторических решений XXVII съезда КПСС.

Ряд очерков книги посвящен поездкам писателя в Чехословакию, Болгарию. В них находит по-своему интересное воплощение тема дружбы народов, борьбы за мир, против угрозы ядерной катастрофы.

Произведения И. Дубинского печатались в ведущем союзном журнале «Новый мир». Об этом плодотворном сотрудничестве говорится в одном из писем за подписью А. Твардовского и других членов редколлегии: «Мы не раз публиковали на страницах журнала Ваши ценные работы, посвященные истории советских Вооруженных Сил... Рады в будущем поддерживать с Вами тесные дружеские контакты и надеемся, что эти давно установившиеся связи будут только крепнуть».

За последние четверть века свои страницы для содержательных публикаций И. Дубинского охотно предоставляли и другие союзные и республиканские органы прессы.

Думается, творчество Ильи Владимировича Дубинского, писателя-комбрига, является неповторимой исповедью сердца перед Червонным казачеством, перед народом нашим.

Михайло Логвиненко

В парке ПРИМАКОВА

Повесть-воспоминание

Кто трижды славен? Примаков!
Полки на штурм он вел галопом.
Под грозный звон его клинков
врата трещали Перекопа...

Из песни червонных казаков

I. В ПАРКЕ ПРИМАКОВА

Парк Примакова рядом с мостом Патона в Киеве поражает своим величием да еще... осенней тихой грустью. У подножия памятника охапка цветов. Поднимаешь глаза и не видишь того, настоящего, героя — великого мастера «глаголом жечь сердца людей» и острой казачьей шашкой рубить головы остервенелым врагам. Памятник... Ценны две строки на постаменте: «Виталий Примаков, 1897—1937».

Тихо и малолюдно в сию пору там. Без листвы парк насквозь прозрачен и кажется безжалостно обобранным, забытым.

Славная дата —55 лет Червонного казачества!

Декабрь 1972...

...В 1964 году внес я в нотатник: «Примаков со своими рубаками не один раз прорывал фронт контриков, а вот нынче никак не может прорваться сквозь плотный фронт бюрократизма и равнодушия». Зато нынче без всяких колебаний утверждаю: тема Червонного казачества теперь уже, без сомнения, надежно вырвалась на оперативный простор.

В День Победы, победы в дуплете, вышла книга «Червоне козацтво»...

Взяли верх и ленинская мудрость, и ленинская справедливость — Червонное казачество вновь в седле. Ликуют седые наши ветераны во всех концах

страны, ликуют червонные казачата во многих и многих школах Украины.

Для нынешней победы понадобились фронтальные, фланговые и сквозные атаки всех наших боевых ветеранов.

Сначала, не без титанических усилий и ощутимой помощи ветеранов, был выведен из «окружения» один славный ленинский воевода — Примаков — повестью «Колокол громкого боя» (Новый мир, 1967).

Затем был «вытащен из котла» второй — командарм Якир, повестью «Наперекор ветрам».

Вот красноречивое слово письма, поступившего из села Турбов на Винниччине: «Читаю «Червоне козацтво» и исхожу горькой слезой. Сил не хватает, товарищи!»

...Декабрь, а выдался ясный, солнечный день. Хоть и доставалось порой от примаковских лихих рубак господу-богу, а он не отвернулся в такой знаменательный день от отчаянных хулителей. И боги бывают порой с понятием. Нынче герои-деды, согбенные не одним лишь тяжким грузом славных, но очень уж нелегких лет, в священном безмолвии, на крепком морозе с обнаженными белыми головами, торжественно несли скромные свои букетики алых гвоздик к подножию обелиска своего легендарного, теперь уже гранитного вожака...

II. БОГ И «БОГИ»

Творчество и впрямь ВЧ! Великое чудо, как и жизнь на земле. Этот уникальнейший и драгоценнейший дар судьбы позволяет его счастливому обладателю не только переносить на бумагу пестрые явления быстротекущей жизни, но и творить

ничуть не отличимый от реалии свой мир захватывающих деяний.

Настоящий творец обогащает прекрасную, но отнюдь не легкую нашу жизнь ярким домыслом, а не лакировкой. Сказал ведь великий Белинский: «Для воссоздания фактов мало эрудиции, нужна еще и фантазия».

Библия твердит: бог сотворил небо и землю. И создал он не только птиц и зверей, букашек и рыб, но и человека — хозяина всего сущего на земле и под землей, на воде и под водой. Создал все это безо всяких мук творчества, без переживаний, без конфронтаций, а главное — безо всякой тяжкой бессонницы. Всевышний сотворил белых и черных, краснокожих и желтокожих. И сразу же даровал одним абсолютное могущество, другим — невозмутимую покорность. Одним дал широкую власть, другим — тяжкое ярмо неволи. Далеко не поровну распределил он нужду и достаток. Одним дал светлый ум, другим — лишь могучие руки.

Вечная концепция жрецов Древнего Египта и Вавилона, Эллады и Рима! На ней держались храмы языческие, иудейские, христианские, магометанские, буддистские, конфуцианские. Но великие мудрецы в сфере биологии, генеалогии, социологии Дарвин и Маркс, Энгельс и Ленин развеяли тысячелетние мифы. Они провозгласили: «Владыкой мира будет Труд!»

И все же есть иные «боги». Это те, которые на страницах своих прекрасных книг и впрямь создают волшебные миры, а главное — своего человека и на нашей прекрасной земле.

Их уникальные создания заботятся не только о своем счастье, но и о счастье себе подобных. И на тех же пылающих ярким огнем жизни страницах зримо и выпукло сотворили они их мерзкого

антипода. Того, кто огнем и мечом, лестью и обманом, коварством и лицемерием, угодничеством и подхалимством захватывает штурвалы и рычаги власти, кладет свою тяжкую загребущую лапу на все блага жизни, тянет и тянет все созданное умелыми руками добросовестных тружеников в свое архипрестижное логово. Будь то шхуна пирата или флибустьера, будь то по-нероновски роскошный дворец или же сверкающая хрусталем хавира мультимиллионера...

И хоть создали они, эти земные «боги», не один, подобно всесильному Саваофу, земной мир, а их превеликое множество, мы, если говорить всерьез, не называем чудотворцами и богами ни Гомера и Сервантеса, ни Вольтера и Пушкина, ни Толстого и Шевченко, ни нашего талантливого современника Тычину. Мы их называем просто гениями. И не зря эти искусные создатели неба, земли и всего сущего у нас объявлены всенародным достоянием.

Стать кавалером этого славного, исключительно высокого ордена — великая честь! Яснее ясного — не все пишущие великие таланты. Кроме корифеев пера, есть его чернорабочие, ломовики и даже просто — рикши пера: пробег длинный, мзда куцая. Но и рикши, как известно, вершат полезное дело... Ясно и это — любое произведение достойно похвалы, если оно не развлекает, а вооружает...

III. СТРОКИ ИЗ МОЕГО НОТАТНИКА

1. Жизнь — словно игра в «орлянку». То улыбнется «орел», то выпадает «решка». Капля — ничто, много капель — море. Песчинка — ничто, много песчинок — пустыня Сахара. Секунда — ничто, много секунд — старость. Этот рубеж имеет свою особенность: от старого дерева много тени, от ста-

рого человека много света. Пусть же тень исходит от деревьев, а свет от людей.

Распространять свет истины и добра дано писателям — и старым, и молодым.

2. Радости и огорчения имеют свои источники. Ныне источник огорчения — страна Конго в знойной Африке. Там приверженцы мира Наживы схватили народного героя Лумумбу... Верю в конечную победу святого дела Лумумбы... Ведь осенью 1919 года за спиной оставалась лишь близкая к фронту Тула, а беляки на своих агитплакатах изображали Советскую Россию в виде черепа. А ныне мы — это полмира!

Потрясающий фильм «Таманго». Заковать тело — не значит еще заковать дух. Сам Таманго — раб по сути, сокол по устремлениям, учит дорожить тем, что должно отличать человека от животного: чувство собственного достоинства.

3. Поезд Киев — Львов. Декабрь 1960-го. С волнением вглядывался в густую ночную темь, когда колеса загрохотали по мосту через Збруч. Здесь сорок лет назад наш шестой полк червонных казаков вместе с котовцами спугнул команду петлюровского бронепоезда «Кармалюк», а затем атакой завладели тем грозным панцерником.

Львов. Ночевали в каком-то чулане в «Первомайской». Утром нас с женой перевели в «Интурист». Затем полдня рылся в пожелтевшем петлюровском хламе, а больше всего в журнале самостийников «Тризуб». При любезном содействии О. П. Куща из библиотеки Академии наук.

После волнующей встречи наших ветеранов-примаковцев солист оперы Павло Кармалюк, бывший казак-запевала нашего 10-го полка, пригласил своих однополчан на «Аиду». В роли Амнерис выступала необычного диапазона меццо-сопрано

француженка Ритти Горр. Радомеса пел артист из Риги латыш Фишер. Аиду — москвичка Бурцева.

В роли Амонарсо выступал наш ветеран-запевала, народный артист СССР Кармалюк, с чьей помощью мы оказались свидетелями ослепительного вернисажа могучих талантов и настоящей, изумительной дружбы народов.

4. Тернополь. Секретарь обкома Шевчук Г. И. — приветливый и весьма общительный товарищ. Не склонен подавлять посетителя потоком непререкаемых истин. Он и говорит, и слушает. В его кабинете услышал — в честь освобождения Тернополя в 1920 году воинами Примакова молодежный ансамбль по роману «Золотая Липа» поставил танцевальную сюиту «Червоні козаки».

Затем позвали нас на репетицию. Какой это тяжелый, изнурительный труд! Порыв, динамика, дьявольская экспрессия свойственны лишь по-настоящему любящей свое дело стремительной молодежи. В антрактах танцоры очень просили побольше рассказать им о подвигах червонных казаков.

Любопытно — репетиция шла в зале над знаменитым подземельем, где некогда томился в неволе закованный в тяжелые цепи народный герой Иван Богун. Если бы он знал, что спустя столетия признательная молодежь в залах за́мка-темницы будет готовить танец червонных казаков, которые довели до победного финала народное дело, за которое он со своими отважными товарищами неистово боролся, его цепи не казались бы ему столь тяжкими...

С эспланады в бывшей крепости открывается чудесный вид на дальние холмы за Серетом, куда отошли легионеры пана Пилсудского в августе 1920-го под натиском нашей 2-й бригады из дивизии червонных казаков.

Вечером пришла учительница из Поморян Вера Александровна Жук, «болельщица» Червонного казачества. Плакалась: трудно приобрести для юных следопытов роман «Золотая Липа».

Пишет изредка и поныне учительница с Тернопольщины, но уже не из Поморян, а из В. Роздола. Из Поморян все еще пишут ее питомцы.

5. Завершена работа над очерком «Рыжий консул». Мое скромное слово об Иване Кулике, первом главе Союза писателей Украины, возникло по просьбе Леонида Первомайского и Степана Крыжанивского — составителей сборника о рано ушедшем от нас одаренном поэте, воине и дипломате.

Но... от участия в том сборнике я отказался после возмутительной «кастрации», учиненной очерку архиретивыми миноискателями. Он вошел в книжечку «Тертый Калач», а главное — в том же издательстве, со всеми «нестерильными» пассажами, напугавшими максимально бдительных искателей мин.

До этого услышал в телефоне голос Степы: «Без вас немыслим сборник об Иване Юлиановиче». Позвонил и Первомайский: можно ли до опубликования «Рыжего консула» в сборнике дать его в каком-либо журнале?

6. Герой рассказа «Божья кара» начал испытывать колючки жизни, когда класс издевался над ним за то, что на уроках французского вместо вопроса «Ке фет иль?» говорил: «Ке хвет иль?» Но это было полвека назад. А вот ныне из школы явился сынишка соседа-шофера Кадрова. «Отлупила» его учительница за то, что вместо «фонарь» он неизменно «выдавал» не менее звучное «хвонарь»...

7. У писателей выборы. Из зала в заранее препарированный список предложили внести и меня.

Куда там! Славные «вратари» тут же превратили меня в шайбу и тут же стали ее неистово гонять по всему «хоккейному» полю. Тогда и попросил я слово для самоотвода.

Натан Рыбак заработал несколько скупых хлопков.

В перерыве купил «Рабочую газету» с моим очерком о встречах с Марселем Кашеном. В 1928 году был я его гидом при посещении им в погранполосе Первой дивизии Червонного казачества.

Поблагодарил за публикацию очерка зам. редактора «РГ» писателя Михайла Логвиненко — человека слова.

Один из героев той публикации в «РГ» Николай Федоров начал армейскую службу с эскадронного кузнеца в конном полку 42-й стрелковой шахтерской дивизии в 1919 году. В ту пору политкомом того полка был я. И послал я кузнеца в школу краскомов. И вот — отличный знаток лошадиных копыт в начале 30-х годов дошел до командира 28-й кавалерийской дивизии в Каменец-Подольске. А затем... И выдержал все нелегкие испытания «столбовой» питерский пролетарий-путиловец — помогла остродефицитная профессия кузнеца.

Ныне в огне не сгоревший, в воде не пропавший человек пишет из Ростова-на-Дону — понравился ему тот очерк в «Рабочей газете». Особенно — строки о его «черноокой красавице» из донских казачек, родившей ему сына Святослава. Ныне московского окулиста с мировым именем.

Верю: будет написана боевая повесть об отце — кузнеце-ювелире, и о его сыне — окулисте-ювелире. О Федорове Н. Ф. и о Федорове С. Н. Это ему, Святославу, принадлежит снайперское слово: «За удачу редко говорят спасибо. За провал обязательно вздуют».

8. Позвонил Крыжанивский-младший из «Ранку»: «Для апрельского, ленинского номера ждем очерк в вашем духе». Присланное именитыми, с его слов, не подходит...

Главный герой заказанной мне Воениздатом повести «Наперекор ветрам» — командарм Иона Якир. И на книгу о нем необычно горячо откликнулись и читатели и пресса.

А вот два экземпляра книги «Наперекор ветрам» из библиотеки генерального санатория «Архангельское» полны красноречивых пометок карандашом. Яснее ясного — читатель голосует за книгу...

Вернувшийся из Прикарпатья наш ветеран полковник Шевченко Н. С. сообщил о популярности в том крае книг о героических подвигах Червонного казачества. А партизанский генерал Наумов передал мне сердечный привет его друга Пасько, который «из всех писателей признает лишь автора «Наперекор ветрам». Хочет генерал устроить мою встречу со своим фронтовым другом...

Журналист Гасай на страницах «Вільного життя» (Тернополь) сообщает: уроженцы надзбручанского села Токи и их родичи киевские, дети наисильнейшего комбата нашей Киевской тяжелой танковой бригады Богдана Петрицы, нашли друг друга благодаря книге «Наперекор ветрам». Этого добровольца-галичанина за солдатскую службу при ставке австрийского императора незлобно прозвали так — «адъютант Франца-Иосифа».

Совсем недавно тернопольский инженер, сын предколхоза села Токи Богдан Гладич неожиданно ввалился ко мне домой, на Суворова, 3, с ценным подарком, уникальным изданием «Енеїди». Как он сообщил — тот подарок за внимание к людям его родных Токов. Славный уроженец Галичины передал и приглашение его отца приехать на отдых в те

надзбручанские и памятные мне по 1920 году прекрасные Токи.

И помнится такое: 1980 год. У горсовета остановил нас молодой человек, назвался кандидатом наук из Тернополя. Узнал он меня по портрету в двухтомнике. Нынче он со студентами едет в Прагу, а вернется — будет ждать меня, дорогого гостя, в Тернополе.

IV. «А У НАС ВО ДВОРЕ...»

1. Петро Панч, прочтя «Тертый Калач», пригласил меня в свою резиденцию — Кончу-Заспу, чтобы «пожать автору руку».

И даже при этом выразил желание кое-что о книге написать.

2. Похвалялся ушлый драматург А.: «Нынче рыбалка была блеск: подхватил на крючок не какую-то зауряд-рыбку, а золотую. Вернул ее воде и ничего взамен у нее не попросил, у меня всего вдоволь...»

3. Спонтанно у меня вырвалось, когда на улице Воровского в Москве, в Верховном суде, мне вручили заветный документ:

Меня вернула к свету, к жизни
из тьмы кромешной мать-Отчизна.
И за нее, не помня зла,
известь готов себя до тла!

4. К 60-летию Октября во Львов двинула бригада работяг пера во главе с москвичом Сергеем Сартаковым, с которым мы познакомились почти тридцать лет назад, когда я комбайнерничал на таежных полях, а он возглавлял филию писателей в Красноярске.

Закавыка в том, что не позвали ни единого фронтовика.

5. Роль самой верной жены на сцене играла самая неверная особа в супружеской жизни. Както Константин Симонов у себя дома, вблизи метро «Динамо», творя для меня автограф, сказал: «Вот «Жди меня» не дам. С книгой этой связаны самые недобрые воспоминания о моей бывшей жене...»

6. Был человек, не стало человека. Душевного товарища, неистового труженика пера Степана Олейника.

7. У одного есть имя, нет мужества. У другого есть мужество при дефиците имени. У иного счастливчика есть, да еще в избытке, и то и другое. Только, случается, растрачивает он уникальный дар судьбы в пресловутых забегаловках...

8. Преотлично барахтался литвареник в макитре со сметаной. И вдруг что-то изрядно встряхнуло заветную посудину. И до него выпадали из той номенклатурной емкости более весомые и более одаренные персоны. Это многих обрадовало, ибо тут как нельзя кстати шло на ум мудрое слово «Правды»: «Отношение любого руководителя к нуждам ветеранов может служить мерилом его политической зрелости» (21.7.82).

Выйдя из штопора, тот вареник очутился в первоклассном санатории «Конча-Заспа». Вот он — с лыжами на плече. Физия — кровь с молоком. Калиф на час! Но этого часа было достаточно, чтобы отгрохать себе солидный (по листажу) многотомник.

Работяги пера помнили его товарищей, которые выходили в герои, не слезая с седла. А литвареник — не покидая ряд лет широкого номенклатурного кресла.

9. В редакции ведущей газеты молодой сотрудник не удосужился предложить стул приглашенному на консультацию старейшему труженику пера

Евгению Пермяку. Газетчик — в кресле, ветеран СП — на ногах...

Там же услышал от Пермяка: собирался он откликнуться на «Летопись памятных дней» (с заглавной повестью о Примакове «Колокол громкого боя»), да вот «Павда» опередила его.

Статья в «Правде» шла 26.XII 1967 года.

10. «Научно» доказано: в начальстве таланты тупеют... В их творчестве отсутствует элемент соревнования — залог успеха. Что ни нашлепает, безо всяких компликаций пойдет в набор. Пусть тов. К. не правит нами, а пишет. Сужу по его умной книге об Америке. И пусть подальше держится от «модели века», от тех так называемых дотошных «размышлений», где есть оптимальное обилие слов и очень ощутимый дефицит мыслей... Да, у поп-музыки появился собрат — поп-философия...

11. Московский инженер Юрий Примаков прислал полные восхищения строки — книга об его отце вышла в популярнейшей серии ЖЗЛ. Наш книжный магазин «Сяйво» заказал 800 «Примаковых», дали 200...

12. Послал книгу в Москву критику Ивану Козлову. Товарищу, который черкнул «Новому миру» волшебное слово «Добро!». Я, комбайнер села Бражное на Красноярщине, послал из сибирской глубинки в Москву повесть «Шатровы». Спустя ровно год она появилась на страницах «Нового мира» — январь 1955.

13. Калигула скандально ввел в зал заседаний римского сената своего боевого коня. Иные выводят на самую верхотуру кое-что пострашнее верховой лошади... Но вот парадокс из парадоксов: архичуткие к несправедливостям наши современники, подобно «благоразумным» римским сенаторам, красноречиво молчат...

14. Получив в «ХЛ» новое издание «Золотой Липы» (1975), подумал: для любого автора его проза, выпущенная «Художественной литературой»,— это большая и волнующая поэзия.

В том сила художественного слова, что оно *вероятное* чудейснейшим образом превращает в *реальное.*

15. Попался редактор-уникум — великий мудрец и одновременно великий гипнотизер. Логику его принимаю, гипноз решительно отмел... Мой ответ на салют из СП СССР: «Тронут. Надо лишь, чтобы товарищи с Воровского, 11, ценили заявки ветеранов, как товарищи с Воровского, 52, ценят их стаж...»

16. Переусердствовал критик Дымшиц... В приступе верноподданства приписал А. Софронову авторство популярной песни «По Дону гуляет...». В нашем 7-м полку червонных казаков ее пели добровольцы-донцы в 1921 году. Мнимый автор казачьей песни был еще ребенком...

17. Роман «Вашингтон, округ Колумбия» —стандарт. Многословие с некоторыми лингвистическими удачами. И все!

18. Ровно полвека назад червонные казаки выгнали из Харькова самостийников. Попросил я Игоря Муратова откликнуться, а Светлану Нарбут дать его стихи в газете «РУ». Получил согласие и Харькова, и Киева.

19. Москва. Визит к А. В. Горбатову и к его славной Нине Александровне. Генерал армии одобряет мое слово в Доме офицеров Киева по книге «Генштаб». Советует сделать из него статью для «Нового мира». Убрать кое-какие выпады: «Трогать это нынче не модно». Еще Александр Васильевич сказал: «В войне для атаки важно не пропустить благоприятный момент». Он этот момент не

пропустил и опубликовал свои «Годы и войны» сначала в «Новом мире». Не знаю — летело ли на спину генерала, не упустившего удачный момент для атак, столько шишек, сколь их вонзалось в спину Горбатова-мемуариста, не упустившего момент для публикации его замечательно-правдивой книги «Годы и войны».

Ведь порой за правду хлещут покрепче, нежели за ложь.

Еще генерал схохмил: «Когда мы с тобой командовали полками в Изяславе, не думал я, что, спустя четверть века, стану комендантом Берлина. Но семь годков перед этим был я комендантом кипятильника...»

Да, и это было, но за месяц до начала войны Горбатова потребовали в Москву. Свое теплое местечко в сугубо студеном крае он покинул со словами: «Прощай, дружище! Прощай, мой добрый кипятильник!» Посоветовал доверить то теплое местечко кузнецу-ювелиру Николаю Федорову, но тот наотрез: «Свою кузню ни за что не оставлю. Привык!»

Ведь и привычки бывают разные...

20. Случайно на Горького встретились с Борисом Полевым. Лишь накануне вернулся он из Праги. Там вспоминали меня и всю нашу бригаду, которая прошлой осенью вела нелегкий, но конструктивный диалог с ветеранами Праги и Братиславы (1968).

На страницах «ЛГ» редактор «Юности» поведал: вместе с другими материалами пойдет и моя новелла на ленинскую тему. Теперь же Борис Николаевич просил ускорить присылку рассказа «Весна-красна настает...» Спустя пять месяцев (октябрь 1969) работа в «Юности» появилась под титулом «Слово червонных казаков».

21. Тружусь над «Особым счетом» — дела 1935—1940 годов. Вставки, вставки, вставки...

Вспомнил слова Генриха Гейне о бессмертном Фирдоуси. Тот никак не мог завершить свой классический труд «Шахнаме». Ему казалось, что еще маловато звезд с неба он вклинил в свое замечательное творение...

Если уж сам Фирдоуси, то что нам — рядовым рикшам пера...

Позвонили: пришла рецензия на «Тертый Калач». Враз подумал: не побывал ли сборник в руках перестраховщика? Еще раньше мой редактор Г. Крыжанивский предупредил: «Этот чихвостит всех подряд». Но при наличии ряда дельных замечаний и добрых пожеланий рецензент М. Миценко расхвалил сборник. От иных новелл он просто в восторге.

22. Сначала поступил «Прапор». Там повесть Игоря Муратова «Сповідь на вершині» с реверансом в мой адрес в самом запеве. Затем пришел сам автор — услышать отзыв. За подмеченные неточности благодарил, за мои впечатления — не очень.

Известные уже всем факты послужили ему трамплином для создания весьма сложного психологического образа. Талантливо сработанный, заранее запрограммированный сумбур. Есть, правда, прекрасные куски. Увы, не сплошь. В Гете боролись две души, а в герое Муратова если не все двадцать две, то четыре точно. Его исповедь аж на 400 страницах утомляет. Автор пишет: «Тягнув безконечно цю нитку». То же можно сказать о романе. Сказал автору: это книга для гурманов, не для широкого читателя.

И в этот же час — Игорь Муратов герой! Работать, и так интенсивно, будучи тяжко больным...

Спустя день автор позвонил — помочь. Сдал он работу издательству «Молодь». А оттуда мне: нужна рецензия. Но повторить сказанное Муратову — значит застопорить роман. Ведь я сам не раз просил Игоря подключиться к теме. И подключить иных харьковчан.

Просьбу «Молоді» выполнил. Сообщил я, что не нарушен автором исторический фон и что читатель нуждается в такой литературе...

Что следует добавить? По письмам ряда наших ветеранов, в том числе московского инженера Юрия Витальевича, сына Примакова, можно судить, что они далеко не гурманы...

23. Вот реплика в фильме: «Мужики — это мужики. Найдут себе другую реликвию». Увы, немало идолопоклонников нашлось и среди немужиков. И хоть бы реликвия была стоящей...

Париж создал потрясающе-волнующую ленту «Поездка отца». Явившись из провинции в столицу, родитель постигает: его дочь — заурядная шлюха. Обычная уличная мадемуазель... И главное — весь броский подтекст фильма утверждает: виной всему растленные нравы буржуазного общества.

24. Москва, Малая Бронная. Тепло встретил меня главный редактор «ХЛ» Александр Иванович Пузиков. Он сказал: «Золотую Липу» выпустим». И выпустил. Солидным тиражом — в 150 тысяч.

Гнездиковский переулок — визави магазину Елисеева. В СП Карпова В. М., главредактор, встретила меня с улыбочкой. Показалось, чуть синтетической. Верстки книги «Окно в мир» пока еще нет.

Поварская. Журнал «Дружба народов». Реплика Сергеевой Н. А.: «Ваш «Таежный Отелло» нам подошел». Но я не знал еще тогда, что над этим сверхчутким трудягой стоят вершители, по-своему толкующие тезис о дружбе народов...

25. На Крещатике купил сборник «Окно в мир». В повести «Шатровы»— больше всего из моей нелегкой таежной страды. Как сказано в аннотации,— «автобиографическая и лирическая, с философским подтекстом, повесть».

Саратовский комбайнер Меденцев Г. Г. как-то мне написал: «Ваши «Шатровы» достойны многих хороших слов...» Агапов Б. Н. на совещании очеркистов в СП (Воровского, 52) сказал еще в 1955 году: «В подзагаловке «Шатровых» значится: «Записки комбайнера Бровкина», но дай бог каждому комбайнеру так здорово писать...»

Сколько нервов вымотали у меня «знатоки» на Гнездиковском, 10, прежде чем «Окно в мир» выглянуло в окно...

26. Общее собрание писателей. Неожиданно я в президиуме. Козаченко не пожалел нескольких теплых слов в адрес моих книг. Вдруг — меня выбирают в правление. За —271 голос, против —5.

31. Подмосковная дача генерала армии Казакова М. И. Волшебный уголок. За ним привольно стелется широкая, воистину заманчивая даль. Тут бы творить и творить стихи. А мой питомец по кавбригаде в Изяславе на Волыни (1924) трудится над сугубой прозой. Добавил еще пять печатных листов к своему боевому воспоминанию «Над картой былых сражений». А на его рабочем столе еще две незавершенные рукописи. Первая — «О венгерских событиях 1956 года». Вторая — «О роли оперативных и стратегических резервов в прошлом и в будущем». Трудяга из трудяг, и мог бы спокойно упиваться более чем честно заработанным кейфом...

Машина Казакова отвезла меня в гостиницу ЦДСА, вместе с шикарным подарком генерала-мыслителя моей Фриде Абрамовне — букет ярких

цветов Подмосковья. А из гостиницы генеральский ЗИМ отвез меня и к Киевскому вокзалу.

Нынче на моем столе лежит «Мы с тобой, брат, из пехоты», изданная в Риге книга генерала. Но она уже прислана его сыном, полковником Тодосом Михайловичем Казаковым, также активным участником войны. Еще одним моим учеником на белом свете стало меньше.

... Киевская школьница написала сочинение «Мій дід червоний козак». Киевская сценаристка Тамара Шапоренко создала волнующий фильм по тому школьному эссе и под тем же названием. Газета «Радянська Україна» из ряда представленных лент работу сценаристки Шапоренко поставила на первое место. «Мій дід червоний козак» одержал победу и на зональном смотре новых фильмов.

На именинах соседа народного артиста Харченко смотрели мы по телевизору другой фильм Тамары — «Червоні лицарі». Гости, театральные тузы Украины, восторгались умной работой молодого специалиста. Решили ее поздравить с успехом, подбодрить.

...В помещении лицо трудяги пера Давида Вишневского еще ничего, а вот на улице, при натуральном свете... Подлинная физиономия пресловутого Дориана Грея. Он пишет из Харькова: «Нахожусь в подвешенном состоянии. Ведь я честно воевал от звонка до звонка. Понимал — я нужен! А нынче?» Ведь совсем еще недавно в его жалобах преобладал оптимизм...

Воевал он в рядах Шахтерской дивизии. И все, сообщаемое им, было мне очень и очень интересно. Ведь и я в 1919 году начал свою фронтовую жизнь в 42-й стрелковой Шахтерской!

Роман «Три ночи», безусловно, партийная книга. Написана с дотошным знанием обстановки, людей. Людей со знаком плюс и людей со знаком минус. И безусловно (творивший зло черный персонаж, майор Сивашенко), могла кое-кому не понравиться. Отсюда и...

Восхищают благородство и мужество военкома Шахтерской фивизии товарища Корпяка. В защиту прекрасной книги бывшего редактора дивизионной газеты Вишневского написал письмо в Кремль...

И спрашивается: где, в каком катехизисе на радость всем нашим врагам сказано, что писатель заработанное им потом и кровью должен не *получать, а выколачивать?*

В те же дни я доказывал одному редактору: писатель обязан быть не обывателем, не конъюнктурщиком, а гражданином. Настоящим гражданином. И что женщина без изюминки — не женщина. А произведение без перчинки — не произведение...

Если бы да один лишь Давид Вишневский из Харькова... Из далекого Каунаса пишет Альпас Лепсионис: «Мою новую работу завалил рецензент, который сидел в ресторанах буржуазного Вильнюса, когда я сидел в тюремных камерах буржуазной Лиетувы. Да, есть подонки мелкоплавающие, а есть высокопарящие... Кладу цветы на стол Вашей милой супруги...»

А вот жалобы киевлянина Ивана Рябокляча: «Заболел от успеха — пьеса о Заньковецкой во Львове идет с триумфом. А «критики» требуют все новых и новых купюр. Послушайте — их не устраивает и финальная песнь «Реве та стогне...». Как тут не заболеть?»

...Хорошо прозвучал голос партии в адрес новой книги о славном былом. 26 декабря 1967 года

«Правда» писала: «Колокол громкого боя» воодушевляет юношей и девушек на великие подвиги во имя коммунизма».

Неистово возмущался полпред «Правды» на Украине Черниченко: «Понимаете, звонит в корпункт какой-то дремучий невежда или же дремучий пакостник. Звонок с гневной претензией: «Неужто не могли вы прославить на страницах «Правды» иного автора темы о Червонном казачестве?» Надо же!

Да, метко сказано: солдат рвется к своей цели сквозь зону заграждений, а сочинитель — сквозь зону заграждений и сквозь зону огорчений. Зато когда произошла долгожданная и ультражеланная стыковка... Выпало мне большое счастье услышать с трибуны I съезда советских писателей мудрое и снайперское слово Максима Горького: «Измерение роста писателя — дело читателей!»

...Август 1968-го. Коновальчук из свиносовхоза Туимазы (Башкирия) пишет: «Книга о Примакове очень интересная, но почему в ней нет о героизме и мужестве самого автора — главного командира нашего полка?»

Спасибо тебе, простодушный чудак! Выращиваешь хрюшек, а сколь человечны строки твоего послания...

О той же книге глава латышских красных стрелков Крышьян Жубит: «Вспоминаю мужественных червонных казаков, с которыми плечом к плечу громили беляков. Славный украинский народ может гордиться своим борцом-писателем».

А вот два слова из письма красноярца Игоря Рождественского: «Восхищен «Примаковым». Думаю, таежный поэт несколько увлекся в стремлении подбодрить бывшего таежного комбайнера. Хотя в книге кое-что и есть...

Для нас, для рикш пера, иные послания равнозначны высоким лауреатским премиям. Хотя бы это: «Книгу «Примаков» храним как семейную реликвию. И гордимся автором, нашим семейным кумиром. Котельниково, Божков Константин — слесарь, Божкова Анна — уборщица совхоза, Любочка, Саша, Леня — их дети-ученики».

Спасибо славным труженикам совхоза Котельниково — подняли дух автора. Спасибо доброжелателям из «Нового мира» — Александру Твардовскому, редактору журнала, Евгению Герасимову — заведующему прозой. Спасибо Борису Лавреневу — рецензенту. Все трое дружески отнеслись к работе о славных подвигах самых первых воинов Октября.

Бывший комбриг-буденновец, профессор Федор Всеволодович Попов обрадовал из Москвы: «Вы дали народу, особенно молодежи, чудесную книгу. Написана она и сердцем, и умом. Спасибо от меня и от земляков-полтавчан, которые читали «Примакова».

Спросил как-то Сергея Антонова: «Почему, не зная меня ни очно, ни заочно, вы дали зеленую улицу в «Новом мире» моей сибирской повести?»

Признанный московский новеллист: «Вы меня и второго рецензента Николая Богданова покорили тем, что опоэтизировали тяжкий труд таежного механизатора».

...Тогда же убедился в правильности одного писательского суждения: «Среди тех, кто призван решать судьбу рукописи, труженики пера отличают безусловных доброжелателей от закоренелых миноискателей. Последние самое ценное, что следует подчеркнуть, изо всех сил стараются зачеркнуть. Это великие мастаки делать проколы в авторском «талоне», ловкачи выдувать из полноценного воро-

ха добротное зерно и оставлять в нем лишь полову. Ясно — сугубо стерильную...

...Легко скользят по речной волне комфортабельные суда «М. Исаковский» и «А. Твардовский». Но совсем не легко те уникальные поэты скользили по волнам жизни. Иным фаворитам доставались золотые горы, им — слегка позолоченные...

V. АМОРАЛЬНЫЕ МОРАЛИСТЫ

Гладкой жизни, без ухабов, не было никогда. Это известно по грустной истории наших предков. За неумение или же скорее нежелание обойти те ухабы сторонкой Адам и Ева горько поплатились — они были депортированы из рая... Те ухабы, увы, существуют и здесь... А мир Зла и Неправды,— недремлющие извечные враги Правды и Справедливости,— изловчились наши малейшие кочки раздувать не только в косогоры, но и в Монбланы.

Так будем же смелее бичевать, на пользу нашему общему делу, распоясавшихся творцов тех самых кочек и ухабов.

Статус ордена «Почетного легиона» требовал от своих кавалеров клятву — неустанно бороться против любых попыток реставрации мерзостей, ликвидированных героическим штурмом Бастилии. Великое и мудрое учение Ленина требует от кавалеров бесстрашного нашего братства всячески бороться против любой попытки реанимации мерзостей, угробленных, казалось, на веки веков героическим штурмом Зимнего дворца. Что я, по мере сил своих и возможностей, и делаю.

1. Один ветеран утверждал: «Аморальный моралист — это тот, кто признает все, завоеванное ветеранами, кроме... самих ветеранов...»

2. Ялта. Кочегару-астматику претило чванство грандов и их специально подобранных шоферов-гитаристов. Подал на увольнение, а ему: «Ты хоть и коренной ялтинец, а потеряешь прописку...»

3. Нашему боевому ветерану из села Могильного с Волынского Полесья Якову Жмаченко поплакался его школьный дружок, ныне лесник: возвели в лесу хоромы. Половина — жилье леснику, половина — под барский приют для райбраконьеров и для их диких воскобойчиков. «А главное — никому об этом не скажешь...»

И еще сообщил Яков Федосеевич: в магазинах Могильного пусто, а в домах полным-полно. Хоть полста «Жигулей» — вмиг расхватают. Что примечательно? В старину Могильное считалось самым нищим селом Полесья.

4. Реплика еще одного ветерана: «Аморальный моралист неустанно требует печься о ближнем, а в своем седле с усердием хлещет того ближнего, да не по одной лишь руке, а по обеим. Он вопит: «Мой плов — это и ваш!» А на деле — все в свои заначки да в свой шалаш»...»

5. Вот силуэты двух особ. № 1 — Арнольд Сирель узнал меня, своего комполка, через 55 лет на прогулке в парке Славы. Во время обеда у нас дома сообщил: едет из Баку, где живет, в Нарву — хлопотать о переводе на родину, в свою Эстонию. И поныне он помнит, как под Перекопом наш 6-й полк червонных казаков тепло принял воинов-конников из расформированной тогда Эстонской дивизии.

№ 2. По дороге из Цхалтубо домой в Шепетовку нагрянул к нам бывший боец 7-го полка. Нынче он подполковник запаса, завскладом сахзавода. Както ночью из штабелей утащили 300 мешков складской продукции. Прорыв, да еще какой! А обошлось... Правда, за тару вычли из зарплаты, а «со-

держимое» натянул. Курорт ему нужен ежегодно, а тут путевку не получаешь, а выколачиваешь...

Что ж? После Сиреля комнату не проветривали, а вот...

6. Окулист-волшебник Святослав Федоров пишет из Москвы: «Я не вооружен шашкой, наподобие отцовской, червоннoказачьей, но бои веду. Стараюсь идти дорогой отцов».

7. Бабушка: «Болит голова, выключите телевизор!» А зять: «Знаете, сколько за него угрохали ре? Нехай свое отработает!»

Бабушка: «Постелите мне отдельно. Нынче мне не по себе...» Родная дочь: «Будешь, мама, спать с собственной внучкой. Стирать простыни впадает в копеечку!»

Между прочим, та бабка дала высшее образование и дочери, и зятю...

Еще два-три слова о том необыкновенном зяте. Работая в лаборатории, изучавшей поведение людей с повышенной нервной сенсибильностью, назойливо причислял и себя к уникумам XX века, к так называемым «экстрасенсам». А коллеги по работе, знавшие о его выходках в домашнем быту, именовали его только так: «Наш экстра сукин сенс...»

8. Реплика в адрес соседа: «Покидаю этот дом безо всякого сожаления. Ведь, кроме вас, нет в нем симпатичных людей». Лестно услышать такое от кого угодно, тем более от... А может, дело не в соседях — ведь вместо 46 метров тот литцабе отхватил хавиру в 120! Что же, есть люди как люди, а есть и гниды на блюде...

9. История поведала: в многолетней и недостойной тяжбе Леонардо да Винчи с родным братом победил не гений, а произвол...

10. Вот где воистину сыновья забота о заслуженных ветеранах — чтоб их не сожгло ретивое южное

солнце, им дают путевки в Крым лишь в декабре — январе...

11. Как и церковь из убежища угнетенных через века переродилась в страшное и беспощадное орудие угнетателей, так не через века, а в считанные годы органы принуждения Великой французской революции из защитников Свободы, Равенства и Братства превратились в строгих и жестоких стражей нового, более утонченного, изысканного и лицемерно вопиющего неравенства.

12. Услышал от нашего ветерана Погорелова Сергея: в приемной горсовета видел он письмо Максима Рыльского. Им он в пятый раз обращает внимание городских властей на то, что слепой, без обеих ног полковник Ищенко живет на пятом этаже без лифта. Раньше этого беспомощного инвалида войны выносила на себе его жена, а нынче она сама немощная...

13. В годы войны Г. А. Ин-ва работала в Главном партизанском штабе. Поступила жалоба: какое-то чудовище после использования партизанок расстреливало их. Послали туда инспектора. Но кто-то предупредил виновника. И когда инспектор спускался на парашюте, его в воздухе того...

14. Из письма горного техника Вл. Коруменко (Донбасс): «Обидно до слез — местные власти (Близнюки под Харьковом) и за мои деньги не дали оркестра хоронить моего отца, Вашего однополчанина — боевого червонного казака. Почему? Потому что все Ваше прошлое им до лампочки...»

VI. ФОРУМ В КИЕВЕ

В Спилке столпотворение — регистрация делегатов съезда. Первый день — доклады, два дня прения, четвертый — выборы. Послал секретарю ЦК

записку о том, что недавно писал Чаковскому. Ее тут же передали редактору «ЛУ».

В докладах много арифметики, мало мыслей. Уйма дифирамбов в адрес и рядовых писателей. Зал красноречивыми хлопками сдерживал прыть Земляка и Ребра, авторов кавказких «тостов» в адрес некоторых писателей.

Степан Олийнык подвел поэтессу из Ивано-Франковска Ольгу Стрилец. Захотела она познакомиться с «автором работ о Червонном казачестве».

Сикорский из Одессы, друг Степана Ковганюка, искал меня, чтобы потолковать о героях «Наперекор ветрам».

В кулуарах И. Муратов мне и Загребельному: «Я первый в новом романе показал, что войска Красной Армии возглавляли не хуторяне, а мыслящие люди». Мое контрслово: «А разве мой «Примаков» в ЖЗЛ хуторянин?»

Пока делегаты во всю прели в зале с кондиционированным воздухом, на широких улицах полностью расцвели шикарные киевские каштаны.

А Чаковский своей контрзапиской утверждает, что я не понял его... Куда там!

Было и мое слово на съезде СПУ. То, которому скупо хлопают в зале, то за которое горячо тискают руку в фойе...

VII. ФОРУМ В МОСКВЕ

Москва. Большой Кремлевский дворец. Форум. Запевы весьма и весьма возвышенные. По-настоящему писательской речью было вдохновенное слово К. Симонова. Не схема, не барабанная дробь.

Катастрофа, беда, великое горе — погибли мужественные космонавты, рекордсмены пребывания вне Земли. Этим печальным сообщением открылось ут-

ренее заседание. Почтили погибших вставанием.

На перекуре Н. Богданов, давший пятнадцать лет назад вместе с Иваном Козловым «добро» моей таежной повести для «Нового мира», очень тепло говорил о В. И. Микулине. Стремя в стремя с комбригом Микулиным мы вели от Тернополя к Стрыю бригаду червонных казаков в Карпатский рейд — август 1920-го.

Крестный отец «Шатровых» познакомил меня с писателем необычной судьбы Алдан-Семеновым. Беседовал с В. Шкловским. Трех его братьев накрыл ураган страшного года. Сам, сказал он, уцелел чудом.

Как-то полковник Н. С. Шевченко назвал наши съезды отчетными, не совещательными... Так и здесь — с трибуны звучали отчеты республик. А главное — меньше всего было фактов.

Пришел черед поэта. Передал ему писульку: «Дорогой тореадор! Голову повыше, нос пониже! Ждем слова и поэта, и гражданина. Вас слушает вся страна. Может, весь мир». Я опасался, что горячими выпадами он сведет на нет свойственный его выступлениям гражданский заряд. Ошибся — была речь! И по форме и по глубокому партийному смыслу. Куда там всем нашим корифеям! А как аплодировали оратору, с которым весь зал дышал в унисон. Поэту Евтушенко...

Преотлично накормили нас на 21-м этаже отеля «Россия». Невдалеке обедал С. Крыжанивский с Оксаной Иваненко и еще с одной дамой. Я сказал: «Этот ушлый Степа никому не дает хода — самых лучших дам забрал себе!» Надо ж было поднять настроение тружениц пера...

Полтавчанин А. Ковинька взял на ужин сосиски, кефир и коньяк. Моя реплика: «Вот в чем зако-

винька — чтобы расцвели юмор и сатира, нужен коктель из коньяка и кефира!»

VIII. ФАКТЫ И КОНТАКТЫ

Нормы нравственности одни для всех, независимо от занимаемого поста.

«Правда», 26.3.1983

1. Зацвел жасмин? Ожил невзрачный на вид цветок. Так и невзрачный по звучанию автор порой радует читателя прекрасным опусом — делом его скромных возможностей.

2. Все новые опусы о войне — повтор алгебраической формулы $(а+в)^2$. Буквенные символы у них одни и лишь числовое их значение разное... Короче — перепев за перепевом!

3. Искусно и мудро сделанная в Белграде коротенькая киноновелла «Чарующие звуки» вполне может заменить десять длинных речей.

4. В Миргороде заказывал такси на Киев. Диспетчер, славная девушка, ликовала: впервые увидела живого писателя...

5. Есть писатели — хозяева своему слову. Выполнил обещание В. А. Катаньян, муж Лили Брик,— прислал фотокопии шести страниц капитального труда Луи Арагона, где говорится о роли конницы Примакова в разгроме Деникина.

6. На скамейке Русановки самобытная поэтесса: «Чоловік живе як свічка — вітер дунув, він погас...»

7. Времени свободного много. А к работе не лежит душа. Есть еще силы создавать, но нет сил проталкивать созданное... Не всегда пилот накрывает цель с первого захода...

Сразу поднялся боевой дух — Борис Полевой в своем письме сказал доброе слово о рассказе

«Аллегра модерата». Попросил немного подшлифовать текст для «Юности».

Борис Полевой хочет дать на страницах «Юности» этот рассказ вместе со снимком — я у комбайна на таежных полях. Увы! Когда уже все было на мази, оказалось — журнальные волки пера сильнее редакционного главного...

И все же рассказ «Аллегра модерата» (не «аллегро модерато») хорошо подан журналом «Україна» (№ 48, 1977).

8. Нелегко и иным редакторам. Замучил их один «популярный» детский писатель. А именно — писал для взрослых, впавших в детство. У него весь текст — повтор передовиц. Не только их идеи, но и их строки. Настоящий же труженик пера берет из передовиц лишь одни идеи. Ведь высказывания не только беллетриста, но и публициста чего-то стоят, если они сказали то, чего еще не было в газетах.

Одно перо способно отобразить опыт жизни. Другому удается домысел поднять до уровня реальной жизни. У третьего же домысел неотличим от жизненной правды.

Как из посеянного зерна растет корень, стебель и колос, так и из зерен правдивой жизни вырастают пышные цветы и сочные плоды потрясающего домысла.

9. Фильм «Квартет Гварнери»— коктейль из Моцарта и Шерлока Холмса. Сюжет не нов. Под шумок боев гражданской войны комбинаторы пытаются вывезти за кордон уникальные скрипки. Раньше еще — в моем «Контрударе» — комбинаторы пытаются вывезти ценнейший рояль «Стейнвей». Но фильм смотрится... (1978).

10. Утерял пакет для Воениздата (5.I.1982). Спустя два часа постучал незнакомец. Шофер. Подобрал

он пакет на асфальте бульвара Леси Украинки. Подарил ему «Окно в мир». Спустя ровно год пришла из Воениздата верстка «Золотой Липы».

11. Примаков: «Почему книгу предворяет портрет Ворошилова, а не мой? Передайте мой протест товарищу Станиславу (Косиору)». Вскоре я это сделал, и в книге «Червонное казачество» (1934) после титула дали Примакова. Ворошилова — далеко в тексте. Это издание мне подарил в Харькове в 1965 году наш бывший боевой сотник Лазаренко.

12. Нет! Я признательность не в силе
Наталье выразить Забиле...
(Автограф на «Контрударе»).

13. Нацелился по рассказу В. М. Крамара сделать новеллу о сложных взаимоотношениях, чередовавшихся в субординации двух ведущих полководцев.

Но трудный перевал уже позади. Повесть «Аллюр три креста» дала «Радуга» в № 11, 1982 года. Добрым словом 23.II.83 откликнулась «ЛГ».

14. Вернисаж Рериха — умопомрачительный мир контрастов. Неистовство красок. Глобально выпячено величие мироздания, ничтожество человека. Вечность природы и недолговечность ее творений. Даже самых уникальных.

Вернисаж: из коллекций Хаммера. «Кардинал Монтинелли» — ультрарафинированный иезуит, а «Царь Давид»—озаренное морем света море скорби.

Бабий Яр! Возник там выразительнейший монумент. Эта Голгофа превзошла иерусалимскую, на которой был распят «санклют номер один» — Христос.

РАЗНОЕ

1. Написал из Сибири Брежневу Гнат Мозговенко, орденоносец за жаркие бои осени 1919 года, ре-

шившие судьбу Москвы и судьбу Великого Октября. Просится лихой рубака, славный ветеран легендарного Червонного казачества к себе на родину, на землю Черниговщины. И это слезное послание престарелого ветерана, не дойдя до Брежнева, было отфутболено назад, в Иркутск...

После всего сказанного в его адрес с самых высоких трибун подвести бы ему огненно-золотистого скакуна, а его сажают на маштачка сугубо пенсионного стажа.

2. Скажи, какие у тебя пластинки, и я скажу, кто ты есть.

3. Иезуитизм — это изощреннейшее искусство красивыми и насквозь лживыми словесами прикрывать мерзкие и архимерзкие дела.

4. Подхалимаж достиг наивысшей точки кипения. Если при этом сам подхалим не сгорит, то навар, и довольно густой, обеспечен...

5. Реплика таксиста: «Сам не беру и другим не даю, даже мойщикам машин. Пусть там любые установки, а выпивох буду отвозить в вытрезвиловку. Пусть он будет из цабе самый цабе, а пачкать руки о его нечистоты не стану!»

6. Поучения ушлого муллы: «Перед принятием важного решения ступайте в свой гарем. Выслушайте совет старшей жены и... поступите наоборот».

Не от подобных ли «мудрецов» и пошли множиться аморальные моралисты?

7. Трижды просил львовскую ларечницу отпустить мне сигарет. А она с раздражением: «Вот были люди... А вам «Шипку»...»— и положила руку на недочитанную страницу. Затем повернула книгу ко мне обложкой. То была... недавно выпущенная Воениздатом «Золотая Липа»...

8. Яснее ясного: рецензенты из провинции (Ивано-Франковск) видят в произведении то, чего не

замечают или скорее всего боятся заметить столичные оценщики. Даже из двух литгазет — Киева и Москвы (1968).

9. «Літ. Україна» хорошо отметила дату Первомайского. Ибо — талант! Сущий метр! А Борис Полевой в своем послании назвал меня сим ультрапочетным званием — это ради моей даты.

10. Звонит Кубань: у Володи родился сын. И отлично — у сына моего второй мальчик, у Андрея — братик, у меня — второй внук. «Добрый казак»,— определила краснодарская бабушка.

11. Из майского салюта дважды Героя, генерал-лейтенанта Слюсаренко Захара Карповича: «Тогда (1936), всего-навсего комвзвода, чтил я своего командира бригады. Чту и теперь...» (1970).

Институт литературы, площадь Ленинского Комсомола, Киев. Реплика Степана Крыжанивского: «Парад на площади Дзержинского. Харьков, против Госпрома, май 1936 года. Иду, задумался. Слышу: «Здорово, Степан!» Вижу — комбриг Дубинский наводит порядок в танковой колонне, а заметил меня!»

...А вот стояли мы в очереди за фруктами. Было это на Бессарабке. И вдруг сугубо коммерческого вида гражданин, заметив меня, голосом, полным восхищения, выпалил:

— Товарищ Пожарский! Дорогой товарищ Пожарский! Сколько лет, сколько зим! Надолго в наш Киев?

Этот натиск бури и восторга меня ошеломил. Но, кроме Пожарского, хорошо нам известного по истории смутного времени, иного не знал. Быстро оправившись от мгновенного шока, ответил человеку:

— Вы ищете Пожарского? Он остался в Москве, на Красной площади. И, как всегда, в обществе Минина. Гуд бай!

И еще эти «сюрпризы». Пили мы в богоспасаемом еще со времен Гоголя Миргороде его знаменитую целебную воду. Так вот именно там инженер из Запорожья принял меня за земляка-конструктора, а железнодорожник из Никополя—за пенсионера из паровозовожатых.

Сознаюсь, довелось мне водить автомашины, танки, затем тракторы и комбайны. Но вот поездов водить не пришлось. Ни товарных, ни пассажирских. Чего не было, того нет...

А вот стоянка такси на Почтовой нашего славного Киевграда. Рядом с речным вокзалом. Скопившиеся у головной машины таксисты, поглядывая в нашу сторону, о чем-то оживленно судачат. Когда наше такси тронулось с места и взяло курс на Крещатик, таксист, лукаво усмехнувшись, выложил:

— Поначалу братва посчитала вас за Макмиллана. За английского гостя. Того самого, который недавно побывал в нашем Киеве. А потом смекнули: Федот, да не тот...

Но нет ничего странного в том, что разгулявшаяся фантазия таксистов, больших любителей романтики и необычных происшествий, превратила меня, старого человека, коренного жителя нашей Украины, в английского Макмиллана.

12. Гости, латстрелки из Риги, приняли от нас портрет Примакова со словами: «На вечное чтение!» (1982).

13. Я. Т.Сирченко хорошо помнит героику Червонного казачества. В колонии для беспризорных под Харьковом часто выступал легендарный казак Андрей Багинский. Тот самый киевский печатник, сыну которого злодеи-черношлычники выкололи глаза.

Собеседник из бывших беспризорников заверил: хлопоты ветеранов будут с последствиями: на водах

Днепра скоро поплывут пароходы со светлыми именами на борту — «Червонный казак» и «Виталий Примаков».

Да, уже много лет бороздят воды Славутича корабли с этими много говорящими людям именами. Спасибо днепровским корабелам!

Спасибо славному человеку тов. Сирченко, выросшему в управделами Совмина УССР из беспризорных!

14. Радио передавало отрывок из книги Филиппа Голикова «Красные орлы». Думаю, отметили присвоение автору высокого маршальского звания. Год назад, отдыхая в Конче-Заспе, пригласил он меня на беседу.

Не забыл начальник Главпура 1936 год. Я был тогда начальником танкового сбора под Вышгородом, он явился из-под Саратова командовать 8-й танковой бригадой.

В семнадцать лет вступил он в партию, в один день со своим отцом,— 1918 год. В Великую Отечественную возглавлял фронт на Воронежском направлении. В шестидесятом, рассказывая о своем будущем воспоминании, он буквально по-мальчишески приплясывал на асфальте тенистых тропок «престижного» санатория. И вот, спустя ровно год, книга увидела свет.

Радость несказуемая...

15. И в наш век, век толковых компьютеров и премудрых ЭВМ бывают чудеса... Холостяцкий обед в ресторане «Украина». Полковник рассказывает... Читает он интересную книгу о Червонном казачестве. Спросил я какую. Услышал ответ: «Золотая Липа», роман...» И само собою вырвалось: «Автор книги — я...» Тут и полковник назвался: «Шевченко Николай Семенович».

16. Собрание в Спилке. На трибуне Павло Загре-

бельный. Кается: газета «Літ. Україна» шибко проработала книжку поэта Малышко... «На меня смотрят, как на кандидата в повешенные... Мы ошиблись: я малоопытный редактор, Дзюба — малоопытный критик. Разве это такой тяжкий грех? Нам пишут... Зачитаю одно, автор его присутствует здесь: «Гугенот Генрих IV, получив власть, стал королем всех французов. Он знал: Франция — это не одни гугеноты. К сожалению, эта азбука политмудрости королей была недоступна старому редактору. А новому?» Отвечаю: я не гугенот и не католик, для меня все равны!»

Во время перекура подошел «кандидат в повешенные» с дружеской репликой: «Извините, ваш «Лукавый Лука» задержался. Обязательно его дадим... А письмо ваше о гугенотах очень остроумное!»

Ту новеллу, вошедшую после в книгу «Трубачи», газета «ЛУ» дала 27 июня 1961 года. Спустя три недели.

IX. ПО ДВА СЛОВА О МНОГИХ

Строковский Николай. Его рассказы в «Радуге» — с перчиком. И смелый вызов ряду несправедливостей. Молодцы — и автор, и редактура! (1968).

Земляк Василь. Его особенность: писать значительное о незначительном.

Захаржевский Валериан. Да, неизвестный писатель попадает на страницы известного журнала лишь на буксире. В сей раз — с именем Чехова. Рассказ об Антоне Павловиче вызвал тихую и светлую грусть.

Крылов Иван. Много ценных находок в «Записках красногвардейца», небольшом труде о больших делах Красной Пресни (1969).

Арагон Луи. Его «Страстная неделя» утяжелена уймой неиграющих деталей. Живописна деревенская кузница — напоминает мою из повести о таежной глуши (Новый мир, январь, 1955). У меня лишь мазки, у парижанина вся технология.

Зато мысли о сущности власти — блеск. Браво, Арагон!

Уэллс Г. Его «Самовластие мистера Паэма» о первой мировой войне написана за десять лет до нее. Моя о второй — за пять лет до нее, и она ближе к фактуре. Жаль, не мог ее выцарапать из глубоких недр «Черного озера» далекой Казани. Ответили: «Сожжена» (1970).

Экзюпери. Необычная для графа трудовая биография. Доброе слово столпов беллетристики и бойкое перо обеспечили успех и паблисити. Чуть многословен автор-летчик, но впечатляет термоядерная энергия суждений и дьявольская сила его динамичной лексики.

Капутикян Сильва. Получил из Еревана «Караваны еще в пути» с волнующим автографом. Вспомнил ее земляка, моего питомца по 9-му полку червонных казаков (Изяслав, 1923) Сергея Худякова (Арменака Ханферяна), ставшего в Великую Отечественную маршалом авиации и сразу же после славной победы в далеком Квантуне убитого не агентурой фюрера в Пруссии, не наемниками самураев в Маньчжурии, а в нашем далеком тылу молодчиками Берии. Нынче Худяков — народный герой Армении! (1971).

Пастернак Борис. Книга «Доктор Живаго» о правдиво описанной сложной одиссее высшей прослойки русской интеллигенции. Главное — так тонко сработанная, что поневоле вызывает жалость к ее персонажам. По сути, это, с огромным

отрицательным зарядом, повесть о белогвардейце в красном стане.

Лидин Владимир. Его рассказы сентиментальны, человечны. Они не только трогают, но и волнуют. Даже без уникальных сюжетов. Показана зауряджизнь. Его герой не одинок, не покинут. Есть сердца, которые волнует судьба ближних, есть руки, готовые протянуться к ним. И самый разодинокий вдруг ощущает — он и впрямь кому-то нужен, кому-то интересен, кому-то может быть полезен. И, как у космонавтов во вселенной, само собою происходит прочная, надежная и благотворная стыковка сердец...

Вишневский Давид. После слова с трибуны нашего секретаря ЦК по идеологии никто уже не посмел срывать выход интересной книги «Три ночи», из-за которой неистово терзали автора 333 дня и более чем 333 ночи...

Леонов Леонид. Концепция его новой телепьесы крепко бьет по реваншистам наших дней, по коварным реаниматорам культа.

Археологи XXX века установят: люди XX были еще жуткими и стойкими идолопоклонниками. А главное — почитали они не каменных, как их предки, перунов, а живых...

Сервантес Мигель. Исполин красного слова! Трагедия за трагедией в жизни и вечный триумф после нее. Не везло ему в любви — первая жена была несомненной потаскухой. И вторая все тянула влево, но родила ему дочь. Третья жена бредила мифическими рыцарями и отвергла рыцаря реального. Примечательно то, что Сервантес начал своего бессмертного, своего вечно живого «Дон-Кихота» в казематах долговой буцегарни...

Троепольский Гавриил. Его «Белый Бим, черное ухо» перекликается с «Записками охотника». В кни-

ге множество отличнейших пассажей, но и вдоволь сюсюканья.

Попель Николай. «В тяжкую пору» — мудрая и праведная книга об отваге и уникальном благородстве советских воинов. Очень тепло встреченная читателем, нынче ее шерстят критиканы. Но кишка пока у них тонка. Иначе они бы всех славных Попелей растоптали в прах, на сей раз под дикие заклинания о мерзости культа...

Яновский Юрий. Кроме знаменитых его «Четырех сабель», была у него и пятая. Ею он покорял многие и многие сердца. Раньше многих иных он созрел, чтобы быть настоящим братом ближнему.

X. ВОКРУГ ХРАМА БОЖЬЕГО

Ныне (1968) это произведение у всех на устах. О новой и необычно смелой работе судачат на всех углах и в троллейбусах всех городских маршрутов. Не только в шумных аудиториях столичных гуманитарных, индустриальных вузов и в патриархально-тихих учительских киевских школ, но и в цехах фабрик, заводов, в пошивочных ателье. И даже на «козлодромах» глухих дворов и главных парков, где ветераны труда и боев самозабвенно забивают «козла». Короче, за последние два пятилетия ни одно произведение не вызывало такого ажиотажа, как эта книга автора популярных «Прапороносцев»...

«Импульс» дан Днепропетровском. Его влиятельные особы весомо охаяли «Собор»... И вот чудо: синхронно в юбилейный вечер автора (первая круглая дата —50) с высокой трибуны патриарх украинской поэзии Микола Бажан и испытанный ценитель литературы Леонид Новиченко дали книге Гончара очень высокую оценку. А когда автор

хлестко стеганул по мастерам всевозможных запретов, зал устроил ему бурную овацию.

Да, его произведение — это талантливая ода Советской власти. Одновременно оно бьет в упор по бюрократам, самодурам, каковых, увы, немало не только в благословенном Днепропетровске.

А тут загудела молва: книгу похвалили в Ватикане. Пока наши идеологи мудро выжидали, что скажут о книге там, поворотливые иезуиты выхватили из их рук боевое оружие. Случалось ранее — строгим запретом говорить об острых явлениях нашей жизни мы уступали врагу поле идеологического боя. А нынче уступили ему и... оружие. Оружие и безотказное, и дальнобойное.

Нет, чтобы покаяться, исправить промах на ходу, «знатоки» принялись интенсивно за «работу»... Говорил в годы гражданской войны один мудрец: «Для победы над врагом надо побольше ораторов, поменьше милиционеров». А тут...

Известно: за наши идеи, за наш социалистический строй голосуют 99,99 процентов граждан. К чему же снова кричать, будто те 00,01 процента, якобы притаившиеся в брюхе «троянского коня», то бишь в «Соборе», могут заслонить те почти 100 процентов голосов просоветских граждан? Ерунда! Ерундистика!

А молва не дремлет: «За прочтение архикрамольной книги ловкачи берут десятку. «Червонец!» И будто роман снят с публикации в журнале «Дружба народов». И вся эта неприглядная возня с книгой затеяна лишь с одной целью: реабилитировать задетую Гончаром «честь мундира». А тот мундир и впрямь заартачился — в одном из далеко не светлых персонажей романа узнал себя...

Столичная газета нарасхват. Вопиющее неуважение к мнению ведущих писателей, критики! Чу-

даки — этой статьей еще больше закреплено произведение на уготовленном ему автором постаменте.

Есть горе-шахматисты — ликуя, они схватывают с доски короля, не в состоянии уяснить, что этим самым уготована потеря всех ведущих фигур... Обилие слов и скудость мыслей разгромной статьи нацелены, яснее ясного, на одно — на реанимацию любимого «искусства» недавнего прошлого: искусства молчания.

Володька Лобода, архишустрый «новатор», герой романа, задумал снести древний храм и на его месте соорудить общедоступную харчевню. Подражая ему, его однодумцы, уже не на страницах книг, а в жизни норовят сокрушить признанные таланты и на их место вдрючить мастеров повтора передовиц. Тех бойких работяг пера, которые забывают, что настоящий писатель из передовиц берет лишь их идеи. И не более...

На встрече с писателями секретарь горкома партии тов. Ботвин сказал: «Не надо пришивать ярлыков. Ведь некоторые критические статьи были поверхностными и бездоказательными...»

Если это не прямая, то косвенная реабилитация. И если не «крамольного» романа, то его отважного и мудрого автора. И реприманд для тех, кто честь своего престижного мундира ставит превыше всего...

А может, и впрямь пришло время для моего очерка, отвергнутого газетой «ЛУ», как только по книге еще не был дан залп, но дула пушек уже смотрели на цель? О моей статье автор «крамолы» откликнулся так: «Вона зворушила мене бойовим темпераментом і ленінською принциповістю».

И все же правда в огне не горит и в воде не тонет. Она оказалась сильнее не только огня и во-

ды, но и престижных мундиров! Ведь истые таланты — это бесценное достояние всего народа — не могут служить предметом жонглирования!

XI. РАЗДУМЬЯ ВЕТЕРАНА

(КОМУ ШКОЛА, КОМУ КРАМОЛА)

В нашем государстве все люди равны перед законом.

Правда, 9.4.1983

1. Не все увиденное, не все услышанное подлежит передаче. Лишь то, что может радовать глаз и волновать человеческое сердце. А есть колдуны от литературы: плюя на мнение читателя, с поразительной ловкостью рук и, как говорят, без никакого мошенничества, из чужой конфетки делают дерьмо, а из своего дерьма лепят конфетки.

Воин, олицетворение мужества, вершит историю штыком. Ученый воссоздает ее пером. И особенно ценны страницы, написанные рукой, которая хранит на себе жар ружейных стволов — Фурманов, Фадеев, генерал Горбатов. Есть воины, чьи заслуги признает лишь избавленная от предвзятостей история. Есть труженики пера, чей труд по достоинству оценивает лишь лишенный пристрастия проницательный читатель.

М. И. Калинин утверждал: «Свой судит наших чиновников, чужой — всю Советскую власть». Праведное перо должно осуждать неправедных чиновников. Им дано право судить, перу — их осуждать. Осуждать, невзирая на ранг, чтобы людям жилось легче.

Любят женщин, сверкающих лоском и умом, любят и внешне тусклых. И тогда, не замечая ее тусклости, приписывают любимой мифические качества.

Народ жаждет волевых, мудрых, отзывчивых правителей.

2. Мой «Особый счет», внимательно вычитанный академиком Минцем, генералами Горбатовым и Лукиным, писателем Симоновым, вечен. Не вечны «счетоводы», те самые, которые сводят с ним счеты. Я полагал бы свое творчество беззубым, если бы оно не бесило наследников Петлюры, Ежова и Шульгина.

Да, мы учили и предков иных наших нынешних литчино́в. Тех, кто шел с Советами, жгучим ленинским словом. А иных, которые... острым червонноказачьим клинком.

3. Попалась в руки архипухлая мемуарная книга. Автор всю жизнь рос на самом сжатом в мире языке — на языке строевых и боевых уставов. А нынче он упивается глобальным и убийственным многословием. Но ведь лучше своя одна худая мысль, нежели без конца упиваться чужими. А может, мемуарист ухватил самую суть — литчиновников все необычное ошеломляет, все трафаретное радует...

Из текстов В. Гюго следует: до самоубийства инспектора Жовера было «убийство». Убил Жовера его антипод Жан Вальжан всего лишь четырьмя словами: «Как мне вас жаль!» А вот иных Жоверов, любителей всего трафаретного, врагов необычного, не убьешь и 444 словами...

4. Заседают наши прозаики. Сплошное сюсюканье. Будто главное — это сделать из Ленина икону, нового Христа, заслоняющего собой народ, деятелей, героев, партию. А не показать новую, порожденную ленинским светлым учением и практикой трудовых масс мораль. И магическую силу ленинского духа. Его триединую силу — веру в правоту движения, веру в победу, веру в человека.

5. Строки великого мастера слова Хемингуэя о Москве — трафарет. Не жалея дегтя, называет Марти, вожака восставшей французской эскадры, психом. Самая слабая страница великолепнейшей книги. И навеяна она, уверен, Михаилом Кольцовым, который пытался обелить ту самую руку, которая вскоре прикончила его. Его, который там, в кипящем Мадриде, для всех Хемингуэев был бесспорным символом Москвы.

6. Книг о шпионах написано куда больше, нежели во всем мире было тех самых сикофантов, начиная с эпохи Торквемады и кончая Берией.

7. Чем меньше крови, тем ценнее победа. Чем меньше слов, тем значительнее мысль.

8. Сплошная дикость эпохи, эпохи волшебника Рублева. Ни единого просвета. И вдруг тонкая прекраснейшая вязь — работа впоследствии варварски ослепленных хищником-князем бедных каменотесов. Затем фильм показал до предела насыщенные кровью волшебные полотна Андрея Рублева.

9. Директор издательства товарищ Б., с холеным, чуть высокомерным, необычно пасмурным лицом, слушал нас, авторов, вполуха. Видать, вот-вот где-то наверху ему намыливали ответственный его чуб или же он, торопясь на прием, кому-то намыливал спину...

Образцового тракториста, талантливую балерину редактор газеты может показать и без санкции свыше. А вот ветерана движения...

Филармония — чудесные силы. Обычное явление — есть голос, нет еще имени. Что на широтах вокала, что на меридианах беллетристики одного дарования мало, необходима еще интервенция мнений, соображений. А то просто и добрая рука, а порой и широкая спина.

10. Речь Никсона — слова ангела, а вот дела... Чудо — с высокой трибуны президент горевал о ленинградской Тане, жертве блокады. А как же с вьетнамскими Танями — жертвами вашингтонского напалма? И вот суперфеномен — не фолианты мудрых книг Шолохова и Стельмаха, а тонкая тетрадочка Танюши может весомо лечь на чашу всеобщего мира!

11. Идет фильм «Бег» с главным героем Хлудовым (ширма мрачно известного генерала Слащева, правой руки диктатора Юга России барона Врангеля). За счет заправил белогвардейщины выпрашивается всепрощение всем прочим. «Бег» адресуется к жалости зрителя. Жалости к кому? К тем, кто залил страну праведной кровью ее тружеников? Та же идея, что и в «Днях Турбиных».

А ведь памятна еще боевая частушка незабываемых лет:

От расстрелов стоит дым,
То Слащев «спасает» Крым.

Не ужились тараканы в одной склянке. Вымолил себе гад амнистию... Обещал покорить всю Индию, лишь бы дали дивизию. Дивизию не дали, а к роли инструктора стрелкового дела допустили. Но вскоре там же, в Лефортове, мстя за повешенного брата, его пристрелил слушатель академии...

Природа фашизма таит в себе эмбрионы неминуемого поражения, невзирая на длинную цепь побед. Природа же социализма таит в себе корни неминуемой и полной победы, несмотря на ряд тяжелых неудач. Это и есть марксистское, ленинское объяснение сложных явлений, а не жонглерство и словоблудие сочинителей пухлых томов на «модную» тему.

XII. РАЗВЕ НЕ ТАК?

1. Латинисты видят то, что было за тысячелетия назад, но не видят того, что у них под самым носом.

2. Пока искра в камне, она еще искра. Вспыхнув, она тут же умирает.

3. Стук колес и шум паровоза при встречах вызывают радостное возбуждение, при проводах навевают грусть.

4. Сердце имеет десять жил. Они крепнут от радости и труда, рвутся от безделья и огорчений.

5. Нельзя в мирное время править по законам военного времени.

6. Полевой костер навевает мечтательность. В давнюю давность этот самый огонь положил грань между животным и человеком.

7. Заповедь настоящего человека — уступать дорожку всем.

Заповедь ненастоящего — чтобы все уступали дорожку ему.

8. «При крутых поворотах шкурники всплывают наверх» (академик Минц И. И.).

9. Пигмеи, возомнившие себя Наполеонами, по заслугам оплеванные, сошли на нет. Живет исполин-народ и его исполин-партия. От Ленина, Блюхера, Фрунзе исходило сияние. И это было сиянием партии, не сиянием ницшеанского сверхчеловека.

10. С убеждением обращаются к разуму, с устрашением — к инстинкту. Через разум людей просвещают, через инстинкт дрессируют. Настоящий человек пользуется доводами, ненастоящий — страхом.

11. Чтобы все классы работали на буржуазию, она им надежно затыкала глотку. Ныне рабочий клас затыкает глотку буржуазии и ее рупорам, чтобы иметь возможность работать на себя.

12. Ротный политрук из каменщиков внушал бойцам: как цемент скрепляет кирпич, так коммунист скрепляет массу. И добавлял: кирпич виден, раствор едва.

Настоящий партиец, выдвигая вперед людей, сам остается в тени...

13. Помни о водонапорной башне... Зовешь людей на подвиг, поднимись над ними грузом своего интеллекта, эрудиции, ленинской скромности. Не грузом своей холки, мощью голосовых связок, обилием кастовых привилегий.

14. Когда надлежаще чтят память вожаков, народ, вспоминая героическое прошлое, укрепляет свои силы для новых подвигов; страна, показывая всему миру своих исполинов труда и мысли, охлаждает горячие головы безумных Мальбруков; держава, ее столпы, осуществляя преемственность поколений и времен, старается превзойти своих предшественников в державной мудрости, прозорливости, скромности, доступности, душевности, в заботах о безопасности, благополучии и достатке народа; партия, показывая ленинский лик ее вожаков, делает все, чтобы их житие во имя народа звало массы к новым трудовым, научным, культурным, а если грянет зов боевой трубы, то и к ратным подвигам, грандиозным свершениям.

15. Сдохшего ныне Трумэна газеты антимира называют великим человеком. Миллионы же граждан Хиросимы и Нагасаки не в счет... Да, мелкого злодея казнят на плахе, крупных хищников, особо державного диапазона, с помпой возводят на пьедестал. И чем крупнее его злодеяния, тем больше помпы.

16. Фанаберия дворянства — любят сочные жареные бифштексы и не терпят поваров, которые их жарят...

17. Радует страх буржуазии, боящейся потерять капиталы, возможность выжимать пот. Не радует страх интеллектуалов, боящихся потерять свой «капитал»: право иметь свое мнение и возможность его высказать.

18. Нигилизм! Может, это вовсе не то, а гигантски выросшие производительные силы выражают свой протест против отсталости отдельных носителей производственных отношений?

19. История повторяется. Увы, не всегда во главе с титанами, бывает и во главе с пигмеями...

20. Гоминдан отвешивал три поклона Знамени и один — создателю партии Сунь Ятсену. Теперь это стало старомодным.

21. В Риме сенат придавал видимость закона явному беззаконию.

22. Последнее слово: Юлий Цезарь — «И ты, Брут!»; моряк-насильник (за солидную мзду для возлюбленной) — «Покупайте шоколад Гала-Петер!»; Нерон — «Умирает великий поэт!»; Корбулон (ведущий полководец Рима) — «Получаю по заслугам!». И впрямь он мог сбросить и не сбросил душегуба Нерона, чего неистово ждал от него народ.

В наше время иные воеводы вместо того, чтобы повторить слова Корбулона, на свой лад повторяли рекламные слова того моряка...

23. Подло, когда один народ угнетает другой. Вдвойне подло, когда вчерашний угнетенный сегодня сам становится угнетателем.

24. Демократия — это не только право выбирать, но и святое право выбора. Пусть мы будем выбирать не одного из одного, а одного из трех, хотя бы из двух. И тогда будут нами справедливо, по-ленински управлять не подобранные, а впрямь выбранные. Эта настоящая демократия даст по моз-

гам разным демагогам, разным диссидентам и разным тухлым апостолам «свободного мира»...

25. У Плеханова марксизм был оружием проповеди, у Ленина — и проповеди, и действия.

26. Большевики не ждали тех, кто долго раздумывал. Шли в бой с теми, кто быстро соображал. Нынче многие из первых в большом почете, из вторых — в забвении. А то и похуже... Идут на революцию те, кому нечего терять, кроме цепей. Присоединяются ждущие улучшений. Примазываются рвачи, которые собираются обокрасть и первых, и вторых.

27. Худо, когда меньшинство присвоило себе право всех и вся судить, лишив большинство возможности кого бы то ни было осуждать.

28. Недовольство отдельными членами коллектива перерастает в недовольство всем коллективом, когда перестают прислушиваться к мнению людей.

29. Худо, когда политика — грозное оружие защиты народа и государства — пускается в ход для защиты собственного благополучия и собственного честолюбия. Она становится палкой о двух концах.

Одно дело запреты во имя сохранения строя, другое — во имя сохранения царских благ. И себе, и своим отпрыскам.

30. Даже став крупным профессором, женщина никнет перед блеском шелковой косынки.

Повезла она на южный берег пачку банкнотов, а привезла домой лишь легкий флер загара.

Приспособив одну пару лап в качестве рук, животное превратилось в неандертальца. А в человека — когда празднику общения сопутствовало не жеребячье ржание взъерошенного самца, а светлая, ликующая и всепокорящая мелодия влюбленных сердец...

XIII. О РАТНОЙ СТЕЗЕ

> Атаки, атаки — мы шли напролом,
> чтоб мир воцарился на шаре земном!

1. Что было не по зубам пресловутому немецкому клину, то свершил мыслящий и инициативный советский солдат. Заслуга ленинского учения, советской книги и газеты, новой морали и этики.

2. Боевой дух санкюлотов воодушевлял и советских воевод. У врага ротами командовали седоватые уже полковники, у нас прапорщики вели в бой целые дивизии, а армии — вчерашние поручики. Ведь и опытнейших генералов Жиронды отлично колотили вчерашние капралы. Было чудо великих побед молодой Красной Армии!

3. Если стоишь перед начальством как пришибленный, то от противника прячься загодя.

4. Треск, гул, грохот сражения, в который с каждым новым мигом вторгаются все новые и новые грозные звуки, повергая в панику малодушных, сливаются в сплошной победный гимн торжества для тех, кто верит в правоту своего дела и в силу своего меча.

5. Психология одна у генерала и солдата: оба готовы до конца выполнить свою задачу. Но кое-что и различает их. Один, выполняя свой воинский долг, жертвует лишь одной своей жизнью, а генерал — многими. И генералы бывают разные: одному дай победу любой ценой, другой хочет ее получить малой кровью.

7. Предтечами брони были сомкнутые щиты воинов Древнего Рима.

И самый блестящий исполнитель не может стать настоящим полководцем. Им становится воин-исполнитель и одновременно воин-мыслитель, воин со светлой и одновременно с мужественной

головой. Закавыка в умении не только безотказно повиноваться, но и в способности мужественно возразить.

Две гвардии Наполеона: старая — ворчуны, молодая — молчуны. Не молчуны, а ворчуны были с ним до последней минуты...

8. Смысл мемуаров Деникина — была у него сильная, но бегемотоподобная армия во главе с бездарными генералами и свирепая, но также бегемотоподобная контрразведка во главе с высокоодаренными мародерами и хищниками.

9. Военно-исторический журнал дал фото и текст с датами: Васкано (1886—1937), Гавро (1894—1937), Гай (1887—1937), Галлинг (1893—1937), Германович (1895—1937), Голиков (1896—1937), Гордон (1892—1937). Всем им за их подвиги дали по два ордена Красного Знамени...

10. Епистимия Степанова, кубанская казачка, отдала алчной войне своих десять сыновей. Ее показало телевидение — какое благородное лицо у этой солдатской Матери! Матери-Героини, Матери-страдалицы.

Несколько сыновей сожрала война из итальянской семьи Черви. Ясно — не «гением» одного лица, как непрестанно долдонят горе-историки, а мужеством и патриотизмом воспитанных нашими матерями ребят побежден кровожадный фашизм...

11. Бесспорно, тот наш боевой сотник был светски воспитан — три поданных к чаю сухих коржика он мог учтиво жевать весь вечер, а вот на товарищеском воскобойничке полбарана уминал за полчаса... И был он из тех исполнителей, которым легче три дня догонять, нежели три часа ждать. В какой-то мере сей отважный рубака признавал «закон джунглей». Значит — улучить момент и нанести врагу превентивный удар. После этого шака-

лы не полезут, тигры, прежде нежели раскрыть пасть, подумают... Он полагал — без настоящего дела «ржавеет» человек, подобно рельсам, по которым давно нет движения... И не раз доказывал: сладко лишь то безделье, которое приходит после изнурительного и радостного труда. Вот кое-что и из его боевых сентенций: похвально мастерство командира умело двинуть в бой своих воинов, но еще более похвально стремление самому безотказно и в нужную минуту броситься в максимально жаркую схватку...

12. Казака будит походная труба, когда она дудит «Тревогу трубят...», или же «Всадники-други, в поход собирайтесь», или же «Бери ложку, бери бак...»! Казак вмиг просыпается и тогда, когда слышит очень знакомый, хрипловатый, по-отечески заботливый голос старшины: «Закурим, хлопцы, щоб дома не журились!» Но прежде всего казак схватывается, заслышав беспокойное ржание своего боевого коня.

13. Пока он отдавал приказ на атаку, у его бойцов вырастали бороды.

И о нем же: «С лычками он о-го-го! Без оных — ха-ха-ха!»

14. Русская боевая команда — один казан, немецкая — сотня котелков.

15. Лишь тот, кто до конца испытал горечь поражений, может по-настоящему ощутить радость победы.

16. В густой дождь на открытом московском перроне джентль-солдат при посадке в поезд энергично помог нам с чемоданами. При высадке на перроне Киева охотно помог нам джентль-полковник. А побеждает (не на перронах, разумеется, а на ратном поле) лишь крепкая джентльменами армия...

17. В Доме офицеров у отставников слушал командующего войсками КВО Салманова. На обиды пенсионеров заявил: «Мы, молодые, и то едва успеваем. Нелегко нам и с новой техникой...»

18. Одному полковнику дороже всего солдат, другому — казарма.

Из первых выходят маршалы Жуковы, из вторых — окруженцы...

19. Сначала курсанты-моряки на Подоле слушали меня вполуха. А потом пошло. И даже поехало... Звали еще. И даже отважились подкинуть деликатный вопросик: «Почему это самых лучших и самых талантливых постигла такая черная участь?» Довелось отвечать обтекаемо, несмотря на то, что не так уж много времени прошло после XX и XXII съездов партии. Будущих политработников на кораблях морского флота по-настоящему взбудоражил прочтенный мною фрагмент из «Трубачей» о секретаре партячейки, бывшем токаре из Луганска товарище Мостовом. Рассказ о его своеобразном толковании тезиса философа Спенсера «что такое субстанция».

В нашем 7-м полку червонных казаков было немало отважных рубак, отважных сыновей пролетарского Донбасса.

20. А вот и устное воспоминание Игнатия Карпезо. Из всех боевых генералов, которых я знаю,— он единственный, не стремящийся к лаврам военных мемуаристов. Поведать устно — да, поведать бумаге — нет!

В кругу ветеранов Игнатий Иванович как-то сказал: «Пригодилась боевая наука нашего незабываемого комкора Примакова, когда в самом начале войны в районе Брод и Зборова я своим мехкорпусом преградил дорогу на Киев бронеклиньям фон Клейста. В 1921 году я, военком бригады, пос-

ле неудач восьмого полка должен был быть с ним, а меня потянуло в седьмой — люблю быть там, где дерутся по-настоящему».

* * *

В одном из фильмов о войне показаны командиры танковых армий — Катуков, Ротмистров, Рыбалко. Когда я создавал в Киеве тяжелую танковую бригаду (1936), двое из них командовали батальонами, Рыбалко командовал кавполком, созданным мною еще в 1921 году. По мобплану я выходил на войну командиром танкового корпуса. Главный «диспетчер» распорядился по-своему: моей Прохоровкой стала тайга...

Серебристый туман над тайгою
И над озером Щучьим повис,
И меня он волнует, не скрою,
Предрассветный уральский эскиз.

На фанфарах как будто играя,
С громкой песней летят журавли,
А за стаей, певучею стаей,
Они курсом на север легли.

И простор тот покинувши жаркий,
Где синеет над Нилом туман,
Здесь, на Щучьем, дорогой к Игарке,
Свой раскинули ласточки стан.

И кулик, распевая, возможно,
Кличет самку на свадебный пир.
Где же ты, тот великий художник,
Кто создал этот сказочный мир?

(1940—1945)

На полях-чистинах Красноярщины своим комбайном-«ростовцем» жал и молотил высокобелковую пшеницу (1950—1954). Память о той моей

Прохоровке — Почетная грамота Министерства сельского хозяйства СССР да около десяти выпусков таежной повести «Шатровы»...

Да, стерлись в памяти народной и стерлись основательно славные имена многих и многих комбригов и начдивов, имена командармов и комфронтов. Но все их уникальные героические деяния вошли навечно в историю, как именной подвиг всего советского народа, как доблесть нашей ведущей силы, подвиг ленинской партии большевиков.

XIV. СЮЖЕТЫ ДЛЯ МИКРОНОВЕЛЛ

Год 1968-й

1. Дарница. Где в 1924 году простирались глубокие пески, по которым едва двигались к гарнизонному полигону уносы артиллерийских тяжеловозов, теперь высятся многоэтажные жилые корпуса. Дело неутомимых, старательных рук.

Возил нас туда на своей машине генерал-полковник Филипп Жмаченко. Как раз на ту самую улицу, которая много лет спустя получила имя «генерала Жмаченко», чья 40-я армия в 1943 году освобождала Киев от немецких захватчиков.

2. Айсорка спросила: не брат ли я Мичурина? Принимали меня за многих, а за родича знаменитого селекционера — впервые. Она же: «Чищу обувь. Ничего зазорного, раз приношу пользу людям...»

3. На склонах Днепра, благоухающих цветущей акацией, наткнулись на упоенных весной монстров. Чихая на прохожих и на элементарное приличие, вовсю жировала какая-то парочка. Тут уж сомнений не было: человек и впрямь произошел от орангутанга...

4. Возвращавшийся на Красноярщину, дал о себе знать товарищ по тайге. Двинул в Борисполь. Раздобрел наш Константин Иванишин, поднявшийся с рядового комбайнера до директора крупного совхоза Красноярского края. Вместе с ростом страны растут и люди. Его дочь учительница. Берут они вкруговую по 18 центнеров пшеницы «альбидум». Когда мы с ним «втыкали» в Канском районе (1950—1954), 12 центнеров считалось триумфом...

5. Уморил нас своим «ученым» выступлением о карпах и толстолобиках неуемный оратор Гаско. Сказал ему: «Что сказано в священном писании? Там сказано: не мечи, Мечислав, перед тонкого ума аудиторией рыбами с толстыми лбами!»

6. Жаловался попутчик в такси: «Проишачил в разных кицах все пятнадцать годков... А я ведь писатель! Сам майор милиции товарищ Хватов хвалили мое сочинение — вот его самоличная бумага...»

Но вот вопрос: чем этот сочинитель писал свой опус? Авторучкой или же финкой, которую он бережно хранил в заначках новенькой кожанки и без конца нервно ощупывал своими тонкими, воистину музыкальными пальцами?

7. Подошел в центральном гастрономе гражданин. Оказался Кузьма Гребенник. Учились с ним в бронетанковой академии (1935). Еще недавно в форме генерал-лейтенанта несколько важничал. А теперь тот же шахтерский рубаха-парень Кузьма! Да, Кузьма!

Долго смотрел на меня в троллейбусе один старик. Потом спросил: «Вы наш комполка-семь?» И, поняв, что я это я, человек добавил с некоторой грустью: «А були ж ми тоді з вами молодими!»

Встретил добродушнейшего генерала в мире — Галицкого. Похожий на деда-пасечника, он изрек: «Держусь больше Днепра...»

8. Со слов московского авиаинженера Бориса Кантора: расширяясь, их завод рушит капитальные монастырские стены. Находят в них замурованные скелеты. Видать, воинов, при них оружие. Существует версия: так скрывали следы своих похождений блудные игуменьи.

9. На катере Киев — устье Десны один из промышляющих сухофруктами на Бессарабке всю дорогу кормил шоколадом молодую дебелую особу и ее милую девочку. Всячески обхаживая свою добычу, годившийся ей в отцы субъект нахально пускал дым нам в лицо...

И ехали туда же, в устье Десны, рядышком с нами, две зауряд-бабки. Из их простецкого диалога поняли: у одной бабки сын работает в министерстве, юрист, у другой — дети давно уже трудятся за Гималаями, в далекой Индии. Родная дочь — переводчица, родной сын — строит сталелитейный гигант в Бхилаи. Вот где веские аргументы против трескотни идеологических пакостников. Не постные колокола и не гулкие барабаны...

10. Бесцеремонная девица бесконечно звонила, будто наша квартира — это 109. Нужны ей снимки книг Примакова. Затем ввалилась к нам после десяти вечера. Очевидно, в отношении слишком ретивых особ все же необходим пафос дистанции. Чтоб не сели тебе на голову...

Пришла милиция к Фриде Абрамовне — к зампред общественного суда. Расселась без приглашения, не снимая головного убора. Деликатно сделал ему замечание. А он: «Я участковый!» Как тут не разболеться голове?

11. На стройке нового дома молодые рабочие донимали меня вопросом:

— Почему для одних строят дома в центре, а нам на окраинах?

Поведал одному товарищу об этом. А он: «Послали бы его подальше!» Но материть, известно, легче всего. А убедить — расшатать в человеке наносное, наглядно осудить зловредную муть... Иные не задумываются о завтрашнем дне. Пусть думает лошадь — у нее голова большая!

Как-то после вселения в дом встретил ершистого штукатура. Широко улыбается — хочется верить, что часовая беседа с ним не прошла даром. А как бы он меня встретил после матерщины?..

Год 1969-й

1. Сюрприз (один из многих) — пришло письмо из Борисполя от славного пулеметчика нашего 7-го полка Федора Полтавцева. Своей подтянутостью он выгодно выделялся среди царившей еще в ту бурную пору вольницы. Узнал меня по телевизору. С операции по разгрому пришедшей из панской Польши и рвавшейся в Киев тысячной банды Палия-Сидорянского, в которой отлично сработал ручной пулемет бесстрашного Полтавцева, прошло без малого полвека. Послание боевого однополчанина меня взволновало.

Потом он приходил к нам такой же подтянутый, как и в былые времена, но не в трофейном, голубого цвета, французском кителе и без ручного пулемета за спиной. Но с... торбой ароматнейших нежинских огурчиков. С собственного огорода...

В Великую Отечественную он партизанил, сыновья воевали с фашистами — танкисты. Обошли героя орденами и медалями. Просил я генерала Наумова похлопотать за партизана Полтавцева.

Нашелся душа-человек. Печерский райвоенком Лев Кириллович Белашов выхлопотал герою медаль. На машине полковника и двинули в Борис-

поль. При всей семье вручили высокую награду Федору Полтавцеву.

Общались с ветераном нашего славного 7-го полка ряд лет. А потом... Сказались невзгоды гражданской и Отечественной войн. Увы! Ушел из жизни настоящий Советский Человек.

2. Юбилей Розенцвайга —70 лет! В далеком 1918 году, когда Украину оккупировала шумная солдатня кайзера Вильгельма, несколько пареньков из далекого Дрездена сорвались с насиженных мест, чтобы любой ценой попасть в страну рабочих и крестьян. И попали — где-то в районе Шостки вступили в ряды червонных казаков.

Нынче наши ветераны едут в Яготин чествовать своего однополчанина, агронома Адольфа Розенцвайга. Вместе с теплым словом на магнитоленте послал славному юбиляру, нашему добровольцу из Германии, журнал «Ранок» с новеллой на ленинскую тему «Демарш Богуслава Громады».

3. Тамара Шапоренко прислала кинопленку — 1929 год. Проскуров, я помогаю наркому Скрипнику прикреплять орден Ленина к боевому знамени 1-й Запорожской дивизии Червонного казачества. Уникальные кадры!.. Из киноархива в Белых Столбах, рядом с Москвой.

4. Жаль, дали предпочтение не «Особому счету», а «Ивану Денисовичу». Хотя моя работа предъявляла счет отдельным лицам, а произведение младоденикинца всей нашей советской, коммунистической системе...

Претензия черниговцев: почему в вопросах воспитания Примакова как бойца я ставлю знак равенства между семьей Коцюбинского и Черниговским подпольем? Вездесущая ревность?

5. В Москве приезжим больше всего нужны ноги. Ноги же, увы, имеют тенденцию сдавать. А вот

и уютная скамеечка на Тверской, где начинается Гнездиковский переулок — давняя резиденция издательства «СП», визави магазину Елисеева. Рядышком устало шлепнулся явно приезжий — замызганные вдрызг кирзы и допотопные, в далеком прошлом синего цвета, галифе. Человек жаловался: «Я пропорол больными ногами всю белокаменную, апельсинов так и не нашел, а ведь на носу вознесение. В том годе по просьбе нашей старой коммунистки прикрыли древний храм. В ём разместили рядышком кино и ресторан. А в том храме одне купола заглядение. На всю нашу Кинешму...»

6. В Орджоникидзе умер генерал А. Сланов, отважный сын осетинской земли. Питомец нашего 7-го полка червонных казаков, как и его неразлучный друг комвзвода Сергей Худяков, ставший маршалом авиации.

Уходят старые бойцы...

7. Поиски и поиски в архивах публичной библиотеки. Успех — нашел в газетах телеграмму Примакова. От имени всех червонных казаков просил Ленина не ехать в Геную. А один коллектив писал: «Если капиталистам так уж хочется потолковать с Лениным, пусть перенесут конференцию из Генуи в Москву».

Сюрприз: в газете «Красная Армия» (26.3 1922) обнаружил свою статью о Проскуровском рейде червонных казаков и о разгроме штаба 6-й армии интервентов генерала Ромера.

8. Школа № 10 на Куреневке отмечала День Победы и годовщину первого рейда червонных казаков. Хорошо говорили наши ветераны: Иванина — участник трех революций, Карпезо — участник штурма Зимнего, Трубило, Иван Цюпа, писатель, почетный червонный казак.

Дали слово и мне. Поведал им о полковом учителе Семене Волке, славном воине-комсомольце. После армии пошел он по линии Чичерина и Литвинова.

Было с ним и такое. С его слов, разумеется.

После одной сессии Лиги наций пятнадцать дипломатов сели в самолет — лететь в Европу. И вдруг авария, а парашютов всего четырнадцать. Стали метать жребий. Пустой номер достался норвежцу, который сочувствовал коммунистам. Стал он помогать прыгающим. Цеплял им парашюты и толкал в спину: «Пошел!» Вот и черед бывшего червонного казака Волка... четырнадцатого. Норвежец спросил: «Кто из нас прыгнет первым?» Волк ответил: «Первым буду я, мой номер четырнадцатый, а парашют один!» Лукавый скандинав дружески улыбнулся: «Будем прыгать оба — парашютов осталось два: чанкайшисту вместо парашюта нацепил баул со своим барахлом...»

Вечером показывали наш сабантуй в школе № 10 по телевизору. Спасибо Леночке Ермоловой — славной дочери нашего боевого комиссара Запорожской дивизии Червонного казачества Данила Ермолова.

9. Бойкая администраторша «Млына», свысока плюя на очередь, пускала в ресторан, на «юшку мирошника», лишь своих. На протесты публики державно изрекла: «Возбуждаете народ!»

10. Встретил в Москве Надежду Уборевич. Приехала с жалобой: киевский генерал посадил ее сына на гауптвахту. У того в строю под гимнастеркой обнаружил теплую кофту. Парень недавно простудился.

11. Смотрели в Лавре уникальные сокровища скифов. Золотой колчедан и ультрафилигранной работы корона — редкие шедевры ювелирного искусства.

12. В Спилке вечер Т. Г. Шевченко, зал переполнен. Пришлось с досадой уйти. Оккупировали аудиторию студенты. Что ж? Хай їм щастить!

13. Анекдот: автор романа «Бабий яр» сбежал к авторам резни в Бабьем яре.

Слон и Моська. Кузнецов объявил войну Кремлю... Забыл участь многих и многих вояк-мальбруков. Его слова там, в Лондоне, бред юродивого. Бред иуды, разящего все святое из-за угла. Великий ум Британии Бернард Шоу преклонялся перед гением Ленина, а сей подонок... Думаю, и роман «Бабий яр»— приспособленчество к скорби советских людей.

В эти же дни «Зеленый театр» дает фильм перебежчика о доярках. Сущая жвачка! Конъюнктура чистейшей воды, без единой капли молока... Сцены встречи пастуха с дояркой он просто слямзил с моих «Шатровых». Там певунья, таежный изумруд Солка (Соломонида), встречается с Семеном на выпасах у колхозной пасеки, где ароматы кипрея, иван-чая, черемухи таковы, что не захочешь, а согрешишь...

Копающийся в собственном дерьме стукач заявляет, что все негативное, имевшее у нас место,— результат сущности системы, а не промахов и злоупотреблений властью отдельных особ.

«Там способны лишь на то, чтобы приоткрывать и вновь закрывать двери в свободу. Там способны лишь на периодические побоища. Там, на этой почему-то богом проклятой русской земле, все живут в страхе...»

Подонок из подонков добавляет, что он вернется на родину, когда там не станет Советской власти... Ну и ну! Полстолетия псы разных пород лаяли, неистово тявкали. Советы же стояли, стоят и будут стоять века. А те псы подыхают и будут подыхать.

...Миргород. По просьбе библиотеки с Матвеем Талалаевским, большим мастером душевного диалога с публикой, выступили в клубе курорта. Во избежание каверзных вопросов решили сами заговорить о предателе, об Анатолии Кузнецове.

На один все же прорвавшийся «нестерильный» вопрос я ответил: «И писатель не всегда прав, и в цензуре не одни святые. Мы хотели лишь показать атмосферу, в которой гражданин всегда остается гражданином, а подлец подлецом». В ответ — аплодисменты. Затем показали фильм «Дума о Червонном казачестве». Еще дружнее среагировал зал, когда в кадрах увидели того, кто вот-вот выступал тут же с трибуны. Потом до моих ушей долетела реплика: «На встрече с писателями было интересно...»

14. С мандатом корреспондента «Правды Украины» двинули в Житомир. Таксист, бывший мичман из стражи аэродрома, видел в конце войны и Рузвельта, и Черчилля, и всех прочих знатных персон.

В Житомире устанавливалась мемориальная доска у моста через Гуйву, где осенью 1919 года произошла встреча одесской и житомирской группировок. Южная группа войск во главе с Якиром, Гамарником, Затонским, Голубенко, Гаркавым успешно выполнила ответственную директиву Ленина.

Учитель Кравец поведал: оперируя фактами из повести «Наперекор ветрам», вся его школа долго и напористо воевала и все же уломала местные власти.

Те решили установить мемориал.

Торжество, прямо скажу, было жидким. Одни школьники да музыканты колхоза «Память Ленина». Торжество состоялось, но весьма мелкомасш-

табное. В сравнении с подвигами славных воинов всех тридцати полков Южной группы.

15. В поезде Харьков — Киев сосед по купе майор, возвращавшийся после отпуска в свою часть, дислоцированную в Лейпциге, восхищался учтивостью гедеэровцев из сферы услуг: «А дома только выйдешь на улицу, в магазин — и тебя трижды охамят...»

В Киеве же, на стоянке такси у вокзала, свободные машины мчали все мимо. Пожаловались. И что же? Из будки возникли перед нами аж три диспетчера. Все трое облаяли нас. И самими дерзкими словами. Затем лишь дали машину.

16. Лейтенант милиции на машине с одного фланга, капитан — с другого пытались зажать в клещи девушку-нарушительницу. Капитан — неважнецкий эквилибрист, как раз против вареничной на Крещатике при обгоне троллейбуса сшиб у него буфер и тут же получил удар в багажник. Вместо взыскания штрафа за переход улицы в неположенном месте виновницу стали тащить в милицейскую машину, чтобы составить протокол.

Но... заступился народ. Девушку отпустили. А фамилию и адрес записали. На мое детальное письмо в Управление гортранспорта получил ответ: «Дирекция отменила взыскание водителю троллейбуса № 196, обвиненного в наезде на милицейскую машину». Значит, киевские шерлоки холмсы так и не отважились взять на себя вину за неудачное лихачество...

17. Конча-Заспа, «ферма» моего славного земляка, первого комсомольского поэта Украины Павла Усенко. Очень там и скромно, и скудно. Не то, что у иных тружеников пера. Но думаю, если бы в 1920 году показали ему эту убогую латифундию со словами: «Она твоя!», он стал бы на дыбы...

Да, «иное время — иные птицы, иные птицы — иные песни!»

18. Пять утра, 7.7.69, встречал гостей из Краснодара — Нину с Андреем. Вырос парень, а лицом ребенок. Этот долговязый мальчишка — сын моего маленького Володи — тот же куцый носик, те же не по возрасту длинные сандалии. Он весь возле своей мамы и в свои тринадцать лет заметно инфантилен. Нынче (1982) он инженер на Уренгое.

Год 1970-й

1. Канцлер Западной Германии Брандт возложил цветы к памятнику жертвам восстания Варшавского гетто. И даже опустился на колени перед прахом жертв канцлера-душегуба.

2. Расстроил меня своим письмом автор «Повести о настоящем человеке». Он пишет: «Жизнь влачу жалкую. Перескакиваю с больничной койки в кресло самоката и обратно...»

3. На девятом этаже построенного на бывшем ипподроме дома ночью дрались. Грохот пущенных в ход модерных стульев не уступал грохоту бомб. Такова структура новых домов — шорох доходит к соседу в виде звука, звук в виде стука, а стук в виде грохота.

4. Девушка — баллон восторга и счастья — выпалила: «Сдала экзамен самому Патону на пять с плюсом. Ведь это новинка — клееные мосты!» Главное, Патон берет ее к себе в институт. А ее папа — генерал Шатилов. Таксист ляпнул: «А кто все же помог — папа-генерал или же те клееные мосты?»

5. Банкет —70 П. Я. Вильховому. Много было на столах, мало за столами. Обидно за человека. Ка-

кая травма! Отрадно одно — чудесное потомство у юбиляра.

6. Не только советские люди, весь мир восхищен победой науки и техники. С Луны доставлены образцы ее породы. Космический аппарат вернулся на Землю в точно назначенное время: 8.25, 24 сентября.

Опустился в степях Казахстана.

7. В «Каблучке» болтливая особа хвалилась дипломом инженера и 250 рублями за работу приемщицы обуви в починку. А врачу, бегающему пешком по этажам к больным с утра до вечера, отсчитывают 100 рублей с небольшим.

8. У нашего гостя из Ленинграда, сына ветерана Червонного казачества А. Брагинского, голова полностью облысела. В двадцать пять лет! Травма — сорвавшийся во время электромонтерства осколок попал в глаз, перешиб зрительный нерв. Проводили его в такси на Борисполь. Это его растрогало.

9. Уехали симпатичные сотрапезники. Появились в Ирпене Брандисы из Ленинграда. Он — тихий труженик пера. Зато она — не то Остап Бендер, не то местечковый Талейран.

10. Поезд Киев — Москва. Третий пассажир купе — подвыпивший, предельно тощий, с напряженным выражением глаз, в предельно узких брюках, абсолютно без вещей, все предлагал «перекинуться в картишки». Типичный уркач. С трудом сбросили все наши вещи и одежду в ящик. Разочарованный попутчик сразу же скис, полез на верхнюю полку, свернулся калачиком. Пальто и пиджак он развесил на разных полках. Тактика! Осторожно прощупал его пальто — ножа там не было. Уже хорошо! Попросил я проводника разбудить попутчика в Брянске — будто ехал он туда. А вот и Брянск позади. По моему настоянию разбудили паренька,

а у него и билета не было. Такое впечатление — работали они с проводником заодно.

11. Материалов по тайге — с избытком для десяти романов и повестей. Вот один примечательный сюжет. Приказом по Тасеевскому леспромхозу от 26.5. 50 я назначен инженером по подготовке трактористов-трелевщиков в Мушаковку — глухомань на Ангаре.

У сользавода в Троицком перегружали всяческое добро для Мушаковки с машин на причаленные к берегу Усолки плоты. Долго возились с громоздкими катушками кабеля. Толкали их к реке трое доходяг, только что выпущенных на волю. Я предложил подтянуть катушки к берегу буксиром — рядом стояла пустая трехтонка. А начлеспромхоза Рычков зарычал: «Никаких машин. Как хотите, а выполняйте мой приказ!»

И сразу забуранило в голове: если такое позволяют себе здесь, то чего можно ожидать от такого крысиного тигра в глуши? Тут же решился: «Я вам не работник, ищите другого инженера по подготовке трактористов-трелевщиков!» И повернул лыжи на Тасеево. На диво — обошлось... Возможно, потому, что вскоре завалили самого Рычкова. Его ближайший друг и собутыльник отвечал в районе за порядок. Правда, и он вслед за Рычковым совершил головокружительное сальто — приземлился в одном таежном совхозе, но уже в медной каске старшего пожарника...

Мой бюджет в Тасееве составлял 200 рублей (нынче это 20). А в Мушаковку я ехал с «министерским» окладом — 840 рублей...

12. Статья в «Известиях» —— «Живая копейка». А наш таксист на линии Львов — Трускавец полдохода положил в свой карман — та же живая копейка. За это «развлекал» нас...

13. У входа в цирк старый укротитель рассыпался в признаниях. Утверждает: в 1921 году его, беспризорного, приютили в нашем полку. Путем долгих поисков и расспросов Д. Т. Шевченко нашел меня. Коренной одессит, мальчик из цирка, он напомнил мне героя из «Трубачей» корнетиста Афинуса Скавриди.

Цирковая программа. Забавляет лирически-драматическая клоунада совсем еще молодого циркача, без сомнения, будущего Олега Попова. Со своими забавными зверюшками предъявила зрителю эффектные номера А. А. Александрова — жена питомца нашего 7-го полка. Гвоздь программы — Володя и Людмила Шевченко, сын и невестка старого укротителя. Оба работают с десятью львами.

Обликом своим молодой укротитель напоминает Христа. Тонкое лицо подвижника, волосы святого до плеч, ультраволевой взгляд. Молодые циркачи отважно демонстрируют жестокое столкновение двух воль — человеческой и звериной.

Старый укротитель, копия героя книги «Человек, который смеется», этот современный Урсус, растрогал меня: устроил в цирковой уборной микросабантуй, а затем, провожая нас, спросил, не нуждаюсь ли я материально. Для него одна и даже две тысячи ничего не значат...

Недавно Урсус пережил небывалый шок — вернувшийся из армии, с задатками далеко не рядового укротителя, сын скоропостижно скончался.

Неожиданно позвонил Михайло Стельмах: признания, нежные чувства, шквал дифирамбов. Видать, после репортажа в газете «Культура і життя» о моей встрече с Урсусом и его славным потомством укротителей (1970).

Такое внимание трогает, но после долго не мог уснуть — звонок раздался уже ночью...

Год 1971-й

1. Вечер Мате Залки. Благообразный седой джентльмен, консул Венгрии в Киеве, говорил о роли личности в идеологической борьбе.

Важной роли...

С трибуны звучали голоса тружеников пера — Первомайский, Усенко, Голованивский, Кондратенко. Аудиторию обеспечили. А писателей? С десяток! Пришлось мне чуть скорректировать свое слово. Что можно и нужно сказать одним — не скажешь другим. Слушали и даже дружно хлопали.

Сам верил в свой конструктивный домысел. Не мог же я испортить праздничную тонировку изложением жалоб Залки на пакости иных вершителей, которые не давали ходу талантливому перу героя гражданской войны. Вот и удалился он в полтавскую глушь.

А затем уже с берегов волшебной Ворсклы по первому зову трубы умчался на Сьерру-Неваду, где и прославился под именем генерала Лукача, но уже не пером, а мечом.

Спустя тридцать лет как-то в номере кишиневской гостиницы услышал я подобные запевы другого заслуженного бойца — генерала Вершигоры. Жаловался Петр Петрович не только на лихих капитанов литературы, но и на лихих лейтенантов всесильного тогда Серова... Он, подобно Залке, ушел в глушь, но не Полтавщины, а родной Молдавии...

Термоцикл природы неизменно сохраняет равновесие.

Суровое было лето — мягкая зима. И наоборот. Так и термоцикл человека. Недоданное ему тепло при жизни додается потом. Как и в данном слу-

чае. При жизни Залки скуповато баловала его судьба. Иного туза балует с перебором, а покинет этот мир — и враз его начисто забывают. Мате Залку не забудут очень и очень долго. Все это было откровенно сказано мною с трибуны в большом зале СПУ.

2. Бессарабка.

Подвыпивший продавец копченой рыбы: «Не берите, батя, этой дряни. Ею я лучше наколю какую-нибудь бабку-торговку...»

Покупатель: «Раньше это было дешевле!» Баба: «Раніш і ви були гарним парубком, а зараз — барахло.— Затем добавила:— І я барахло!»

3. Стараниями нашего ВНО в гарнизоне показали нам то, о чем в войну армия могла лишь мечтать.

Основная связь — это компьютеры, ее офицеры, мастера электроники.

С ударением у утонченных электроников неважно — «обеспече́ние», «кило́метры».

Этому ни в военных училищах, ни в военных академиях не учат.

4. Попутчик в вагоне возмущался массовым пьянством: «Ведь пьяный не способен мыслить». Был он на одном празднике в колхозе. Пили там отменно. Особенно один. Спросил он соседа по столу: «Кто он?» Ответ: «Это и есть та сила, которая скрепляет своей печатью акт о расходах на «культмероприятия»...»

5. Соседа по палате, районного туза с берегов Буга, отличает бойкость языка. Он: «К чему нам чужое слово «мюзик-холл»? Ведь куда лучше звучит «вечер песен»!» Тут же кто-то посоветовал ему слово «пресс-конференция» заменить более доходчивым — «словесная перепалка». Да, бодливой корове бог рог не дает...

6. Все чаще и чаще уступают мне место в троллейбусе. Еще недавно этого не было. Что — культура? Вежливость? Учтивость? Джентльменство? Куда там! Это наилучшее свидетельство нагрянувшей старости. А вот в трамвае подросток: «Выйдем на остановке, покажу тебе, старому козлу, инвалидское место...» Бабы на мою реакцию: «Насыпались на ребенка. Его не укорять, а воспитывать надо...»

7. Ресторан ЦДСА. Сосед пил много кофе. И с... перцем. Феномен! Часто отлучался покурить. После одной отлучки не вернулся. Но официантка не растерялась. Неполученное от любителя кофе с перцем она присовокупила к нашему счету... Вот так вот...

Театр СА. Это рядом. Спектакль «Тогда, в Тегеране». Здорово списано с детектива Дольд-Михайлика «И один в поле воин». Сюжета нет и в помине — идет безграмотная читка переписки знатных особ. Артисты столичной сцены произносят «обеспече́ние»...

8. Ораторы усыпили курсантов училища связи. Я их заверил, что помню слова деда Крылова: «Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей».

Говорил лишь пятнадцать минут. Проводили меня с трибуны больше чем тепло...

9. В Киеве зонтик чинят неделю. В Дрогобыче — полчаса. И при тебе...

10. Гость — капитан Вася Линник. Допили принесенную им год назад бутылочку. Его дед Степан один из первых записался в колхоз. Не без глобальных колебаний. За ним уж пошло и поехало...

Два его сына отдали жизнь за Победу. Но сбылась мечта старика: оба стали офицерами. Им стал

и внук. Вот словечко деда: «Военная служба и почетлива, и щекотлива!»

Годы 1972—1974-й

1. Барбос, назвав себя киношником, а нашу Нину, гостью из Краснодара,— шедевром киноискусства, звал ее в подъезд. Она будет спускаться по лестнице, а он зафиксирует ее на пленке. Дома она спросила: «Неужели я произвожу впечатление простачки?»

Накрыли в Киеве одного хлюста — заманивал «простачек» на киноудочку, а затем... Мало ли на свете доверчивых душ!

2. Троллейбус. Девчонка — ангельское лицо, черные очки. Не видит — одного глаза нет вовсе, другой — с дефектом... Бедное дитя — жертва бешеного взлета научной мысли. Все прониклись к милой девчушке душевной теплотой. Она, гладя руку мальчика-соседа, защебетала: «Во что ты одет?» Водитель просил ее приходить. Обещала. И ни тени угнетенности в этом прекрасном и горько обиженном судьбой крохотном существе.

Школьный двор рядом. Таня — славная девчонка со скорбным лицом и мудрыми глазами отвергнутого всем миром человека... «Мама работает, а папа от нас ушел». Прижав к себе школьный портфелик, она отрешенно свернулась прямо на снегу. С трудом принудили ее подняться.

Цуцик в упряжке испугался гула трамвая, дернул коляску. Сам уцелел, ребенок из коляски угодил под колеса. В отчаянии разгильдяй-бабка сама ринулась под «тридцатку».

3. Теща решила излечить зятя-выпивоху. Посоветовалась со знахаркой. Зарезала Жучку и ее

кровь добавила к купленному кагору. Но... сынишка раскрыл все отцу. Тот купил бутылку такого же вина, тещину адскую смесь вылил, сел за стол пировать. Спустя день стал погавкивать. Потом все чаще и чаще. Вызвали врача. Теща в душевных муках: навела порчу на зятя. Занемогла — инфаркт. Зятю дали год за... хулиганство. Судил его, разумеется, не царь Соломон...

4. Пять индивидуальных окопчиков на опушке перелеска. Позади один — для командира отделения. Спустя сорок лет сохранилось красноречивое свидетельство тяжкой войны.

Какой подвиг совершили здесь, на дальних подступах к Киеву, мужественные анонимные советские воины, окопавшиеся у Кончи-Заспы лицом на запад, откуда свирепо пер каннибал двадцатого века во всеоружии смертоносной техники? Свидетелем какого неистового мужества были много лет назад эти белокорые березки и кряжистые дубы?

Тридцать лет Победы — через все ночное небо сияют римские десятки — XXX. А под ночным небом тысячи и тысячи полыхающих факелов — началось торжественное шествие молодежи столицы от нашей площади Славы через весь Крещатик к памятнику Ленину на Бессарабке.

5. В РЖУ нагло и нахально зарычали на наших ходоков из дома Литфонда. Ходоки пришли с жалобой — отказало отопление. Позвонил я к секретарю РК: «Так встречают лишь граждан оккупированной страны». Сначала она возмутилась, а в десять ночи сама позвонила: «Тепло вам будет».

* * *

60 лет Червонного казачества. Киев. Дворец пионеров. Рассказываю с трибуны, как в 1920-м в раз-

гар боев за Перекоп приняли в свой 6-й полк червонных казаков весь конный полк эстонцев. Чтоб сразу с ними сродниться, сделали «ход конем» — выбрали молоденького партийца Отто Штейна из пополнения партсекретарем нашего 6-го полка. А он, тот Отто Михайлович Штейн, прибывший к нам на празднества из Таллина, доктор философских наук, профессор, сидит ныне в этом зале...

Годы 1980—1982-й

1. Реплика Олекса Коломийца: «Що зробилося з людьми? Всі на тебе гупають».

2. Воры плюнули на сигнализацию — обокрали генерала Захара Слюсаренко. Милиция вынуждена была раскошелиться. Ведь дважды Герой! После такой встряски человек сдал физически...

3. Что это — незаурядное диво или же чудо телепатии? Нынче читал заметки о делах 44-летней давности. И вдруг настойчивый иногородний звонок. Из Ленинграда звонил сослуживец по Казани, майор в отставке, сын профессора академии Фрунзе Ник. Ник. Владиславский. Звал в гости. Потрясен звонком давнего и доброго друга. Вот так телепатия!

Сорок четыре года назад я был замнач Высшего танко-технического улилища РККА, Владиславский — там командир технической роты.

4. Сосед по столу в Конче по фамилии Чуб чувствует себя перед нами тузом. Он общителен, но... снисходительно. Ходовая тема — о дебелых бабках. А у самого руки трясутся, как у того блудного монаха.

К дням Тараса Шевченко навели в районе надлежащую косметику. Тогда один предколхоза врезал речь: «Спасибі Тарасу за нову трасу». Это —

из баек любителя дебелых баб, словоохотливого Чуба.

5. Известно, двигатель прогресса — это пролетариат. По крикливому апостолу нынешней западной молодежи господину Маркузе — студенты. Мой посетитель, некий Шевнин, утверждает: двигатели прогресса в наше время — это пенсионеры. Никого они не боятся...

6. Бойкий визитер: «Я Перчатников! Не спутайте с космонавтом Рукавишниковым!»

7. Профессура Института культуры двинута в колхоз культивировать картоху. После колхозники явятся в Киев на улицу Чигорина «копать» там культуру...

8. Бедолага пил не затем, чтоб чувствовать себя счастливым, а затем, чтоб не чувствовать себя несчастным.

9. Микрорайоны — это мощные помпы для перекачки населения из сел в города.

10. Не всегда мягко спать, когда мягко стелют.

11. Парк Славы, проводы молодняка в армию. Чередование живого слова (от души) и синтетических словес (из бумажки). А как же с глаголом, который жжет сердца людей?

12. В том фильме много серий, еще больше аквы дистиллята. То бишь воды!

13. Есть три знаменательных даты в славной истории советского народа — это штурм Зимнего, штурм Перекопа, штурм рейхстага.

Выколачивал путевку в тот самый Крым, дорогу к которому в жарких перекопских боях и штурмах мы прокладывали своими клинками. Ведь и моя дубленка или же до зарезу нужный в зимнюю стужу теплый и предельно легкий кожушок еще долго будет пастись на полонинах Карпат. А вот для продавцов урюка и мандаринов...

14. Наш славный ветеран Исаревич любит хохмить: «Я Михаил Цисаревич!» Схохмил и репортер «РУ» — в репортаже о встрече в ПТУ-16 назвал ветерана Писаревичем. И вышло баш на баш!

15. Спилка. У дверей в конференц-зал наш старейшина, галантно взмахнув рукой, ступил шаг назад. Когда я стал уступать дорогу ему, Тычина сказал: «Щиро визнаю ваше право на цю шану!» Я покорился...

В зале сели рядом. Тут Павло Григорьевич сообщил: звонил ему голова Спилки Гончар, советовал включиться в хлопоты по подготовке юбилея Червонного казачества. Совсем недавно вместе с ведущими генералами ведущие мастера пера Микола Бажан, Юрий Смолич, Олесь Гончар направили петицию в верха о необходимости шире популяризовать уникальную боевую историю украинской советской конницы.

Услышал тогда же от интересного собеседника. Встречался он с Михаилом Коцюбинским — работали вместе в Черниговском земстве, помнит хорошо Виталия Примакова. Но он не из тех любителей воспоминаний, которые видели на грош, а трещат на весь целковый... Поведал, как на I съезде писателей в Москве Иван Кулик представил его Максиму Горькому. «Той щиро потиснув мені руку, а за ним його співрозмовники — Марія Іллінічна, сестра Леніна, та аксакал Сулейман Стальський. Але про це кажу вам першому...»

И была эта незабываемая беседа с автором бессмертных строк «На майдані біля церкви революція іде» 16 марта 1961 года.

16. Не баснословно вооруженные до зубов вероломные короли, а баснословно нищий философ из Трира был страшен владыкам Европы. Против динамичной силы Его идей были бессильны и даль-

нобойные орудия всех главных калибров. Пруссаки — и те потеряли покой. Его и выгоняли то из Пруссии, то из «свободолюбивой» Франции.

Христа распяли один раз, а Его мир бриллиантов и аксельбантов распял сто раз. А Он воскресал и воскресал. Воскреснет Маркс и после 1001 раза — на радость Правде и Справедливости.

XV. ЕЩЕ НЕМНОГО СЮЖЕТОВ

1. В санатории Пущи спросили товарища: «Вы не профессор и артиллерийский генерал Грендаль?» Тут же последовал ответ: «Увы, и даже не писатель Стендаль!»

2. Отказались ораторы от подношений совхоза — емких корзин с чудо-яблоками. Последовала реплика: «Видать ленинскую закалку!»

3. Монах Вассиан Иоанну Грозному: «Не держи возле трона тех, кто поумнее тебя!»

В 1918 году военком Кобелякского партизанского отряда, малограмотный морячок Петро Сердюк выходил вперед и своим словом зажигал массу...

5. Добрая весть: Юрию Смоличу дали Звезду Героя. Наконец-то труд писателя стал котироваться вровень с трудом доярок.

6. Троллейбус № 20. Одна девушка другой: «Как она могла любить Бальзака? У него, если судить по фильму, аж тридцать три подбородка?» Другая отпарировала: «Зато у него тридцать три блестящих книги!»

7. Слово директора нового музея (Печерск) вселяет уверенность, что в этих стенах прошлое будет надежно служить будущему.

8. Показался ветхий прозаик с моложавой дамой, а детвора в мощный глас: «Это папа и дочь или же папа и мама?»

9. Трамваи, автобусы, троллейбусы предельно переполнены, а зарплата идет. И стаж работы тоже...

10. Петух топчется возле своего курятника, орел парит над широким простором. Клюв есть и у петуха, и у орла. Но крылья для взлета лишь у орла.

11. Бой городских часов, напоминая о настоящем, зовет в будущее и уходит безвозвратно в прошлое.

12. Профессор обедающим грузчикам: «Кушать сало с куска — роскошь! Жаль — в молодости у меня был больной карман, нынче — больная печень».

13. Рассмешить людей — непростое искусство. Один этого достигает, подымая на смех ближнего, другой — выставляя на смех самого себя.

14. Сравнение — мать зависти!

15. Киевские пляжи в сезон — это второе крещение Руси.

16. Белая полоса на тракте — гарантия от аварий. Закон — та же белая полоса между правом общества и правом его отдельной единицы.

17. «Тиха людина» — горе себе. «Тихий сусід» — радость людям.

18. Ушел из жизни Борис Полевой — автор «Повести о настоящем человеке», сам настоящий человек.

19. Изнуряющий и стабильный зной. Душа радуется за работяг-комбайнеров. Замучили их недавние стойкие дождепады. Не раз вспомнил красноярскую тайгу и свой старый-престарый комбайн-«ростовец».

20. Лифтерша «Гранд-отеля» мне: «Привет вам от Михеевой. Бывшая дежурная по пятому этажу просила, чтоб я вам дала ее домашний телефон. Знаю — не раз с ней встречались. Ведь вы из Тифлиса!»

Я возразил и добавил, что я из Киева. Лифтерша извинилась. Мол, обозналась. А может, зондировала — не клюнет ли дед на «красноперку»? (Май 1961-го, Москва).

До чего ж изумительна Москва с высоты 7-го этажа отеля «Украина»! И перед рассветом, и в полдень, и вечером, и даже посреди ночи. Чудесен видный из окна мост, словно приподнятый на руках богатырей. Жил бы Маяковский, написал бы не «Бруклинский мост», а Новоарбатский... Шестью потоками, не перекрещиваясь, плывут по раскаленному асфальту пестрые колонны автомобилей.

...А вот и наш Киев. И тут есть чем возгордиться — небо над ним воистину голубое, гладь Днепра воистину синяя, поля вокруг воистину зеленые, купол древней Лавры пронзительно-золотой.

* * *

Воспоминание Саввы Иванины: «И кони наши были того... Под Перекопом убило взводного из четвертого полка. Его конь понюхал убитого хозяина, пустил слезу, после страшно заржал, повернул голову на юг и умчался в сторону врага. В ста метрах от конного строя улагаевцев остановился, встряхнул головой, стал дыбки, снова сердито заржал, круто повернулся и, задрав трубой хвост, рванулся изо всей силы к своим. А вы кажете, хлопцы...»

* * *

Бузина щедро увешана плоскими тарелками соцветий. Ожила акация, распуская вокруг одуряющие ароматы. Интенсивно летит пух с гвардейцев-осокорей.

Михайло Стельмах, как слепых котят, тычет читателя в окружающую нас красоту. На страницах «Правды» он опоэтизировал подсолнух. Простой подсолнух. А завистники из киевской «обоймы» шипят: «Стельмах возрождает хуторскую литературу».

* * *

Потянуло вновь на луга. На дальних косогорах колхозницы еще копнят сено. Бросается в глаза волнистость местности. В низинах — ядовито-зеленой окраски осока, на гребнях «волн» — гряда могучих дубов. И в жизни так — в щелях возится нечисть, на виду — краса человечества.

* * *

Заглянул как-то к Василию Минко. То был ответ на его внимание. Еще весной 1955-го нежданно нагрянул к нам в отель «Театральный» вместе с женой. Не заглянуть он не мог — мол, когда ему жилось тяжело, я его выручал. Это когда я был головой Харьковского ЛОЧАФа, он — секретарем. Задумал Василь опус — «Мои гости». Начнет с Шолохова, Карло Леви, Ив Фаржа... Есть у него участок земли — «обрабатываю сам, без рабского труда». Была у него машина, но «больше она ездила на мне, чем я на ней...»

Есть «бестселлеры» об «удаче» продавцов спичек, ставших миллионерами. Поведал хозяин дома о том, как порекомендовал газете «Радянська Україна» бедного студента... И вдруг заходит в кабинет совсем еще молодой человек, но теперь уже не бедный студент, а главный редактор главной газеты республики «РУ» Иван Педанюк. Познако-

мились. Услышал: в военном училище, где он учился до войны, курсанты увлекались романом «Золотая Липа». Попросил редактор «РУ» что-либо для газеты.

Вскоре на ее страницах появился мой развернутый рассказ «Свояки». Из жизни таежных хлеборобов.

XVI. «СОБРАТЬЯ» ПАРКУ ПРИМАКОВА

1. Парк в Умани — «София»

Двинули на Уманщину, в «Софиевку». В ее потрясающе прекрасный парк (1971).

На асфальте сущее столпотворение. Новый тракт — это транспортный комплекс с широким полотном, с заправками, с фруктовыми посадками на обочинах, с ресторанами и кафетериями. Навстречу мчит боевая техника — войска возвращаются с учений. Осень — боевая пора не только для хлеборобов. Вспомнились шумные и уникальные по размаху маневры 1935 года, которые тут же проводились под командой Ионы Якира.

Вдруг магистраль стала тесной — идут интенсивные работы по ее расширению. За счет придорожных зеленых посадок. Увы!

Вот и знаменитый парк. Рай на земле. Творение искусства. Не только лишь декоративного. И создано оно по воле просвещенных феодалов неустанным трудом и фантазией их крепостных умельцев. В «Софиевке» полно экскурсий и с дальних, и с ближних меридианов. Там один волшебный уголок сменяет другой. И ни за что не хотелось оттуда уходить.

Отель «Умань» переполнен до отказа. Люди спят в номерах, в коридорах, холлах и даже в конторе. Дикий наплыв! И все — волшебная и сверхпопу-

лярная «София», где с помощью натуральной зелени, первозданных валунов, обильной воды и умелых рук создана на века и века мудрая книга труда и неземной красы.

Встали спозаранок. В своем номере-люкс основательно подкрепились. Ароматные дары лета приобрели у юрких сынов Кавказа, которые и тут, в патриархально-тихой Умани, безбожно растлевают нашу торговлю. Ведь, нет сомнения, те дары полей — свежие огурцы и помидоры — привезены не с Кавказа, не из Крыма, а ловко извлечены из местных овощных баз...

После отличной трапезы с Полянкерами — отцом-писателем, сыном-корабелом — снова направились в волшебный уголок. Повезло с гидом. Добрый знакомый писателя профессор Кацнельсон, знаток «Софиевки», поведал о бытовавшей здесь до революции символике.

Глыба дикого гранита и рядом с ней тщательно отшлифованный осколок редкостного лабрадора символизируют темную в те времена огромную Россию и крохотную, но весьма просвещенную Польшу.

Послали профессора как-то из Киева в Умань всего лишь на один год, а прошло двадцать. Зато живет он в саду, в райской сказке.

С площадки, где когда-то высился монумент Екатерины II, открывается сказочный вид на широкий пруд и лежащий за ним дубовый лес. Некогда вся замысловатая цепь искусственных прудов с птичьего полета изображала имя СОФИЯ. Контуры каждого водоема — надлежащая латинская литера...

Помимо чуда ботанического, «София» в целом свидетельствует о неимоверном чуде, которое в силах творить неимоверная любовь.

Упоминаемый в путеводителях строитель парка крепостной раб Заремба как лицо реальное придуман беллетристами. Но вот и мой Шостак (псевдоним Примакова) из «Золотой Липы» — под бойким пером иных журналистов действует уже как реальная личность...

Итог этого микротуризма: кто еще не изведал радости посещения чудесного уголка в городе Умани, пусть пошевеливается. Не пожалеет...

2. Трускавец

Из приемной доложила кому-то сестра: «Прибыли две семьи и Макивчук». Вспомнил анекдот. Ночью стучат хозяину в окно: «Нас два солдата, один ефрейтор». Хозяин: «Солдаты нехай идут до хаты. Ефрейтора загоните в стайню, дайте ему сена».

Но нас в хату сразу не пустили. Мотали сутки, а редактора «Перця» и того дольше. Он всего лишь Макивчук, а не Макиавелли!

Повезло с сотрапезниками — за столом Галина Раб из Сум и киевлянка Ирина Цветкова. В 1951 году ей удалось бежать от бандеровцев, а ехавшую с ней зубного врача враги закопали живьем. Оставили душегубы один нос на свободе, а все равно человек задохнулся.

Цветкова: «Пришло время — тебя не любят, а ты люби...»

Пожаловался врачу на соседей: они, жуткие выпивохи, приехали не лечиться, а беситься, и врач: «Что вы на меня кричите?»

Главврач Данилейченко любезно переселила нас на тихий четвертый этаж, подальше от пьющих буянов.

У «Нафтуси» курортники косятся на обитателей

«Хрустального дворца». Будто там всех кормят из золотых блюд. А эти косятся на обитателей третьего корпуса — «Дворянское гнездо»...

Местное кафе — сущий люкс. И по уюту, и по сервису. Куда там Киеву!

Учительница Э. А. Соколова повезла нас в Стрый. В ее школе отличный уголок славы Червонного казачества.

Повезли и на мост имени Червонного казачества. Далеко в Карпаты уходит широкая равнина, по которой в августе 1920 года, громя легионеров пана Пилсудского и скопища русского генерала-деникинца Перемыкина, наступали наши полки. Вспомнились мерцавшие загадочным светом в ночь памятной атаки полувековой давности далекие огоньки в горах.

Отвозил нас местный журналист-драматург В. М. Лемель. В одиннадцать лет он прошел все ужасы оккупации. Спасли его добрые люди многострадальной Подолии. Показали нам рощу за городом, в которой эсэсовцы и местные полицаи убили десятки тысяч советских граждан, в подавляющем большинстве евреев Прикарпатья. Там осталась и вся родня товарища Лемеля.

Дома ждали письма и присланный «Известиями» сборник «Октябрьские страницы», в котором повторен мой очерк из «Известий» — «Большие Киевские маневры» (1966).

3. Парк графов Юсуповых — Архангельское

Прибывшие с нами из Потсдама Тимофеевы: «Соскучились там по зиме нашей!» И впрямь — здесь, в вековом подмосковном парке, очень уж приятна настоящая русская зима. Надоела слякоть сумбурного атомного века...

В холле «генеральского» санатория живописные портреты полководцев первой Отечественной войны. Начиная с Кутузова. Войны 1812 года.

Высоко оценила читательская конференция мемуары Жукова. Решили: просить для полководца звание генералиссимуса.

Дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Захар Слюсаренко, бывший взводный нашей Киевской Отдельной тяжелой танковой бригады, подарил мне книгу «Останній постріл». Вспомнил он в боевом мемуаре и своего командира бригады тех знаменательных лет.

Устроил встречу тогда же, в Архангельском, двух генералов — Слюсаренко и Маринова. Повторил Захар Карпович свои лементации: военииздатовцы, знай, ко всему цепляются... А Маринов, главредактор Воениздата, вспомнил, как трудно было с рукописью Рокоссовского. Маршал не поддавался новым веяниям. Заявил: «Не хочу, чтоб и в гробу меня тормошили». Ведь любые новые веяния недолговечны. На то они и веяния...

Редакторы замучились — нелегко далась им работа по сглаживанию острых углов, когда речь шла о прямых боевых контактах строптивого автора с другим видным полководцем — с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

С Зинаидой и Владимиром Тимофеевыми, явившимися в Архангельское из далекого Потсдама, в нашей уютной комнате тихо проводили старый и встретили Новый год.

Поздравил с Новым годом Константин Симонов. Сожалеет — не может приехать для проведения небольшой «пресс-конференции» на аллеях юсуповского парка.

Нашелся в санатории МО еще один наш ветеран — генерал армии М. И. Казаков. В войну ко-

мандовал 10-й гвардейской армией. Потом был на амплуа командующего ЛВО. После — начштаба войск Варшавского договора.

В его палате-люкс мой однополчанин по Червонному казачеству вспомнил многое. Он: «Вам, должно быть, приятно, что ваш воспитанник не сидит сложа руки. Ведь в кавалерии вы мой первый начальник. Упомянул вас в моей книжице «Над картой былых сражений».

* * *

Библиотека санатория. Крайне обрадовала меня сильно растрепанная «Золотая Липа». Зачитаны и «Записки волонтера» Примакова. Миловидная девушка на выдаче: «Ваши книги в спросе. «Наперекор ветрам» могли и не вернуть — сенсация!»

* * *

Персоны-затворники. Первый Главком Вацетис спал с нами на сеновалах (1925). А Примаков? Не он первый открыл теорию относительности и законы земного притяжения. Но он первый применил конные массы для разгрома вражеских тылов и штабов. Первый написал о рейдах конницы в печати. Он — флагман советской военной мемуаристики. О Китае, Японии, Афганистане...

* * *

Нагрянули киношники — Кристи, Цитрон. С ними оператор Саша. Кристи настоял — беседовать в холле, не в комнате... Готовится короткометражка о В. М. Примакове. Угостил бригаду чаем из

самовара. До чего ж трудно пробивается боевое прошлое червонных казаков на голубой экран!

Прошел год — все услышанное от меня Остап Бендер наших дней присвоил. По принципу — «пришел, увидел, ухватил»! И довольно бесцеремонно. В своей короткометражке с поп-названием «Мальчик на красном коне»!

Как нет на свете гнедой кавалерии, а есть лишь кавалерия красная, нет на свете красных лошадей, а есть гнедые.

* * *

В парке санатория хлопотливая белочка, надрываясь, перетаскивала в зубах свое пока еще несмышленое потомство. Пробежит-проскачет с полсотни метров, остановится. Набравшись сил, снова за свое. После краткой паузы у подножия сосны стрелой взметнулась по стволу вверх к пустой скворечне. И пошла возня с неистовым визгом. Белочка, выбиваясь из сил, старалась впихнуть упиравшегося детеныша в круглый лаз птичьего жилья. Только и мелькали в воздухе пышный хвост родительницы и задний, пока еще невзрачный, отросток бельчонка.

Несколько раз хлопотливый зверек был на грани срыва. Вот-вот она вместе со своей тонко пищащей ношей сорвется вниз. Втолкнув же наконец свою дурашку в узкое отверстие, тут же скрылась в глубине скворечни. Но одного малыша ей не удалось впихнуть в гнездо. Он сорвался. В крайнем неистовстве белочка кинулась вниз. Стала торопливо массировать лапками грудку детеныша. Затем, видать, потеряв веру в его спасение, намертво застыла возле него, ни на что и на на кого не обращая внимания. Материнская скорбь!

* * *

Встречи, воспоминания...

...Кое-что из весьма примечательных устных мемуаров бывшего начразведки корпуса Червонного казачества Евгения Петровича Журавлева, доброго моего товарища по боям весны 1920-го на Перекопе и славному Карпатскому рейду конца лета того же памятного года.

Как-то вскоре после войны к нему, начальнику кадров Сухопутных войск в Наркоме обороны, входит сам Ворошилов. Оказывается, близкий маршалу человек ждал нового назначения. Евгений Петрович пододвинул почетному ходатаю лежавшую на столе, еще пахнувшую типографией «Золотую Липу» и сказал: «Вот вы, Климентий Ефремович, в сорок пятом, когда комплектовали свой штаб для Венгрии, вычеркнули меня, командующего армией, освобождавшей Закарпатье и Венгрию, из списков. С мотивировкой: «Журавлев — близкий друг и земляк Примакова. Он долго служил в его войсках». А эта книжечка только что выпущена Воениздатом и как раз про Примакова и про Червонное казачество...»

Ворошилов поморщился и тут же сказал: «Кто старое помянет, тому... Капитана же, за которого хлопотал бывший нарком, я не обидел».

Закончил свое повествование генерал-лейтенант так:

«Да, рост человека имеет предел, душа его может расти беспредельно».

Это немного грустноватое, но вполне оптимистическое воспоминание бывшего командарма Журавлева, земляка и близкого друга Виталия Примакова, свидетельствует: было, есть и еще немало будет интереснейших чудес на белом свете.

* * *

4. Устье Десны

Вдоль всего широкого пляжа возведены просторные навесы с лежаками, хочешь — сиди, хочешь — спи. На здоровье себе и своим близким. И всё даром — настоящая забота о гражданах славного Киевграда. Воздух — упоение! Весь он предельно пропитан экстраароматами сочных луговых трав. Благодать!

Там же услышали реплику писателя Миколы Равлюка: «Имею тут крохотную хибару — благоденствую...»

5. Гидропарк

Это огромная кислородная палатка с одуряющими запахами буйной зелени и чарующей перекличкой голосистых соловьев. Всю ночь дождь отбивал звонкую чечетку, а молодежи тот ливень нипочем — пары и пары в тенистом парке. Никуда не денешься, май — это месяц упоительных поцелуев!

А днем вовсю хлестал дождь. Да еще с очень сердитым громом. Нынешний май явился на осенней подкладке. Под иными кустами Гидропарка приютились своего рода «монтекарло» со своими тихочокнутыми монтекарликами...

А очень уж пестрое стойбище из палаток «дикарей» своим ярмарочным оживлением и цыганским колоритом чудовищно красит днепровские берега. Посреди того шматограда бестселлер природы — чистое серебро ствола одинокой березки и червонное золото ее густой пока осенней листвы.

Но вот на смену сезону кисейных маек пришел сезон шерстяных пледов. Ударила осень. Как ни

барахталось лето, а осень крепко схватила его за горло.

Обильно позолоченная зелень парков и по-осеннему нарядных улиц словно светится изнутри. Вездесущая зелень улиц и парков перманентно, подобно шагреневой коже, сжимается. Не то что с каждым днем, а с каждым часом. Хоть это и железный закон бытия, а обидно.

Свершается великое чудо превращения — тут и чарующее золото стремительно увядающих листьев, а совсем еще недавно в июньском воздухе кружились и кружились тучи легких пушинок — эмбрионов будущих мощных тополей. Спустя годы стройными шеренгами гвардейских уникумов они вытянутся вдоль широких улиц нашего города-красавца. А потом... соблюдая тот же строгий катехизис круговорота, отжив свое, те исполины превратятся в невзрачные чурки или же в высокие поленницы топлива для обогрева ветхозаветных лачуг. Природу не перехитрить — непреложны законы расцвета, неумолимы ее законы увядания.

6. Ботанический

Все в ярком озарении заходящего неяркого солнца. Небо — волшебное зрелище. Все оно будто мраморное. И изборождено причудливыми полосами — словно следами недавно проследовавших океанских суперлайнеров.

Тот безбожно обкрадывает себя, кто в такую чудную пору не общается с матерью-природой.

7. Долбычка

Провели весь день в чудесно-тенистых уголках Заднестровья. Углубились в Долыбецкий лес, в его

волшебное лукоморье. И все время казалось, что именно там днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом...

XVII. ТАМ, ЗА БУГРОМ...

> Буржуазные идеологи лезут из кожи вон, чтобы поколебать идейную убежденность советских людей... ложью и клеветой, подтасовкой фактов, фальсификацией событий.
>
> *Правда, 23.IV 1983*

1. Не утихает вечное единоборство добра и зла, правды и кривды, света с тьмой, свободы и неволи, справедливости и угнетения. Мира старого и мира нового. И лишь в наше время, в знаменательную ленинскую эпоху, фронт Труда начал ощутимо одолевать фронт наживы...

Эта борьба научила многих. Научила она коечему и наших антиподов. В этом я мог удостовериться, когда с мандатом Советского комитета ветеранов войны наша бригада — генерал армии Тюленев И. В., Герой Советского Союза Клоков В. И. и я — вели в Праге и Братиславе нелегкие диалоги с гражданами бурлившей в ту пору Чехословакии (1968).

2. Собрались в Дрездене лидеры соцстран (без Румынии). Верю: коллективный ум, раз уже нет с нами ленинского гения, найдет пути для выхода из сложной ситуации. Ведь коллективный ум, во главе с Лениным, нашел пути разгрома черной рати четырнадцати сильнейших в мире держав. Пойдет он по нужному пути и ныне.

Верю — наши товарищи в Дрездене сделают все необходимое, чтобы тягой ультрашумной молодежи к правде и к справедливости не воспользовались

современные термоядерьянцы, мастера рафинированной лжи и патентованного иезуитского лукавства.

3. После очередного успеха в предвыборных горячих схватках сенатору Роберту Кеннеди всадили в голову пулю. Америка — страна убийств! Теперь там могут кичиться не «американским образом жизни», американским образом смерти... Там, где ради благополучия толстосумов, тиранов и узурпаторов сшибают головы и толковых президентов.

4. Бурлит столица на Сене. Шумят студенты Парижа. Их лозунг — «Иль э дефандю де дефандр!» («Запрещено запрещать!»).

В Париже десятки тысяч демонстрантов кричали: «Адью, де Голль!» Но вот тигр зарычал. С металлом в голосе. После совещания с генералом Массю — «героем» Алжира, подтянули к столице танки. Копируя студентов, на улицы вышли колонны «чистых воротничков». С лозунгом на множестве плакатов: «Адью, коммунисты!»

И хотя более агрессивными показали себя в те дни сторонники Кон-Бендита, власти обрушились не на них, а на приверженцев Вальдека Роше. В дворцах завопили об угрозе свободе, об угрозе тоталитаризма, не об угрозе толстым кошелькам.

Бастуют там рабочие. Подливает масла в огонь злополучный Конд-Бендит. Он явился в Сорбонну вопреки запрету правительства Франции. Черные его знамена развеваются над колоннами бушующих студентов. На берегах Невы когда-то прозвучали исторические слова: «Есть такая партия!» На берегах Сены пока что этих слов не слышно.

Есть мнение: призови Вальдек Роше массы к действию, деголлизм враз бы рухнул. Да, будущим историкам достанется множество головоломок.

Бурлит Франция. Ситуация там такая — бери власть. Но взять ее некому.

У товарища Роше большая партия, своя пресса, опыт, а студенты страны Вольтера и Кашена идут за каким-то анархиствующим пришельцем из ФРГ. Как за тем волшебником из старинной легенды, который своей чудо-дудочкой увел за собой всех крыс Германии, а затем и всех ее мальчишек. В ответ на запрещение въезда во Францию Конд-Бендита, этого «великого вождя народов», студенты и примкнувшие к ним парижане дали отчаянный бой парижским ажанам. Двести раненых...

Потрясли результаты вотумов во Франции — 145 голлистов и 6 коммунистов. 4,5 миллиона голосов дают право всего лишь на 6 мест, а 20 миллионов — на 145. Мажоритет! Жульничество на уровне госзакона. И еще демагогия Шарля де Голля: «Хотите мрачные концлагеря — голосуйте за левый блок. Хотите процветающую, счастливую и свободную Францию — голосуйте за меня!»

Ликуют деголлевцы — сторонники Вальдека Роше потеряли половину мандатов в Национальном собрании. Главное — после 10 миллионов бастующих. Феномен! Загадка!

5. День взятия Бастилии. В Париже студенты снова, под черными знаменами, штурмовали твердыню де Голля. Полиция пустила в ход слезоточивый газ. Буря в стакане воды.

6. А какая дудочка водит за собой пражских студентов? Вышли они на улицы с плакатом: «С Советским Союзом навеки, но более ни одного дня!» Этим антисоветчикам на сей раз дала отбой газета «Руде право».

Речь Гусака в Праге — крик больной души. Такие речи не пишутся для вождей их «учеными» секретарями. Сами вожди творят их своим умом

в бессонные ночи. Да, тяжела ты, шапка Мономаха! Ведь она шита на все времена лишь на головы мудрецов, не чтецов-декламаторов, не для пустобаев.

На берегах Влтавы еще пыжатся, донкихотствуют студенты.

Тяжка и предельно ответственна миссия президента ЧССР Людвика Свободы — мудрым словом удержать полки чехословаков на стезе благоразумия и верности присяге.

Сенат Рима по настоянию сенатора Юлия Цезаря признал убийцами сподвижников кровавого диктатора Суллы, награждавшихся высокими постами и довольно крупными суммами денег за убийство демократов.

7. Фильм «Альтонский затворник» французов — это попытка реабилитировать нацистскую молодежь за счет их отцов. Сын укоряет отца: «Не был бы ты предателем, не стал бы я палачом». В этом вся философия ленты. Отец привел гестаповцев, когда сын прятал в доме убежавшего из лагеря антифашиста.

В чехословацком фильме «Школа грешников» тамошний Макаренко себя казнит: он научил своих питомцев быть честными, но не научил их бороться за правду...

8. В Хартуме неистовая антикоммунистическая истерия с блицрасправами (1971). Тамошний диктатор, «основатель Судана» Нимейри имеет «славного» предшественника. У всех душегубов почерк один — душат коммунистов. Правда, у каждого душегуба при этом свои «мотивы»... Еще недавно суданского обергада пышно принимали в Москве. И даже с протокольным лобзанием. Этот из тех наших «друзей», которые, целуясь, ощупывают увесистый булыжник за пазухой.

Вот его демагогия: «Да, мы в Хартуме казним и казним, но при них кровь суданских граждан лилась бы рекой...» Знакомая «философия» многих и многих узурпаторов. Не только в центре патриархальной Африки. И этого душегуба, не выдуманного врага суданского народа, пытаются обелить своим смердячим визгом разные радиоголоса «из-за бугра».

Но, как писал из Забайкалья мой однополчанин по штурму Перекопа Иван Ионов: «Черного кобеля не отмоешь добела!»

Будто создается новая Федерация арабских стран — Египет, Сирия, Ливия. Чего не могли сделать века и века, совершила оголтелая политика израильских ультра (18.IV 71).

9. Эйнштейн: «Не знаю, какое будет оружие в третьей мировой войне, а в четвертой, твердо убежден, будут лук и стрелы».

Добавлю: скорее всего ногти и зубы, а может, не будет и этого...

10. Академик Сахаров: «Не наш социализм, а нынешний капитализм строит общество по Марксу». Что ж? И у «мудрецов» ум за разум заходит.

11. Антимир будет всегда за войну. То, что мы достигаем силой своих глобальных идей (Ангола, Эфиопия, Афганистан), он получает силой своих танков (Чили, Заир, Сальвадор).

12. «За бугром» тешатся всякой чепухой, уповают на безобразия расплодившихся у нас хапуг, а все равно мир клонится не вправо, а влево. Хотя зверски закопошились те, чей символ веры: «Лучше завтра помереть в достатке, нежели послезавтра в нищете...» Обманули их надежды Деникин, Врангель, Петлюра, Гитлер. Не выручит их и младоденикинец плюгаш Солженицын. Был поход че-

тырнадцати государств, ныне сговор пятнадцати. Справились с четырнадцатью, как-нибудь управимся и с пятнадцатью!

13. В отсталых странах стреляют куропаток, в передовых — президентов. Если Сальвадор Альенде не задушит срочно контру, контра задушит его (3.XI 72).

14. Из далекой Лимы привезли нашим товарищам медали «Солнце Перу». В далеком 1921-м мою рваную рану лечили перуанским бальзамом. Пусть и эти перуанские медали будут волшебными, как и тот чудодейственный бальзам!

15. Какая-то Галина Ручьева через эфир просит слушателей писать ей на радиостанцию «Свободная Европа»: «Что такое коммунизм?» Охотно отвечаю:

«Коммунизм — это та светлая пора в жизни человечества, когда подобные Ручьевой подонки не будут отравлять эфир своим удушающим гестаповским зловонием».

XVIII. КОНЦОВКА

За десять лет, до предела заполненных интенсивным трудом и перманентными заботами, слава аллаху, не обходили меня вниманием.

Не обходили...

При доброй поддержке Госкомиздата УССР наконец-то реализована идея рассказать в одном труде о славной плеяде ленинских воевод.

О книге «Портреты и силуэты» (Днiпро, 1982) свое искреннее доброе слово сказали признательные читатели.

Пишут они автору и поныне.

Горький сказал: «Книга, быть может, наиболее

сложное и великое чудо из всех чудес». И впрямь — в Киев идут и идут сердечные слова признательности из множества уголков нашей необъятной страны.

Своеобразен волнующий салют к новому, 1961 году из села Зеньки на Нежинщине:

«Бажаю Вам і надалі описувати наші славетні козацькі походи. Вам і Вашій дружині козацького здоров'я, щастя та нових успіхів. Козак 1-го полку Андрієць Іван Макарович».

Это он, Иван Андриец, лет двадцать пять назад, преисполненный волнения и признательности за то, что вновь воскресла былая слава боевой конницы Советской Украины, преодолевая множество препон, явился к нам из далеких Зеньков в Киев.

Помню с добрым автографом на стальном клинке, всю в серебре, отличную казачью шашку после разгрома банды головорезов атамана Палия Сидорянского от боевого коллектива 7-го полка червонных казаков.

Ценный дар!

И не менее дорог для меня иной сувенир — тоже шашка, но детская, врученная мне 60 лет спустя к моей дате —80, также с памятным «автографом» на игрушечном клинке:

«Дедушке Илье Владимировичу от влюбленных в него червонных казачат средней школы Киева № 137».

Два поколения.

Одно, которому принадлежало славное прошлое, другое, которому принадлежит еще более славное будущее,— Иван Андриец и червонные казачата 137-й школы! Два разных поколения! И как нам, ветеранам, бесконечно дорого внимание и одного и другого поколения!

Бесконечно дорого...

Так давайте же дружно, все в один голос, повторим слова вот этих строк:

Кто трижды славен? Примаков!
Полки на штурм он вел галопом.
Под грозный звон его клинков
Врата трещали Перекопа...

ОЧЕРКИ
НОВЕЛЛЫ

НА ЗЕМЛЕ ШВЕЙКА

Очерк

О тревожной осени не столь близкого, но и не очень-то далекого 1968 года напомнили мне документы... Первый из них — удостоверение, отпечатанное на «фирменном» бланке Советского комитета ветеранов войны, на котором «фирма» повторена еще тремя языками — французским, английским, немецким.

Подписанное 4 ноября 1968 года легендарным героем «Повести о настоящем человеке» А. Маресьевым, оно гласит:

«Товарищ... является членом делегации Советского комитета ветеранов войны и направляется в Чехословакию по приглашению Союза антифашистских борцов».

А та делегация состояла всего лишь из трех ветеранов войны — а именно: генерала армии Тюленева Ивана Владимировича, бывшего начдива 1-й Конной армии Буденного и командующего Московским военным округом в дни Великой Отечественной войны. Он и возглавлял делегацию. Ее членами были Герой Советского Союза профессор истории в Киеве Клоков Всеволод Иванович, а также автор этих строк.

Ехали мы как будто в гости к чехословацким ветеранам и по их любезному приглашению. Но этим гостям предстояли нелегкие дебаты (на грани полемики) с товарищами по оружию, дебаты

о глобальных страстях, которые в те дни сотрясали родину бессмертного Швейка.

Миссию, возложенную на нашу ветеранскую бригаду из Советского Союза, кратко можно определить так: мы должны были своим горячим товарищеским словом помочь большинству, которое всячески боролось против тех, кто стремился превратить мифическую «пражскую весну» в бухенвальдскую зиму. И еще — вместе с нашими верными боевыми побратимами из ЧССР вспомнить доброе слово бывшего президента Антонина Запотоцкого: «В самое тяжелое время нашей современной истории Советский Союз был нашей единственной надеждой и поддержкой». И самое главное — оживить давние и священные узы дружбы между ветеранами наших двух стран — Советского Союза и Чехословакии.

Весьма почетная, весьма деликатная и в той ситуации очень нелегкая миссия!

О тех незабываемых днях напомнил мне еще один документ. Послан он был из Братиславы 21 апреля 1968 года. Отправленное с берегов Дуная послание гласило: «Из случайно попавшей мне в руки «Литературной газеты» узнал о Вашем юбилее. Радуюсь, что этот немалый барьер взят Вами по-кавалерийски, на полном скаку, в отличной форме, неустанно разя своей острой шашкой чужеедов всех мастей и оттенков. Поздравляю Вас из второго эшелона стариков. Обнимаю, дорогой мэтр. Желаю всего, всего хорошего. Также Костя Симонов, Анатолий Аграновский и Владимир Беляев передают Вам свои поздравления. Ваш Борис Полевой».

Так что и этот документ, волнующая эпистолярика автора «Повести о настоящем человеке», поступившая из Чехословакии, напомнил мне о боль-

ших событиях не столь близкого и не столь далекого 1968 года.

Среди друзей в Праге в ту пору еще жили товарищи, доблестно сражавшиеся в годы гражданской войны в конном войске Украины, в Червонном казачестве, в котором мне довелось долго служить. Наши ветераны помнят и поныне отважного сотника 1-го полка Юзефа Прошека... Как помнят проживающего в Ужуре на Красноярщине червонного казака Вацлава Паздеру.

А взять огненный тысяча девятьсот девятнадцатый год! В нашей 42-й стрелковой Шахтерской дивизии ее 4-й конной бригадой, которая вскоре стала 3-й в Червонном казачестве, командовал чех Владимир Новотный. Это было в самое горячее время ожесточенных боев, когда опьяненные временными успехами деникинские головорезы под неистовые рулады духовых оркестров, исполнявших «Боже, царя храни!», и дневными и ночными так называемыми психическими атаками вытесняли нас с политой праведной кровью донецкой земли.

Спустя пять лет судьба свела меня с одним славным товарищем, с Ярославом Штромбахом. Это было в Москве в Военной академии имени Фрунзе, где мы с земляком Юзефа Прошека набирались военной премудрости. Свой боевой орден Красного Знамени Штромбах получил за бои на Волге против взбунтовавшихся чехословацких полков генерала Гайды. На учебу в Москву этот выдающийся сын Чехословакии явился из Житомира с поста командира 44-й стрелковой, щорсовской дивизии.

О том необычном вояже, а скорее всего — об очередном «глубоком рейде» советских ветеранов напоминает и фолиант под названием «Славный

период словацкой истории», врученный нам седыми ветеранами в Братиславе. На 27-й странице уникального сборника его русский текст (есть и словацкий, и французский, и немецкий) гласит: «В день создания нового чехословацкого правительства (4 апреля 1945) Советская Армия освободила столицу Словакии — Братиславу... а 9 мая зарево свободы засияло над всех Чехословакией...»

А теперь полистаем нотатник тех тревожных дней.

* * *

Июль 1968-го. Задолго до вояжа в Прагу и Братиславу к нашим друзьям — ветеранам войны — мною записано: «Вызывают тревогу события в Праге. Не воспользуются ли естественной тягой молодежи и к правде, и к справедливости термидорианцы наших дней?»

Радиоголоса ухватились за «2000 слов», взбудораживших общественность Праги. Сподвижники Антонина Новотного назвали их контрреволюционными, а их смена — неуместными. Авторы — семьдесят интеллектуалов — требовали форсирования прогресса либерализации и удаления с постов всех причастных к беззакониям и произволу. Как я понял — был там подкоп под партию в целом, а не только под стопы отдельных ее шатких представителей...

Я бы асам шахматных поединков давал троны. Они умеют на сто ходов вперед предвидеть последствия любого шага. Трезво оценивать всю гамму его плюсов и минусов. И лишь после этого двигать фигуру. Тем более — престижную...

В Праге ситуация... злобные голоса трещат в эфире. Им маневры войск Варшавского договора — кость в горле.

Злобные радиоголоса ехидствуют — Прага, мол, отказалась ехать на суд в Варшаву... Но зря ликовали антикоммунисты. Есть согласие на двусторонние встречи с братскими партиями. Надежды сил зла на рост их влияния рушились. Не будет еще одной индульгенции на продление жизни отживших укладов. А силы зла играют и играют на беззакониях, допускавшихся еще недавно. Тот, кто вздумал бы брать под защиту Антонина Новотного, вредил бы всему делу социализма.

Видать, никто не довел до сведения тех распоясавшихся молодчиков написанные кровью сердца изумительно волнующие строки из уникальной книги воспоминаний генерала армады (армии) Людвика Свободы, бывшего командира Чехословацкого корпуса во время Великой Отечественной войны, а тогда президента ЧССР.

Вот эти строки: «Протекторат и так называемое «Словацкое государство» представляли нечто среднее между огромным гетто и концлагерем. Длинные списки казненных и замученных свидетельствовали — наш народ истребляется... Страшно подумать, что бы случилось с нами, если бы Советская Армия не разгромила гитлеровские войска и не принесла нам свободу!»

Не так давно я записал: «Танки войск Варшавского договора должны быть готовы по первому зову... Конечно, если Прага сама не справится...»

Но мой голос прозвучал уже, когда выбирали делегата в район...

Газета французских товарищей приводит слова премьера Черника: «Помним о политических обязательствах. Соцстраны — товарищи по Варшавскому пакту — наши друзья. Это не мои лишь думы и чувства, а и наших рабочих...»

Хлестнув по антикоммунистам, наши сделали мудрый шаг — согласились на встречу в Праге. И это согласие, и эта встреча, будем надеяться, несколько отрезвят тех, кто рассматривает демократизацию как шанс реванша в пользу Запада.

Вот и Юрий Жуков выступил со статьей в «Правде»... Чувствуется — человек, взявшись за авторучку, крепко подковался. Нет в статье ни барабанного грохота, ни пушечного грома. Выдвинуто множество весомых аргументов...

Идут переговоры в Чиерне. А Запад знай свое — подзуживает. Он жаждет схватки. И не какой-нибудь... Переплетает чудовищно диалог в Чиерне с ходом учений войск Варшавского пакта. Газета «Правда» дала коллективное письмо из Праги. Группа рабочих, признавая полезность реформ, возмущается гражданами, которые в свою очередь возмущаются теми учениями. А молодчики с пражского радио не замедлили возвестить — то голос случайных людей, не рабочих.

* * *

Август 1968-го.

Разволновала показанная по телевидению встреча товарища Л. И. Брежнева с трудящимися Братиславы. Сколько искреннего ликования на далеких берегах выдавшего виды Дуная!

«Правда» в номере за 5 августа сообщает об отставке по болезни начштаба войск Варшавского пакта генерала армии М. И. Казакова. После длительного перерыва встретились мы с Михаилом Ильичом. Считая себя ветераном Червонного казачества, Казаков, вместе с ветеранами-ленинградцами, стал инициатором читательской конференции по только что опубликованной Воениздатом новой

книге «Трубачи трубят тревогу». Эта встреча с читателями на берегах Невы состоялась в Ленинградском доме офицеров 20 марта 1962 года.

В его кабинете славный ветеран, который с восхищением утверждал, что азы сложного конного дела он постиг в возглавлявшейся мною бригаде червонных казаков (1924 г.) в гарнизоне города Изяслава на волынской реке Горынь, поведал многое из славных дел его 10-й армии, которая громила фашистов на подступах к Ленинграду и освобождала захваченную ими многострадальную Латвию.

Сказал он мне по секрету, что готовит к печати свои мемуары. И это будут первые советские воспоминания о работе больших штабов в Великую Отечественную. Ведь в войну он не только командовал армией, но и возглавлял большие штабы.

Тепло улыбаясь, как только мог улыбаться лишь он, Михаил Ильич сказал, что завидует мне — очень ему понравились «Трубачи...». Я ответил, что мне нравится роль командующего округом, но я ему не завидую, а лишь радуюсь, потому что служба в Червонном казачестве пошла ему впрок. И впрямь — учитель гордится учениками, которые превзошли его...

Тогда, понизив голос, генерал армии признался (лишь мне, как он подчеркнул), что даже после академии Фрунзе его мечтой был штаб корпуса... Предел! Вершина! Максимум! А тут целая армия!

И вот встреча в Чиерне...

В редакции газеты «Правда Украины» товарищи сообщили: войска Варшавского договора вступили в Прагу. И добавили: «по просьбе самих чехословаков». Завыл весь эфир — жалеет «бедолаг»... Визжат самолеты, разбрасывая листовки с призывом вновь признать Новотного президентом. Но наши

сразу же разоблачили эту ложь фактом приглашения в Москву реального президента Чехословакии — генерала Людвика Свободы.

«Правда» дала целый разворот о чехословацких делах. Логично обоснован ввод войск. В той необычной и решающей акции приняли участие и войска, посланные Кадаром (Венгрия), Ульбрихтом (ГДР), Гомулкой (Польша), Живковым (Болгария).

Радует и радует беспредельно факт сердечной, показанной телевидением встречи в Москве чехословацкого президента и его сопровождающих.

Между тем на берегах Влтавы состоялся названный «Правдой» незаконным сборищем подпольный съезд. И это в то время, когда Свобода, Дубчек и Черник ведут товарищеские переговоры в Кремле. Эти дебаты — удар по лагерю империализма...

В центре всеобщего внимания — Чехословакия. Там все спокойно, но нет-нет — и появляются подпольные листки, вещает подпольное радио. Шумят о наличии сговора Москвы и Вашингтона. Миф! А реальность? Реальность — мир наживы вдохновляет нырнувшего в подполье Цисаржа... Пока что враги социализма ликуют, как ликовали в свое время римские патриции и гранды, когда победоносная армия Спартака из-за разногласий по вопросам тактики раскололась на три ветви. Но... хорошо смеется лишь смеющийся последним!

Судя по рассказам очевидца, писателя Виталия Петлеванного, в Праге вдоволь всякой нечисти. Никто из советских людей не желает, чтобы землю Юлиуса Фучика топтал сапог бундесверовца. Никто! Но тебе то и дело задают вопросы. Например: «Почему не дали подписей под просьбой чехословаков о вводе войск Варшавского договора»? И еще вопрошают: «Почему в такой крутой момент нет

металла в голосах итальянского и французского товарищей Луиджи Лонго и Вальдека Роше?»

За много лет пребывания в партии убедился: настоящий ленинец познается лишь в крутые моменты истории. «Правда» дала ответы на названные выше вопросы. Газета логично утверждает: нельзя было назвать имена забивших тревогу чехословаков из опасения поставить их под неминуемый удар враждебных сил, под удар сторонников того же Цисаржа...

Есть ответ и на линию В. Роше и Л. Лонго. Его дают «Известия»: «Для компартий в капстранах временная потеря тех или иных позиций — это эпизод... Для компартий соцстран потеря позиции равнозначна пуску классового врага в дом».

Дело Ленина — не только материальная категория, но и моральная. И его успехи зависят также не только от борьбы «больших батальонов» социализма, но и от их авангардов. Ни с чем не сравнимы наши потери в той борьбе, но вот один старик — итальянец Черви — потерял в кровавых схватках с Муссолини и Гитлером семь, подумать только, семь своих сыновей! Посему хотелось бы, чтобы в голосах Лонго и Роше было побольше металла.

Не Лонго и Роше привыкать к «временным потерям тех или иных позиций». Никто не сомневается: им, как и любым лидерам соцлагеря, дороги судьбы трудящихся.

А страсти тем временем накалились. Пролилась кровь. Не вода, а кровь!

«Правда» дала страстную статью Сергея Борзенко, газетчика, Героя Советского Союза, под названием «Кровь и вода». Одну из тех статей, которые «глаголом жгут сердца людей». К радости джонсонов, киссинджеров, пентагонов, в Праге

гремят выстрелы. Их жертвою стали советские журналисты. Возможно, их праведная кровь на тех же молодчиках, которые бросали мерзкие слова в лицо дважды Герою Советского Союза генералу Слюсаренко, спасавшему Прагу в 1945 году.

Убиты наши люди, несмотря на неоднократные призывы президента Людвика Свободы сохранять спокойствие и порядок.

После четырехдневного диалога в Кремле восьмого августа подписано коммюнике. Пражские товарищи, обязавшись обуздать враждебные силы, возвращаются к себе в Градчаны. Воинским силам Варшавского договора предписано не касаться внутренних дел страны.

Победил разум, хотя и не совсем еще улеглись страсти. Лишь наивные люди могут думать, что после такого неистового циклона они, эти страсти, могут спонтанно погаснуть.

«Правда» все больше и больше дает ответы на наболевшее.

* * *

Сентябрь — октябрь 1968-го.

Мир бурлит. Неистовствуют радиоголоса. А тем временем на родине Швейка идет процесс нормализации. Пока что порой не совсем гладко. Лишь простачки могут думать, что все это очень просто.

В Бухаресте проходит форум профактива стран Варшавского договора. Газетчики требуют: надо сначала размежеваться, а потом объединиться. С кем размежеваться? С Л. Лонго и с В. Роше? А как с диалектикой? Ведь ввод войск в Прагу имел не только плюсы. На то и диалектика, которой так настойчиво обучали коммунистов и Маркс, и Ленин!

В Кремле принимают еще одну делегацию из Праги во главе с Дубчеком. А передовая «Правды» в статье «В интересах единства» за десятое октября ратует за согласие в рабочем стане. Сто лет назад пресса Маркса и Энгельса внушала безмерный страх буржуазии всего лишь несколькими грозными словами: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма».

Вот где нужен воистину ленинский дар, чтобы сделать мудрый анализ из сопоставления лозунгов того и нашего времени.

* * *

Вызвали меня на два часа 23 октября в ЦК Компартии Украины. Здесь же, на улице Орджоникидзе, находится и резиденция Союза писателей Украины. В бывшем особняке графов Игнатьевых, где с переездом правительства из Харькова в Киев в 1934 году помещался Совнарком.

В Центральном Комитете замзав отделом культуры Дмитро Цмокаленко, спросил, как устроились братья-писатели в новом доме по улице Суворова, сообщил: надо ехать в Прагу на товарищескую встречу с чехословаками-ветеранами.

Что ж? Ехать так ехать. Повел меня Дмитро Гнатович к седому, лет пятидесяти пяти, товарищу. Он сказал: «Надо вам учесть — там все шумят, будто не было у них никакой контрреволюции, а боролись они лишь с последствиями своего культа личности».

Конечно, все это лишь маскировка...

За границей я был давно — летом 1920 года, когда наше Червонное казачество, разбив на Збруче, укрепленном французскими инженерами, легионы пана Пилсудского, тремя мощными бригадными

потоками под славными ленинскими знаменами хлынуло, неся свободу, радость и долгожданное счастье трудовому люду закабаленной пилсудчиками Галичины. Вместе с комбригом Владимиром Микулиным одну из тех стремительных колонн вел и я — ее военком.

Тогда, в первом же крупном городе Галичины, в Тернополе, его жители встречали нас цветами, а нынче не то время, когда наших гостей на Влтаве угощают настоящим бархатным, швейковским пивом...

А все равно — жаль!

Из Москвы поступила бандероль с авторскими экземплярами книги «Примаков» из серии «Жизнь замечательных людей». Первые фрагменты моей несовершенной повести о славном сыне черниговского Полесья дал редактор юношеского журнала «Ранок» Виталий Коротич. Этого забыть нельзя. Дал в то время, когда иные редакторы еще колебались — давать или не давать. Отважился и отвечавший за журнал «Вітчизна» Любомир Дмитерко: появились очерк «Желтый кирасир» и микроповесть «Завируха». Но дальше всех пошел Александр Твардовский — в феврале 1967 года, под названием «Колокол громкого боя», полностью опубликовал журнальный вариант повести о Виталии Примакове, создателе и командире Червонного казачества.

А было и такое: «Дорогой И. В.! Поздравляем Вас, ветерана нашей армии и героя Червонного казачества, с праздником пятидесятилетия наших Вооруженных Сил. Мы не раз публиковали Ваши ценные работы... Надеемся, что давно установившиеся связи будут только крепнуть. А. Твардовский, А. Кондратович, В. Лакшин, М. Хитров, И. Виноградов, Е. Дорош, А. Марьянов, В. Сац».

В том же 1967 году повесть целиком увидела свет в выпущенном «Радянським письменником» сборнике «Летопись памятных дней». Газета «Правда» сказала об этом издании свое доброе слово.

Срочно выслал «Примакова» с душевным автографом в Москву славному редактору книги Любушкиной Е. И.

* * *

Ноябрь 1968-го.

Вылетела из головы Чехословакия. Шла подготовка к партийным выборам в журнале «Радуга». Собрание в редакции было кипучим. Как и полагается. В бюро выбрали и меня, хотя и давал я себе отвод.

Но зачем я понадобился товарищам из высокой инстанции? Оказывается, представленных мною документов было маловато. Потребовалась справка о здоровье. Трогательно!

Второе ноября... Годовщина кровавой схватки с проникшей из панской Польши тысячной бандой диверсантов атамана Михайла Палия-Сидорянского. Его Подольский отряд вместе с Волынским атамана Юрка Тютюнника, правой руки Петлюры, нацелился на Киев, чтоб там, после мерещившегося им разгрома частей Красной Армии, объявить всеукраинское восстание.

Но... Тютюнника разбил Котовский вблизи Коростеня, Палия — укомплектованный в основном моими земляками-полтавчанами и под моей командой 7-й полк червонных казаков. Ну как не сказать о нем свое доброе слово? Вот и скажу:

Злым врагам могилу роя,
Душегубов он душил.

Звали полк не зря «красою
Примаковских конных сил».

На завершающем этапе — 2 ноября 1921 года разрывной бандитской пулей мне разворотило левое плечо, а казаку-пулеметчику Ивану Запорожцу, ныне гражданину Макеевки, раздробило локоть левой руки.

Во всех конных атаках был с нами наш бригадный замполит Игнатий Карпезо.

* * *

Готовлюсь в путь, а ночь провел... Уснул лишь около четырех утра. И что за сон после неистовой нервотрепки? У соседки над нами был очередной микросабантуй, с громогласными тостами и с мощным топотом. Ведь и буги-вуги пляшут не на руках, а на ногах... И еще без конца гремели стульями. Предложил ей как-то подклеить ножки стульев войлоком, но услышал: «Ради вас не стану портить мебель!» Надо же! К тому же на страницах печати молодой литератор призывает к иному... Как поучали отцы-иезуиты? «Делай так, как я говорю, но не так, как я делаю!»

Тихое купе в фирменном поезде «Киев». Неожиданно появился чуточку навеселе отставник Шашло. В войну служил он в бригаде моего питомца по Киевской тяжелой танковой бригаде Степана Шутова. Этот отважнейший танкист в войну с капитана дослужился до полковника и за исключительную храбрость получил Звезду Героя.

И Шашло едет через Москву в Прагу, но в составе делегации для встречи с армейцами-чехословаками. Запланировав возместить недосыпание минувшей ночи крепким сном под убаюкивающий и равномерный стук колес, слушал вполуха сето-

вания неожиданного и словоохотливого товарища. После его ухода я и впрямь чертовски крепко уснул.

Ведь тишина в новостройках, особенно ночная,— это проблема из проблем. Увы! Не зря же дикторы после вещания программы «Время» просят телезрителей убавить звук и соблюдать порядок. Но... глухому и две обедни, не то что одна, нипочем!

Москва. Улица Кропоткина, на которой находилась наша alma mater — академия Фрунзе в двадцатые годы. В доме номер 10 разместился Советский комитет ветеранов войны.

Явился, представился. Там слишком почему-то напышенные товарищи пылко и довольно мудро рассуждают о чехословацких делах. Но жизнь идет своим чередом.

И на берегах Москвы-реки, и на берегах реки Влтавы...

Спокойно и деловито напутствовал меня Маресьев. В повседневной жизни очень просто и обычно выглядит этот талантливо поданный Борисом Полевым далеко не простой и не обычный человек. Главное — не было в его словах менторских интонаций, как не было и тени какого-либо превосходства. Шутка ли — нести на плечах бремя повседневного руководства таким деликатным сообществом! И повседневно контактировать с иноземными ветеранами войны. Среди таковых — не одни лишь друзья...

Во время нашей беседы явился генерал армии Иван Владимирович Тюленев, зампред Комитета и глава нашей делегации. Заметив в моих руках новенький экземпляр «Примакова», попросил полистать, добавив, что в дороге обязательно прочтет. Но предстояло нам ехать в Прагу по-разному. Врачи

запретили мне лететь. Только поездом. А Тюленев с Клоковым получили билеты на самолет.

Повез роскошные хризантемы в редакцию «ЖЗЛ» Любушкиной. Не повезло — она в Бухаре. Жаль!

Побывал в тот раз и на улице Качалова, 2. Сразу же у Никитских ворот. У товарища по Червонному казачеству, у генерала армии Горбатова.

После обеда снова на Кропоткинскую. Изрядно там поволновался. Полдня в Мининделе — подписывали наши заграничные паспорта.

Все решилось в высотном здании на Смоленской площади в самые последние минуты. А на Кропоткинской вместе со мной переживал мой друг и в радостях и в беде — ветеран-примаковец, коренной москвич Иван Крылов, слывший у нас под именем Красная Пресня. Он автор не раз переиздававшейся боевой и уникальной книги «Записки красногвардейца».

Иван Вонифатьевич принес мне свой термос — в дороге, в самом ее начале, я подцепил ангину. И лечить ее надо было горячим чаем. Не считая мужественно съеденных мною «живьем» двух крупных лимонов. Пособило!

Уже поздно вечером Красная Пресня усадил меня в поезд Москва — Прага. Вагон почти пустой. Всю дорогу ехал в купе один. Сижу в нерушимом одиночестве и веду бесконечный монолог, адресованный моей Красной Паспортине, давно уже и красочно воспетой великим Маяковским. А вот нынче качу с дипломатическим паспортом в неизвестную и волнующую даль...

Позади Брянск, Конотоп, Нежин. И даже наш славный Киев. За окном по дороге на запад промелькнуло название станции — «Бровки». Здесь развернулись решающие события далекого и архи-

тревожного 1919 года. После тяжкого и изнурительного похода из-под самой Одессы, терзаемая с юга головорезами Деникина, с запада — крикливыми куренями Петлюры, с севера — сечевиками галицийского повелителя Петрусевича, в тылу — дерзкими отрядами батьки Махно, Южная группа войск Якира (более тридцати полков) наконец соединилась с авангардами 44-й стрелковой дивизии, с богунцами и таращанцами бородача Ивана Дубового — бывшего рудокопа Донбасса и сына рудокопа. Здесь же, после ряда безуспешных попыток снюхаться, намертво схватились петлюровские курени Микитки с деникинцами генерала Бредова.

Сюда же, к Бровкам, спешили делегаты головного атамана, чтобы выклянчить какие-то, хотя бы жалкие, пусть лишь и символические крохи у своего смертельного врага — у российских монархистов. Зря уповали — ничего не добился петлюровский главком Омельянович-Павленко (старший) самолично у своего однокашника по царской военной академии, у деникинца фон Бредова. Там, в Бровках, петлюровский главком слышал лишь эти сакраментальные слова: «Единая и неделимая!» В Киев, столицу так называемой УНР, белогвардейцы желтоблакитников не пустили...

Кругом — история... Вот и Волковинцы-Комаровцы на Подолии. Здесь летом далекого 1920 года мы, в присутствии легендарного сына литовской земли командарма Иеронима Уборевича, не без больших трудностей и не без малых потерь в людях и в технике, прорывались в тыл белополяков, в очередной глубокий рейд. Отсюда осенью следующего, 1921 года, бросились в погоню за бандой Палия-Сидорянского, чтобы всего лишь через один час схватиться с его конницей под глухим, затерянным в лесной чаще селом Старая Гута.

Затем поезд Москва — Прага очутился под мостом-виадуком в центре города Проскурова (ныне Хмельницкого). Через тот памятный мост нас, разгромивших штаб 6-й белопольской армии графа Роммера, бешено гнали бронемашины врага. Тут же промелькнули в широком окне спального вагона Каменецкое шоссе и переезд, через который, спасая продажную шуру, умчались подальше из горячего котла петлюровские чины, захваченные врасплох дерзким ночным налетом примаковской героической и бесстрашной конницы.

Вскоре колеса нашего экспресса загрохотали по мосту через реку Збруч в пограничном Волочиске, где мы совместно с бригадой легендарного Григория Котовского 21 ноября 1920 года, вытесняя желтоблакитников с их куцего уже плацдарма, атаковали бронепоезд врага «Кармалюк».

Из окна открывался чарующий вид на далекие бугры, по которым, устремившись на запад, шла наша конница сплошной стеной, тем укрепляя у бойцов веру в свои силы и в мощь краснозвездных полков.

Вместе со мной, любуясь ландшафтами родной земли, прильнули к широким окнам спального вагона неожиданные и несколько шумные пассажиры — из-под прикарпатского Хуста. У них, сообщали, неизбывное малоземелье, а в колхозах Конотопщины они подходяще заработали. Убирали там богато уродившую кукурузу. Везли с собой и деньги, и натуроплату — тугие мешки с зерном... Когда это было, чтобы поденщики ездили в спальных вагонах? А вот у нас — будь ласка!

6 ноября я был уже в пограничном Чопе. На чехословацкой стороне промелькнули в тумане нечеткие контуры городка Ольмюца. Полистайте «Войну и мир» — тут велись горячие бои с войском

Наполеона. Посветлели дали — и стало выделяться обилие лозунгов, ратующих за социализм, за коммунизм, за Компартию. Заметно — кто-то пытался некоторые лозунги стереть. Бросается в глаза яркая реклама по книге Маеровой «Культурный дом». Вокруг городка Пардубица земля старательно ухожена, а домики на окраинах напоминают теремки из сказок Андерсена.

На одном из перегонов вблизи чехословацкой столицы стоял эшелон наших воинов.

А вот и Злата Прага! На перроне меня встретили две сухие, с постными лицами, с трафаретными возгласами, особы. Мой чемодан сразу отдали ближайшему носильщику. Какой вес в чемодане у гостя? А мне не позволили его нести. Престиж! Ждала нас советская «Волга» с «испанцем», как выяснилось позже, за рулем. Товарищ в 1936 году воевал в Пиренеях против фашистов генерала Франко.

На внешнем пороге вокзала я снял шляпу, поклонился и сказал всего лишь два слова: «Здравствуй, Прага!»

В гостинице «Париж», куда меня привезли, вылетевших накануне из Москвы моих спутников — генерала армии Тюленева и киевского профессора Клокова — еще нет. Самолет не прибыл — густой туман. В импозантном вестибюле меня чинно встретил комендант Праги полковник Килиан. Тут же были спецработник товарищ Воячек и наш будущий гид, старый член партии Рудольф Гаек, однофамилец министра иностранных дел ЧССР.

Поговорили недолго о том, о сем очень дружественно и непринужденно.

За плечами военных товарищей солидный ратный стаж. Воячек в боевых отрядах, под руководством Тито, долго партизанил в Югославии. Килиан же, ветеран Великой Отечественной войны, прошагал

под советскими знаменами немыслимый и тяжкий ратный путь от Волги до Дуная. Кроме всего этого, он вырос в одном из первых колхозов на Волге...

Рудольф Гаек четыре года крошил басмачей Ибрагим-бека в Узбекистане, а Джунаид-хана — в знойных песках Туркмении. Долго после гражданской войны жил в Советском Союзе. На всю жизнь запомнил дьявольскую жару Каракумов. Спустя много лет изведал бесовую стужу сибирской тайги... Уцелел в краю бурых медведей, как уцелел в безводных и безлесных владениях среднеазиатских шакалов. Гаека выручила потомственная и остродефицитная профессия токаря высокой квалификации.

Килиана и Воячека наш гид назвал добрыми друзьями СССР, но акцию пяти стран Варшавского договора признают они не безоговорочно... Товарищи ушли к своим делам, остался прекрасно владевший русским языком гид Гаек, очень славный и словоохотливый товарищ.

Гаек мог наизусть и без единой запинки читать длинные пассажи из Пушкина. Уже на улице гид процитировал из «Бориса Годунова»: «Нас издали пленяет слава, роскошь и женская лукавая любовь...»

Из его ламентаций узнал: детей у него нет и не было. В семейной жизни он счастлив — «познакомлю вас с женой, замечательным товарищем и добрым другом...».

Касаемо же самых сложных пушкинских текстов бывший гроза туркестанских басмачей сразу показал себя великим и непревзойденным докой... Попытался было я посостязаться с ним по части знаний хотя бы одних цитат из «Евгения Онегина» или «Бориса Годунова», но после небольших усилий

наш гид решительно и бесповоротно опрокинул меня на обе лопатки...

Пообедав, двинули мы с товарищем Гаеком на летничку — на аэродром. Там увидел восьмое чудо света — широкие двери холла сами гостеприимно распахиваются перед приближающимся пассажиром. Хитромудрые автоматика и электроника!

В просторном помещении аэровокзала знакомые мне уже товарищи Килиан и Воячек ждали гостей из Советского Союза. Прибудет ли самолет и когда — диспетчер не ведает. Стойкий туман! После долгих и напрасных ожиданий меня отправили в гостиницу, а хозяева остались ждать. Другие хоть чем-либо показали бы, что такие гости — в тягость. Здесь этого не было и, как мне показалось, быть не могло.

По дороге в «Париж» любезнейший гид знакомил меня с его родным городом. Сильнейшее и незабываемое впечатление произвели на меня искусно вмонтированные в каменные плиты тротуара Ратуши 27 крестов. Под мелодичный бой городских часов, сопровождаемый чинным шествием двенадцати кукольных апостолов на верхотуре, Гаек поведал: те кресты напоминают пешеходам столицы о мужестве и подвиге двадцати семи казненных дворян — вождей жестоко подавленного чешского антишвабского восстания 1621 года.

В дальнейшем я убедился: вся Прага — это каменная уникальная книга драматических и потрясающих героических событий минувших эпох. Чего стоит одна лишь эпопея титана Юлиуса Фучика и мужественно выполненный пражскими беззаветными мстителями смертный вердикт палачу Чехословакии архивизгливому ставленнику «тысячелетнего рейха» — кровавому «протектору» Гейдриху!

Поневоле вспомнил давние свои строки: «Я вижу стены, валы, ров и тень кровавую веков...»

Забрели с бывшим токарем в Козий переулок. Не знаю, паслись ли там в свое время козы чешских домохозяек, но домик, в котором жили предки «неистового репортера двадцатого века» Эгона Эрвина Киша, я увидел. На стене того ветхого строения, где в убогой лавчонке копошился когда-то отец, есть барельеф сына-писателя с несколькими теплыми словами. Таблички же с обозначением названия улочки нет — ее, как сообщил товарищ Гаек, по неизвестным причинам «сорвали патлатые в августовские дни»...

Э. Э. Киша — славного «короля репортажей», очень высоко ценил Виталий Примаков.

Вечером нас повели на торжественное заседание. Там в помещении народного дивадла (театра) состоялся спектакль «Лебединое озеро». Не очень-то густыми аплодисментами, как зафиксировала моя память, публика встретила появление в главной ложе Дубчека и премьера Черника. Перед спектаклем мы выслушали краткий доклад об Октябрьской революции в России.

Гаек возмущается: почему в честь 51-го Октября не проведено специальное заседание? Почему газеты не сообщили, в честь чего дан здесь, в Праге, один из главных спектаклей Большого театра Москвы? Почему этот Фирлингуэр, который в парламенте голосовал против договора о размещении войск ВД, сидит сейчас развалясь в ложе вместе с товарищами из московской делегации дружбы? И почему до сих пор этот человек возглавляет Общество дружбы с СССР?

Клокочущий бессильным гневом гид повел меня в фойе, украшенное великолепными скульптурами и расписанное лучшими мастерами Праги. Все те

художественные уникумы пражского дивадла — поразительно впечатляющие символы, призывающие к единению и к решительному отпору вековечным врагам мужественных чехов и словаков.

После первого действия мы ушли. Болела голова — слишком много необычных впечатлений за день. Не сняла головной боли и музыка бессмертного Чайковского, чьи волшебные мелодии почти одинаково чарующе звучат на театральных сценах всего земного шара.

Но впереди ждали меня не менее сильные впечатления. Не зря чуть раньше мною было записано: не те нынче времена, когда в Праге потчуют гостей удивительным бархатным пивом...

У народного дивадла, как и дальше по всей главной улице, усиленные посты и кордоны городской милиции. Подвыпившие архизаросшие юнцы налетали на стражей порядка, нахально и развязно что-то выговаривали им, безбоязненно мацали их наглухо зачехленные «пушки». А стражи делали лишь одно: мило улыбались. Очевидно, строго выполняли установку тех, кто опасался, что из искры кое-кому удастся раздуть пламя...

С горечью отметил Гаек:

— Вот как приходится нам отмечать великий для коммунистов всего мира день... Это что? Еще недавно во время одного праздника такие же молодчики рвали наши флаги... Скажите, дорогой друг, что думаете вы сейчас обо всем этом? Наверное, это — так им и надо!

Я ответил:

— Это случается там, где забывают, что нельзя позволять наскакивать на партию, на диктатуру пролетариата, на дружбу народов. Есть деликатнейшие вопросы, которые решаются здравым смыслом, не эмоциями. И вам, дорогой друг, рекомен-

дую возмущаться поспокойней. Своей горячностью вы можете лишь помогать им, этим самым...

Чуть подальше, у одного из кордонов главной улицы, бушевала какая-то группа «правдолюбцев». Были там и подвыпившие. Гаек попросил меня, пока пробиваемся сквозь клокочущую толпу, по-русски не разговаривать... Надо же! Видать, любая иная речь была бы, безусловно, приемлема для той исступленно бесившейся толпы. Тут же Гаек процитировал Пушкина: «Бессмысленная чернь для истины глупа и равнодушна. А баснями питается она...»

Весь вопрос в том, что, криками прославляя Дубчека, та толпа питалась баснями ЦРУ...

Чудо! Потрясающее! Невзирая на архисложные впечатления прошедшего дня, в тихом номере гостиницы «Париж» выспался отлично.

О, тишина, тишина! За какое злато, за какие драгоценные енцы и где можно тебя приобрести? Если не на пуд, то хотя бы на килограмм, если не на кеге, то хотя бы на одну лишь аптечную унцию...

* * *

Пили с товарищем Гаеком крепкий чай в ресторане гостиницы. Накануне увидел три чуда света — первое: 27 уникальных крестов на тротуаре у городской Ратуши, второе: национальный театр с картинами и скульптурами лучших мастеров Чехословакии, третье: ресторанное блюдце с фарфоровым шишаком для выжимания лимонного сока...

Но было в первый пражский день и иное — воочию убедился, что будет о чем потолковать по душам с чехословацкими товарищами. И с теми, кто проливал свою кровь на наших полях гражданской войны, и с теми, кто громил фашистов в сло-

вацких Карпатах и кто рядом, плечом к плечу с советскими воинами, гнал наглых интервентов от Днепра до Влтавы, до Одера, до Дуная под знаменами мужественных полков чехословацкого корпуса генерала Людвика Свободы.

Годовщина Великого Октября! Одинаково для нас священная и на своей земле и в гостях, не на своей. После долгих неувязок из-за непогоды наконец прибыли мои товарищи по делегации. Генерал армии Тюленев в свои семьдесят шесть лет оказался железным богатырем. Ему, видать, помогает конармейская закалка. Он в боевом настрое, хотя ночью, в стремлении подпортить таковое, ультраретивые «борцы за правду», узнав о прибытии в Прагу советской делегации, затеяли внушительный кошачий концерт с дымными факелами над своей шумной колонной.

Часа два бесилась под окнами отеля «Париж» волчья стая. Что из себя представляли закоперщики того кошачьего шоу, нам было ясно. Это была та же «порода», которая в годы гражданской войны неистово перла на нас с ружьями наперевес. Но о чем думали обитатели пражских хижин, нам поведает, и поведает более чем красноречиво, грядущий день...

С самого утра 7 ноября отправились к памятнику советским воинам. Тем самым, которые почти четверть века назад своей кровью и своей жизнью спасли граждан Праги от кровавой мести фашистских головорезов. И граждане Праги не оставались в долгу. Нескончаемой чередой шли они к тому величественному монументу. Шли старики, шли пожилые, мужчины и женщины, шли молодые и вовсе зеленая поросль.

Милиция в защитных робах с белыми портупеями чинно и молча наводила порядок — ведь трону-

лась с места вся столица. Отмечаю: у всех строгие, сосредоточенные, я бы сказал, напряженные лица. Как в годину значительных народных потрясений.

Началось с торжественной церемонии возложения венков. Три венка были от трех советских делегаций, множество — местных. Полились волнующие звуки «Интернационала», и сразу же, без чьей-либо команды, вполголоса, но более чем внушительно, масса в несколько тысяч голосов начала подпевать. Кто пел по-чешски, кто по-словацки, кто по-русски. Потрясающий момент! Это сразу же вышибло из памяти хулиганство молодчиков, которые накануне бесились под нашими окнами.

Возложили венки и к памятнику красноармейцам-чехословакам. В документе, врученном нам позже, значатся 12 тысяч добровольцев-чехов и словаков, которые вместе с нами в тяжкие годы громили полчища белогвардейцев.

Говорили у памятников комендант Праги полковник Килиан, начальник Генштаба ЧССР генерал Русов, наш генерал Тюленев. Выступал генерал-буденновец с чувством, заметно волнуясь. И это действовало на всех. Затем снова дружно пели гимн пролетариев всех стран. Но больше всего потрясли публику, а нас особенно, возгласы чехословаков: «С Советским Союзом навечно!», «Прага и Москва — одно целое!», «Них жие Руда Армада!»

А после этого началось... Люди со слезами на глазах целовали нашего генерала Ивана Владимировича Тюленева. И подумалось: видать, с таким же восторгом, на этой же земле, пятьсот лет назад бойцы антифеодального восстания, непобедимые табориты приветствовали своего славного полководца Яна Жижку.

И нам — членам всех трех советских делегаций — люди горячо и признательно тискали руки.

Мгновенно память выдала прочитанное пять лет назад волнующее слово Людвика Свободы: «Книгой «От Бузулука до Праги» мне хотелось на вечные времена запечатлеть то, что так сблизило и сроднило наши народы, показать, где и как ковалась дружба народов СССР и Чехословацкой Социалистической Республики».

И в то же время... бросалось в глаза злобное выражение лица рослого и довольно импозантной внешности кинооператора. С пушистыми баками ниже ушей. Каждый возглас ликующей толпы в честь нерушимой дружбы бросал его в бессильный гнев и вызывал мгновенные вспышки молний в его сверкающих змеиных глазках... Его душа, видать, болела не о хижинах соотечественников, а о навечно поверженных дворцах магнатов...

Пришли на ту священную церемонию и Дубчек с Черником. Непринужденно и по-простецки здоровались со знакомыми и с незнакомыми ветеранами. Со своим соратником по партизанству в словацких Карпатах, с профессором, Героем Советского Союза Клоковым глава компартии Чехословакии встретился довольно сдержанно. Потом узнал от Всеволода Ивановича — полгода назад тут же, в Праге, он довольно резко и предельно откровенно высказал пражским товарищам свое мнение, куда они ведут страну...

Мне Дубчек напомнил смиренного, сугубо провинциального и даже предельно стесняющегося тихоню-семинариста. Бросается в глаза лоб думающего человека у премьера Черника. И особенно колоритной показалась мне крупная фигура Смрковского. Затем в Народном доме обедали с товарищами — ветеранами нашей Красной Армии.

С теми, кто под знаменами Ленина боролся за правое дело в сибирской тайге, на Дальнем Востоке, в горах Кавказа, в плавнях «тихого» Дона, на широких просторах нашей благодатной Украины. Явились и те, кто вместе с генералом Свободой начали свой нелегкий, но славный путь в Бузулуке и через крутые перевалы Карпат пришли в Прагу.

Это к ним относились слова советских инспекторов, прозвучавшие в далеком Приуралье после военного смотра свежесозданной чехословацкой бригады: «Оружие, которое вам передала наша Советская Армия, попало в *золотые* руки».

* * *

Их собралось немало за большущим столом. Было о чем вспомнить нашим сотрапезникам! И впрямь — вспоминали тогда за дружеским столом вдоволь... Никому не отказывали в слове...

Невыспавшийся Тюленев, извинившись, ушел в отель. Почетное его место отвели мне. Речь следовала за речью. Были они разные, как на всяком застолье без заранее заданного сценария... Даже полярно противоположные! Большинство говорило: не приди вовремя войска Варшавского договора, висеть бы им всем, в том числе и Дубчеку с Черником, на фонарных столбах. А слишком речистый Штайн, воевавший против Колчака в Сибири и на Волге, горячо доказывал: не было у них никакой контрреволюции, «исправляли лишь перегибы Антонина Новотного. Ведь такие же перегибы исправляли и в Москве». Говорил этот ветеран, что они сами справились бы с шумными молодчиками, сторонниками нового апостола молодежи Маркузе. Что надо всячески оберегать Дубчека, Черника, президента Свободу...

Показалась мне весьма колоритной особа генерала Кужела, приближенного к президенту ЧССР. Человеку с пристальным выразительным взглядом черная повязка на правом глазу придает некую пикантность.

Генерал кое в чем, но весьма деликатно, солидаризируется с ветераном Штайном.

Он сообщил, что его детство и юность прошли в нашем Киеве, на его колоритной окраине — на «богоспасаемой» Шулявке.

Там же довелось услышать и такое: «Как почувствовал бы себя человек, который рано утром открыл бы окно и узрел на асфальте китайских автоматчиков? Дружелюбно улыбаясь, они сообщают: «Мы явились, чтобы помогать москвичам проводить в жизнь настоящий марксизм-ленинизм...»

На эту коварную реплику кто-то из участников той встречи, но не из нашей делегации, а из местных ветеранов, не без едкого юмора, добавил к сказанному:

— И те автоматчики присовокупили: «По мудрому повелению нашего великого кормчего для победы социализма в самой Москве, затем во всем Советском Союзе, после чего на всем земном шаре надо срочно и поголовно всем гражданам принять самое активное участие в беспощадном истреблении злейших врагов коммунизма — ненасытных хищников, быстрокрылых воробьев...»

Без конца вспыхивала перебранка между тем же Штайном и нашим гидом Рудольфом Гаеком..

От имени делегации советских ветеранов было и мое слово. Более всего говорил я о дружбе. Помнил добрые наставления, услышанные мною в Москве, на Кропотинской, 10, от искушенного в ветеранских делах товарища Маресьева. Рассказал ветеранскому застолью о нашем комбриге Владими-

ре Новотном (думаю, то был однофамилец бывшего президента ЧССР), о боевом начдиве Ярославе Штромбахе, о герое-сотнике (командире эскадрона) Юзефе Прошеке. Вспомнил и другого ветерана Червонного казачества, ныне сибиряка Вацлава Паздеру.

И тут же я напомнил славному застолью огненные слова Людвика Свободы, произнесенные им, как только передовой отряд Чехословацкого корпуса с боями вступил на родную чехословацкую землю: «Граница эта нас не разъединяет, а наоборот — соединяет на вечные времена. Мы уходим, но *не расстаемся!*»

Что поднялось за столом... Каким-то «сверхштатным» чувством я ощутил спонтанно возникшую между всеми нами воистину братскую близость. Больше нежели уверен — не я один!

Затем я передал полковнику Килиану, коменданту Праги, не раз смотревшему смерти в глаза, как уверяет нас генерал Свобода, для вручения Ружене Прошековой — жене нашего боевого сотника времен гражданской войны — ценную вазу, подарок киевских ветеранов Червонного казачества, вместе с книгой «Примаков».

Во время того памятного застольного мультидиалога выросший на Волге, один из первых колхозников Самарщины, а нынешний военный комендант Праги жаловался, правда, вполголоса, на родного сына. Своего отца сын называет простаком. Мол, невоевавшие далеко обошли его, отлично воевавшего. Продолжая мысль сына, Килиан жаловался: Антонин Новотный выгнал из армии, со всех видных постов, преданных, отличных знатоков военного дела. На их место поставил черт знает кого... После той ничем не оправданной чистки пришли люди с далеко не безупречными послуж-

ными списками... Это и вызвало нездоровые пересуды среди ветеранов.

Как же проявил себя в ожесточенных боях с фашистами наш славный собеседник, этот нелестно окрещенный собственным сыном словом «простак»? Дадим слово генералу Людвику Свободе.

«Батальон остался без командира. Загудела телефонная трубка: «Принимаю командование батальоном на себя!» Молодой коммунист, командир пулементой роты подпоручик Килиан возглавил батальон без колебаний... Килиан, которому не раз приходилось смотреть смерти в глаза, а с ним его солдаты решили биться до последнего вздоха» («От Бузулука до Праги»).

Сидевший визави генерал Кужел добавил:

— Обо всем этом, об уже сказанном полковником Килианом, по поручению президента генерала Свободы говорил я послу Червоненко. Такое тогда накопилось в массах, что, если бы ЦК сам не разрубил срочно и кардинально узел, вопрос решился бы на улице.

Из дальнейшего мы узнали, будто этот выросший на киевской Шулявке чехословацкий генерал, высоко ценя возможности ветеранов в деле патриотического и социалистического воспитания молодежи, просил посла похлопотать о широком награждении ветеранов ЧССР советскими орденами и медалями.

Посол будто бы встретил эту идею более чем прохладно...

А пришло время — и эта идея была реализована. Многим вызванным в Москву ветеранам вручили самые высокие ордена.

Ощущалось и подобие некоторого нажима хозяев застолья на своих гостей. Пришлось реагировать. Я сказал:

— Каждый из нас может считать себя Спинозой, а то и Талейраном.— И повторил сказанное мной недавно в Киеве:— Но со своей колокольни мы видим лишь кое-что. Иное дело простор, открывающийся с державной верхотуры... С нее-то наше правительство видит куда дальше и глубже каждого из нас.

Не выходило из головы крепкое рукопожатие чешского товарища. Как и его дружеское слово за общим столом. Волнуясь, инвалид тогда сказал:

— В детстве возили меня в глухие словацкие Татры. Там мой дед-лесник преподносил мне им же выращенное на каменистой почве ароматное яблоко. И оно было мне втройне дорого, ибо дед тут же подчеркивал: «Это у меня последнее!» И вы, наши московские друзья, в это трудное для нас время привезли нам издалека свое яблоко дружбы. Знаем: оно у вас не последнее, как у моего мудрого деда, но очень для нас ценное. За это низкий вам поклон и поклон тем, кто вас послал в нашу Злату Прагу. Поклон от меня и от всех партизан из бывшего отряда народных мстителей имени Яна Жижки...

На лестнице подошел ко мне однорукий товарищ. «Спасибо за доброе слово!»— сказал он и крепко пожал мою руку. Но что вызвало эту очень тронувшую меня реплику? Не пойму... Может, то, что я всячески пытался обходить острые углы? Ведь их было и было... А может, и то, что я не помышлял поучать и так предельно «ученых» товарищей? Не делал скороспелых выводов и мудрых рекомендаций? Сказал я тогда за широким столом в Народном доме Праги, что слова у нас разные, но язык один — ленинский. И напомнил товарищам лозунг с плаката времен гражданской

войны, хорошо им всем знакомый: «Русский, латыш, чех и мадьяр, разный язык — общий удар!»

В номере отеля чуток отдохнул. Затем побрился, приоделся. Прикрепил полученный еще в гражданскую войну редкий тогда орден Красного Знамени Все это — к вечернему приему в нашем пражском посольстве. Первый в жизни дипломатический прием!

* * *

Нас повели в особую комнату — раздеться и навести косметику.

В зале какой-то солидный ростом и плечами, горьковского типа мужчина почему-то пристально на меня посмотрел — «незнакомый дед». Затем сделал два шага ко мне, протянул руку, назвался — Смрковский. Это был тот самый, кого я видел утром, но без пальто и шапки. Назвался и я.

Потом Гаек сообщил: Смрковский в прошлом был пекарем... Глаза у того яркого пражского персонажа — острые и сверлящие. И напоминает он нечесаного медведя, вылезшего спросонья из своей вместительной и теплой берлоги.

Мы разговорились с товарищем Величко, очень симпатичным генерал-лейтенантом, по всему видать — политработником. Он поведал, что накануне объездил ряд городов. Всюду в честь 51-й годовщины Октября висели, как полагается, красные флаги. А в одном городишке с замысловатым названием, в котором есть и приставка «брод», он увидел множество для крохотного поселения черных стягов... Войсковые части стран Варшавского договора, сообщил он, стоят в лесах. Люди живут в построенных ими же землянках. Население относится к солдатам весьма и весьма дружелюбно.

Во время интереснейшей беседы с генералом Величко подошел к нам другой (предельно усатый) генерал. Он тут же рассказал «злободневный» анекдот: «Подарили Дубчеку автомашину. Но без мотора. На реплику «этой машиной можно лишь ехать вниз, а не наверх» последовал ответ: «А наверх автомобиль поведет другой водитель!» Раскатисто захохотав после своей «сногсшибательной» хохмы, генерал-усач добавил: «Вся беда Чехословакии, конечно, в Дубчеке. А пока потерпим...»

Вместе с нами, более чем красноречиво морщась, слушал тот анекдот и наш гид Гаек.

Но вот приблизился к нам одноглазый генерал Кужел. Небезынтересно привести некоторые его наиболее характерные высказывания.

До этого сделаем только одну ремарку. Небезызвестный Альфред де Виньи, ссылаясь на мадам де Сталь, напоминает читателям: «Солдаты имеют нечто общее со священниками. Сходство в том, что они не считают своей обязанностью пользоваться разумом...» Если только внести в этот афоризм незначительную коррекцию, а именно — заменить слово «солдат» словом «солдафон», то афоризм можно без всяких колебаний адресовать тому незадачливому лихачу-анекдотчику. Доказано и наукой и повседневной жизнью — разум не обязательно спутник отваги...

Кужел сказал:

— Я родился и вырос на Украине, но телом и душой я натуральный чех. Именно поэтому не могу не учитывать то настроение, которое преобладает у большинства моего народа. Для оздоровления обстановки надо отсечь крайности. Решительно отсечь контрреволюцию и отсечь сторонников всевозможных культов. Правы были наши общие предки. Помните их девиз? «Не сотвори себе

кумира!» И еще: «Не поклонись ни чурбаку, ни идолу!»

...По плану — нынче, 8 ноября, состоится встреча с чехословацкими ветеранами в их постоянной резиденции. Встреча и, разумеется, беседа по душам. Иной между воинами, громившими общего врага, беседа быть и не могла!

До этого наш любезный гид повез нас в Градчаны. Показал там собор святого Витта. Его вытянутые высоко-высоко в небеса, «поближе к богу», стрельчатые башни и шпили — чудотворение чешских умельцев прежних веков. Поражают воображение тончайшей работы уникальные витражи и сложнейшая резьба по дереву. Показал товарищ Гаек сокровищницу настоящего искусства, рассчитанного на завоевание умов и сердец прихожан. Восхищаешься тем пражским шедевром, старанием пражан-строителей, хотя и творившими во имя веры. Иных то сооружение очищало, иных просто подавляло. Но сдается, что в том великолепном храме святой делался еще более святым, а злодей еще более черствым...

Однако к чести наших чехословацких братьев никто из самых ретивых деятелей деформации (не реформации) не отважился перестроить тот чудо-храм ни на склад провианта, ни на харчевню-модерн.

* * *

После храма святого Витта попали мы на чудом сохранившуюся от прошлых веков, от бурной эпохи справедливейших войн гуситов, Злату уличку с ее микролавчонками и брусчаткой, по которой, думается, топали в своих грубых сапожищах и ландскнехты швабских завоевателей чешской сво-

боды. И снова очередное чудо — на одном из куцых домишек табличка со скупой информацией: «Здесь родился, жил и даже творил Кафка».

В Градчанах же встретилась нам небольшого роста, с умным приветливым лицом словоохотливая женщина лет пятидесяти пяти. Гаек познакомил нас с нею. То была Густа Фучикова. Она с радостью сообщила, что лишь накануне вернулась из Карловых Вар. Там на шумном активе, во время жарких дебатов звучало и ее слово. «Победили наши»,— жарко выпалила супруга славного сына Чехословакии Юлиуса Фучика, сложившего голову в борьбе за правое дело.

И еще была одна встреча. Пришли на нее мы — делегация советских ветеранов войны. Явилась делегация и Советских Вооруженных Сил во главе с генералом Петренко. В ее состав входил и названный мною ранее Герой Советского Союза киевлянин Тимофей Шашло.

Много там говорилось о необходимости крепить традиционные дружеские связи ветеранов и воинов СССР и ЧССР. Первыми говорили генералы Тюленев и Петренко. От имени «хозяев» отвечал им товарищ Воячек.

Попросил слова и Штайн. Товарищи, знавшие его концепцию, пытались сбить его репликами. Особенно не терпел того оратора Гаек. Он требовал лишить Штайна слова. Думается — оратор тот высказывает мнение, присущее не ему одному. Мнение тех, кто предпочитает доказывать свое лишь вполголоса и там, где они не рискуют испортить людям праздничное настроение...

Генерал Кужел настоял, чтобы выслушали всех. Генерала поддержал Тюленев: «Во избежание кривотолков», как он выразился.

Кужел тогда сказал:

— Прошу советских товарищей передать там, дома, одну чистую правду о наших словах, о наших делах. Чтоб поменьше прислушивались к отчетам газетчиков-летунов, к их «мудрым» рецептам. Люди годами вникают, а они всего лишь за полдня все-все досконально постигли и дают Москве «наилучшие» рекомендации.

Завершилась встреча горячими заверениями в нерушимости давней и святой дружбы.

Перед самым обедом, во время которого хозяева славно потчевали гостей, Гаек принес свежие газеты. Увы, даже главная из них, а именно «Руде право», дав одну лишь архискупую и архистуденую строчку о выступлении генерала Тюленева во время церемонии возложения венков, ни единым словом хотя бы не обмолвилась о манифестации пражан в пользу дружбы с Советским Союзом, которая накануне у памятников чехословацким и советским воинам потрясла не только нас...

Во время обеда все говорили о совместно перенесенных испытаниях, о необходимости держать ухо востро — враг, общий наш враг и не спит, и не дремлет даже... Что надо беречь и беречь крепко наш общий капитал — «бесценную валюту» — святую дружбу.

И все ораторы, почти поголовно, и пламенные и непламенные, преувеличивая возможности посланцев Советского комитета ветеранов войны и твердо зная благодатный источник возможностей, требовали, чтобы мы все услышанное здесь от ветеранов Праги, без отлагательства и ничего не утаивая, сообщили дома товарищам в Москве.

На всех улицах Праги бросается в глаза интегральный лозунг. Он на афишных тумбах, в витринах магазинов и офисов, на всех стенах домов. Всевозможных цветов и разных габаритов. Сопро-

вождает он портреты руководителей и гласит так: «Есми з вами, будьте з нами». Думается, этот вездесущий призыв не нуждается в переводе, а вот комментарии...

Выходит: те, кто на портретах, не заодно с авторами вездесущего обращения. И хорошо сделали бы товарищи в Градчанах, если бы на то заверение недвусмысленно ответили приблизительно так: «Мы с вами, с трудящимися, с работягами, с народом, но не с теми, кто рвет флаги республики, кто требует реставрации мрачного былого, кто против социализма, кто требует войны лачугам, мира дворцам, кому Вашингтон милее Москвы». Но... обитатели Градчан, чьи конкретные шаги противоречат их намерениям, порой ищут поддержки не там...

Очередной симпозиум, на этот раз почему-то в полутемном или же специально, по моде, затемненном помещении, при обязательных свечах, проводился в тот же день с товарищами из Генштаба ЧССР. И снова там говорил неутомимый одноглазый генерал, к чьему слову, видать, прислушивались и ветераны, и неофиты.

Он объяснял ропот иных граждан Праги некими сопоставлениями. Чех сравнивает свои возможности с возможностями приезжающих в Чехословакию немцев из ФРГ. Все они — побежденные,— как правило, на собственных классных автомашинах, а вот чех — победитель...

Воспользовавшись правом гостя, я вставил реплику — мол, и наш народ, и чехословаки, народы-победители, разумеется, могли бы жить получше, но почти четверть века прочного мира во что-то обходятся... И нам, и братским республикам!

На улице, после краткого симпозиума с вояками, Тюленев обратился ко мне лишь по фамилии. Это повторилось трижды.

Я ответил: «Не помешало бы добавить к фамилии одно лишь слово «товарищ». Генерал сразу обмяк.

В номере гостиницы буфером между нами был профессор Клоков.

Тут Тюленев заявил: мол, прижимают и его, генерала армии, бывшего начдива Конармии. Всю войну возглавлял МВО, а что из этого? Как был генералом армии, так и остался. А вот его бывшие подчиненные в ранге командира эскадрона достигли маршалов...

Это объяснение расстроило нашего руководителя. Потерял спокойствие и я. Покинул отель. Тронулся в путь вдоль слабо освещенной, хоть и одной из главных, улицы столицы. Добрел до респектабельного здания ресторана «Влтава». Двинулся дальше к мосту имени Яна Швермы. За ним уже вырисовывались очертания Летенского тоннеля...

Мост имени Яна Швермы! Народ Чехословакии воздал должное своему герою. Член Главного партизанского штаба бесстрашный Шверма погиб в дни 27-й годовщины Великого Октября в словацких Карпатах во время неимоверно тяжкого перехода партизанских отрядов через труднодоступные горные перевалы.

Погиб на боевом посту, показывая пример выдержки и отваги всей массе партизан, измученной бешеной стужей и скользкими горными тропами.

Но мужественный сын своего народа, чех по крови, «испанец» по духу, сражавшийся с фалангистами на полях Каталонии и Андалузии, не умер. Он вновь родился на своей священной земле великолепными контурами моста через Влтаву.

Прекрасный памятник герою!

* * *

В Братиславу ехали на «Татре». Всю дорогу занимали друг друга баснями.

На живописных, не по-осеннему широких полях проводилась охота на зайцев. Острелянных зверьков удачливые охотники нанизывали на прутья специальной пирамиды, похожей на те, которые в казармах хранят оружие бойцов. Посреди пути, в одном уютном отеле, подкрепились. Посетители очень корректно относились ко всем нам и особенно много внимания уделяли нашему старшому. Генерал армады из Москвы был в полной форме, при всех орденах и регалиях.

И хотя в Праге кое-где еще можно было услышать со стороны контрреволюционеров жуткое словечко «оккупанты», 9 ноября на всем довольно длинном пути из одной столицы республики в другую, как мы ни присматривались к внешнему миру, так и не повстречали ни единого «оккупанта». Ни пешего, ни конного, ни на бронетранспортере, ни на танке.

В столице Словакии нас устроили в отеле «Карлтон». Чуток от него отойти — и перед глазами открывается волшебная панорама величественного моста через широкий и сказочно прекрасный Дунай. Другой его берег — это предместье Петружалка и сразу же за ним уже заграница. Дружественная Венгерская Народная республика.

В ресторане нас развели по различным столам. Моим визави оказался Карол Кулашик — бывший летчик. Вместе с экспедиционным корпусом словаков он, по воле тогдашнего премьера, гитлеровца Тиссо, очутился далеко от родины — в переполненной неуловимыми партизанами Белоруссии. С его слов, до массового еще перехода к партизанам, он,

как и многие его товарищи словаки, не раз помогал местным жителям. Многих и многих белорусов, преследуемых карателями, спас.

Это тогда вошло навечно в историю славное имя капитана Яна Налепки, отдавшего жизнь во время штурма партизанами генерала Сабурова города Овруча, сверх меры укрепленного вражеского железнодорожного узла.

Правительство СССР заслугу словаков-партизан отметило присвоением отважному капитану Яну Налепке высокого звания Героя Советского Союза.

Об этом славном сыне словацкого народа Сабуров сказал: «Его жизнь достойна песни!» Всего лишь четыре слова! Но каких!

Из ресторана мы группами стали перемещаться в наши комнаты.

Появился там и находившийся в те дни в Братиславе сотрудник московской «Правды» Виктор Бекетов, в недавнем прошлом киевский прозаик.

Он сказал: «Я пришел к твердому убеждению: чехословаки желают прочной дружбы с Советским Союзом. Еще они желают «человечного социализма».— И добавил:— Есть, мол, мечтающие отодвинуть кое-кого в Праге на другое место. Но не следует торопиться. Предстоит в Праге пленум...»

Когда после торжественной раздачи сувениров мы шли из ресторана в наши номера, на лестнице как-то не по-генеральски робко, будто из-под полы, Тюленев протянул мне руку со словами: «Люблю принципиальных товарищей. Я и сам не терплю, когда мне наступают на шпоры...» Тут же мы помирились. Да, по сути, мы как будто и крепко не ссорились... Чего в нашей жизни только не бывает! И имоверного, и неимоверного... Как сказал один неробкий цирковой укротитель: «Изредка не мешает наступить тигру на лапу...»

По дороге из Праги я рассказал друзьям притчу: жене чересчур драчливого сапожника советовали покинуть драчуна. А она в ответ: «Дурни! Если бы вы только знали, как сладко после драки мириться!» Наверное, эта притча дошла до сознания генерала...

В тот же день Клоков сказал мне: «Восхищен, вы победили. Вы с этим столкнулись, видать, впервые. И не стерпели. А я — дай боже!»

Иные полагают, что старый большевик — это благодушный рождественский дед, которому развеселившиеся юнцы могут безнаказанно в любую минуту мазать его сантаклаусовскую белую бороду горчицей, а он обязан при этом непринужденно и благодушно улыбаться. Дудки! И еще раз гневно и с возмущением скажу: «Дудки!» А тут и не юнец...

Следует добавить — после нашего примирения на лестнице генерал с мягкой душевностью произнес вполголоса: «Не думайте, я не из тех, кто давит людей погонами...»

С утра 10 ноября товарищ Гаек ознакомил нас с содержанием свежего номера газеты «Руде право». Оказывается, в ряде городов республики нарушался общественный порядок. Не для этого ли было нагромождено такое обилие неоднозначных призывов: «Есми з вами, будьте з нами!» Сознаюсь, у всех у нас закопошился чемоданный «вирус»... Во всю силу заявили о себе мощные антивирусы лишь после славной встречи с ветеранами-словаками в их резиденции.

Мое слово было первым. Я рассказал нашим побратимам о своих товарищах по делегации. Поведал, кому Советский комитет ветеранов войны поручил почетную мисию контактов с ветеранами ЧССР. Рассказал им вкратце славную биографию

генерала Тюленева и профессора Клокова. Потом говорил восторженно встреченный Тюленев. Отвечал генсек Словацкого комитета бойовников Шимон Збирка. И снова обменялись сувенирами. От себя преподнес я товарищам словакам книгу «Примаков».

Там же спросил вполголоса нашего гида, нет ли у любимого его автора чего-либо о нашем генерале армады? Тот усмехнулся и вмиг отпарировал: «А как же? Есть! Вот они — боевые слова Александра Сергеевича: «Ты воевал под башнями Казани. Ты рать Литвы при Шуйском отражал...» Что скажешь? Виртуоз!

Моим соседом по застолью был Иозеф Сараз, коммунист с 1929 года. Второй сосед — редактор венгерской газеты в Словакии «Уй Со» Ламберт Мауэр. Он воевал в Андалузии в интербригадах. Оба они очень просили передать советским людям, что полуправда дает оружие нашим общим недоброжелателям.

И в то же время основательно дезориентирует советских читателей...

Увы! Иные органы информации широко вещают о былом произволе, а намертво молчат о колоссальных достижениях за оставшиеся позади двадцать нелегких лет. Иные, раздувая промахи отдельных чиновников, звали к радикальным переменам, вплоть... И, играя на Новотном, лукавые рыцари «пражской весны» делают коварный подкоп под основы ленинской дружбы народов. Было это, было!

Во время дальнейшей самой откровенной беседы оба пресимпатичнейших «консерватора» заявили, что они стояли, стоят и нерушимо будут стоять за провозглашенную великим Лениным диктатуру пролетариата. За твердую власть, но с которой

считался бы народ. За власть без страха. «Мы категорически против возвращения Новотного!»

Вот так-то...

После ресторана в «Карлтоне» нас повели в Дом советско-чехословацкой дружбы, где собрались словаки — ветераны нашей Красной Армии. Как и следовало ожидать, встреча была дружественной и теплой. Вспоминали жестокие бои за Украину, за Сибирь, за Туркестан. Где только ни сражались с врагами молодой Советской Республики добровольцы-словаки из царских лагерей для военнопленных...

Президент ЧССР Свобода в своей мудрой книге писал: «Плечом к плечу с русским пролетариатом в рядах Красной Армии с оружием в руках сражались тысячи чехов и словаков, защищая молодое Советское социалистическое государство...»

Рудольф Гаек, этот пражский эрудит, процитировав за столом вышеприведенные слова генерала Свободы и назвав академика Владислава Санто нашим искренним другом, заметил, что этот активный ветеран Красной Армии немного того... Однако последовавшее за сим яркое выступление на русском языке седовласого академика было не только вполне лояльным, но и трогательно дружественным.

Затем нас повезли смотреть Братиславу, ее достопримечательности, ее уникально-величественный мост через Дунай. Побывали мы уже в сумерках и на памятном холме Славин — у монумента героям, павшим в схватках с карателями СС на Дукле и в иных местах восставшей против фашистской оккупации героической Словакии. Все показанное нам до этого любезными хозяевами-ветеранами не шло ни в какое сравнение с этим величественным и монументальным сооружением.

* * *

Дни летят. Впечатлений, обычных и необычных, все больше и больше. Но вот рано утром 11 ноября двинули мы из гостеприимной Братиславы в не менее гостелюбную Прагу. Ехали по широкой и нарядной новой дороге. Что она новая, объяснил нам водитель «Татры». Обедали в уютной харчевне небольшого городка Градеце Кралева. Само название объясняло довольно пикантную деталь чехословацкой истории: сюда отправляли в почетную ссылку вдовствующих королев. «Чтоб не путались в ногах»,— довольно простецки объяснил этот исторический факт наш многознающий гид.

Вечером того же дня мы были приглашены в советское посольство на чашку чаю. Там предстояло поделиться с послом нашими впечатлениями всех предыдущих, наполненных событиями необычных дней.

Посол информировал нас о ситуации в Чехословакии. Значит, нынче уходят контингенты войск, кроме названных в договоре. Этим завершается первый этап акции пяти стран. Начинается второй — более сложный, но в это же время можно и порадоваться. А именно: есть заметные сдвиги — активизировались здоровые силы столицы и всей страны. Этого процесса уже никому не остановить. Посол высказал свое мнение об одной резолюции — попытке укрепить позиции правых, которые вовсю стараются максимально использовать возможности «пражской весны». Пусть здоровые силы в ЦК поборются, изрядно попотеют. Нынешние руководители получили власть почти безо всякой борьбы. Ведь всякий с трудом заработанный медовик куда слаще дареного... Если победит резолюция здоровых сил, быстро все войдет в надлежащую норму.

Да, прав был наш посол в Праге, который подчеркнул, что желает услышать от нас все: и то, что приятно уху, и то, что ему совсем не мило. Что ж? Нам в те четыре дня довелось встретиться и с инаковерующими, и с инакомыслящими. Среди ветеранов войны первых были считанные единицы. И нельзя ставить знак равенства меж теми и другими. Безусловно, инаковерующий — это враг. Зависимо от сложности ситуации с врагом поступают соответственно. А вот те... Среди инакомыслящих, думаю, есть единицы, которые при надлежащем к ним подходе помогут оживить органически присущий людям здравый смысл.

Тогда же, за чашкой чаю, посол рассказал об известном ученом Праги, о председателе Общества чехословацко-советской дружбы, который после акции сгоряча подал в отставку. Потом одумался и забрал свое заявление.

Больше нежели уверен: нелегко приходится послу на самой горячей точке нашей ни на минуту не дремлющей планеты.

Ведь рекомендации посла в Праге играли роль при подготовке шага пяти стран. За иные шероховатости того шага и Кужел, и кое-кто еще винили нашего посла, который обязан был многое не только хорошо советовать, но и прозорливо предвидеть. Когда там, за посольским чаем, Клоков сообщил это мнение ряда бойовников, посол поначалу сделал кислое лицо, затем нелестно отозвался о генерале Кужеле.

Дипломаты тоже обязаны знать историю. Когда-то монгольский воевода чингисид Хулагу перед походом на Багдад долго совещался со своими мудрецами, вояками, звездочетами. Он не сомневался в успехе операции, но хотел знать ее ближние и дальние последствия. Звездочеты высказывались

не в ее пользу, но победили вояки. Состоялись и штурм, и жуткое разорение Багдада, в прошлом сверкающей столицы мира...

В той беседе посол всячески подчеркивал факт абсолютной лояльности чехословацкой армии. Она строго соблюдала приказы и никому не позволила произвести ни единого выстрела, несмотря на крайнюю, вызванную экстремистами возбужденность граждан. И несмотря на наличие в кадрах офицерского корпуса некоторого числа явных антисоциалистов. Видать, из тех, которых выдвинул на большие посты Антонин Новотный после чистки, удалившей из армии многих славных героев. Поневоле вспомнил супернапыщенного начальника Генштаба ЧССР генерала Крейчи, которого в 1935 году после Больших Киевских маневров мы по-дружески принимали в Харькове. Увы, этот Крейчи вскоре подписал позорный договор о безусловной капитуляции перед злейшими врагами Чехословакии.

После более чем двухчасового волнующего симпозиума в нашем посольстве мои товарищи посоветовали мне в память той доброй и откровенной беседы подарить послу «Примакова». С охотой я это сделал.

* * *

С переполненной головой и с почти пустым кошельком посетили ряд универмагов. Там, купишь или ничего не купишь, а любезные девушки, с милой улыбкой, уже у выхода благодарят тебя за посещение магазина. Возможно, что именно это и побудило нас растратить в тот день остатки наших крон...

После этого товарищ Гаек повез нас на улицу Боешти, 12, «в гости к Швейку». Там, в тихом ресто-

ранчике, точнее — в уютном пивном баре под названием «У калиха» («За кружкой»), свято чтят и память и культ гашековского героя. Сохранился там реалистичный, не гротескный портрет австро-венгерского императора Франца Иосифа. Во весь рост. Правда, за много-много лет своими выразительными «автографами» весьма непочтительно перепачкали его ресторанные мухи. Там каждому посетителю кладут салфетку с ярким и красноречивым изображением бравого солдата Швейка.

В той оригинальной забегаловке все сделано из дуба — пивные высокие калихи (кружки), длинный общий стол, скамьи с обеих сторон, панели помещения и даже его низкий потолок. Тикают на дубовой стене вмонтированные в дубовый же футляр старинные часы.

Лишь древняя печь там из чугуна и так разогрета, что жаром ее обдает во всех уголках зала. Зал тот переоборудован из пивоварни 1499 года. Над дубовой аркой три слова: «Daš Buh stesti» («Дай бог счастья!»). Там, славя Швейка, мы пили черное уникальное пиво. Купил я там сувениры: статуэтки из дерева — живой Швейк. А бумажными салфетками с его четким изображением нас щедро снабдили задаром.

После трогательного рандеву со Швейком нам дали прощальный обед уже в пражском «Карлтоне», в его очень уютной «словацкой йзбе». Оказал нам честь и сам начальник гарнизона столицы, импозантной внешности генерал по имени Евген, по фамилии Хлад.

Как и генерал Кужел, генерал-поручик Хлад вырос на Украине. В тридцатые годы служил в Киеве в 4-м полку ОГПУ имени товарища Дзержинского. Отлично воевал, неукротимо кроша фашистов. И поныне он выглядит богатырем, сложением напоми-

ная легендарного комбрига Котовского. Прекрасно владеет русским и украинским языками.

За тем дружеским столом в «словацкой избе» нас щедро угощали, кроме всего прочего, ультрасвирепой боровичкой. Опасаясь естественных последствий неиссякаемого внимания хозяев, я достал авторучку, набросал на фирменной, с ярким словом «Карлтон», салфетке всего лишь два слова...

Сидевший справа генерал Хлад сначала покосился на меня, а затем спросил, что сие значит. Я ответил: «Это своего рода заклинание от перегиба...» — и показал салфетку, на которой были начертаны слова: «Остановись, безумец!»

— И как? Помогает? — спросил генерал.

— Радикально.

Сосед-гигант улыбнулся и сказал:

— Обязательно воспользуюсь вашим опытом... Как же не воспользоваться...

И та наша «пресс-конференция» с чехословацкими ведущими товарищами была абсолютно открытой, порой весьма напряженной, но до конца искренней, как и положено между настоящими друзьями, чья дружба скреплена не шипучим шампанским, не ультрасвирепой боровичкой, а настоящей святой кровью, совместно пролитой на общих полях брани...

Там, за столом, услышали от начальника гарнизона Праги:

— Если бы войска Варшавского договора вошли днем, а не ночью, народ столицы, да и всей республики, встретил бы их с цветами. Ночное появление вызвало у наших граждан шок. Этим и пользуются враги социализма и дружбы между нашими народами. Были и глупости со стороны соратников Новотного. Они подсчитали: у вас на столько-то граждан приходится один ресторан. И пошли чесать. А у нас

рестораны — издревле укоренившийся быт, это, если хотите, семейные клубы...

Затем «крамольник» в генеральских погонах стал спрашивать меня и Клокова, как выглядит в Киеве спустя четверть века после ужасной войны Крещатик, перестроен ли Печерск, где стоял его 4-й полк ОГПУ, жива ли знаменитая Бессарабка и что в настоящее время выпускает легендарный «Арсенал».

После волнующих воспоминаний двойник Котовского вручил всем нам свою визитную карточку, которую берегу поныне. На ней значится: «Евген Хлад, генерал-поручик, велитель посадку Праги».

Уже в номере, который занимали Тюленев с Клоковым, перед расставанием с гостеприимной Прагой, слушали по телевидению выступление премьера ЧССР Черника. Того самого, кому якобы какие-то озорные офицеры мимоходом вышибли зубы... Без всяких экивоков он говорил о неликвидированных пока еще больших трудностях. О намерении правительства энергично, более решительно, нежели до сих пор, бороться с разного рода экстремистами...

В этот же день, в день отъезда нашей ветеранской делегации, газета «Руде право» опубликовала совместное Заявление правительства и руководства профсоюзов ЧССР о твердой решимости во что бы то ни стало сохранить завоевания трудящихся республики и обеспечить в стране незыблемый социалистический порядок.

У красавицы диктора телевидения демоническое лицо. Увидишь такое раз, вовек не забудешь... Но вся закавыка в том, рассказал нам тут же наш любезный гид,— это она, эта бесспорная красотка, еще недавно вещала с голубого экрана Праги: «Ни капли воды оккупантам!» Вот вам и уникальная красотка!

* * *

Товарищи Воячек и Голан провожали нас. Был с ними и комендант Праги Лацлав Килиан. Прощание было теплым и даже трогательным. Ветераны Чехословакии просили их не забывать. Мы же звали провожающих заглянуть и к нам — в Москву, в Киев...

Сели мы в поезд, прибывший из Карловых Вар. В вагоне проходящего экспресса мне досталось верхнее место. Когда же я, располагаясь, скинул пиджак и майку, чех-проводник широко раскрытыми глазами взглянул на мое раздробленное плечо. И тут же, заграбастав обеими руками мой несложеный багаж, переместил меня на нижнюю полку соседнего купе.

Когда поезд тронулся и пражские друзья приветливо просигналили нам с перрона, мол, «счастливого пути!», я пропел моим спутникам, чьи лица были еще приклеены к оконному стеклу, боевой куплет популярной песенки: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!»

Аплодисментов, разумеется, не было, но по выражению усталых глаз моих спутников понял: они, безусловно, согласны с автором той волнующей песни...

А вот и долгожданная Россия, точнее — порог нашей благословенной Украины — пограничный Чоп. Там получил оставленный по дороге туда небольшой вклад — «лишнюю валюту». Закупил гору провианта, прежде всего преаппетитнейший серый чоповский хлеб, качалку ароматной «старорежимной» местной колбасы, энное количество граммов ноздреватого сыра.

После этого мы по-братски славно и аппетитно пообедали с профессором Клоковым и генералом

Тюленевым. Жаль, очень жаль, у нас в Киеве нет ни такого вкусного хлеба, ни такой аппетитной колбасы. Нечто подобное полтора десятка лет назад выпекали для меня, таежного комбайнера, из намолоченного мною же отборного зерна «альбидум», в деревне Бражное, недалеко от города Канска на Красноярщине. Возможно, что подобная чоповской продукция есть где-то и в Киеве. Иди знай где...

Тюленев, довольный результатами нашего «глубокого рейда» по тылам чехословацких друзей, перечеркнув, видать, начисто недавние шероховатости, спрашивал: поеду ли я с ним в Италию и Францию к тамошним ветеранам войны? Приглашают без конца больше всего воевавшие на нашей земле. Особенно витязи героических поединков с врагом в нашем советском небе — ветераны эскадрильи «Нормандия — Неман».

Что ж? Во Франции зампреду Советского комитета ветеранов войны не понадобится переводчик. Ведь всего лишь сорок лет назад в течение нескольких дней я сопровождал Марселя Кашена, главного редактора «Юманите», в его памятной поездке в подшефную Французской компартии 1-ю Запорожскую дивизию Червонного казачества, к тогдашней границе с панской Польшей на реке Збруч.

Раз так, можно двинуть в очередной рейд и с товарищем Тюленевым.

Несмотря на очень ранний час, в Киеве нас встретила жена Клокова — очень любезная и миловидная особа. С огромным любопытством я уезжал 3 ноября из Киева и с не меньшей охотой возвращался 12 ноября домой.

...Как говорят — лучше один раз увидеть, нежели десять раз услышать. На весьма узком пространстве и в очень узкий промежуток времени мы кое-что

увидели, но не так уж много, чтобы делать какие-то конклюзии и лезть всюду со своими «дельными» рекомендациями. Иные годами изучают ситуацию. И им, разумеется, принадлежит по праву первое слово. Но коммунист, настоящий гражданин, который обязан болеть за все, не имеет права быть постным фотографом. Пусть несовершенное, пусть и вовсе некомпетентное, но он, даже увидев немногое, обязан высказать свое мнение.

В Чехословакии один товарищ сказал: «Можно выдать такие слова, которые всем нравятся. Как это было в старых райкомах при Антонине Новотном. Но шиш от них польза. И прежде всего нашей партии. А можно выложить слово, которое не всем по вкусу, но зато от него большой прок...»

Послужив много лет в коннице, не встречал я коваля, который подгонял бы копыто к подкове. Настоящий кузнец поступает наоборот. Есть деятели, которые создают себе схему и под эту «мудрую» таблицу сортируют людей.

Генерал Фуллер, «отец танковых войск», писал: «Генерал — это выживший из ума полковник». Но он имел в виду своих — англичан. Не тех, кто разбил сильнейшего и коварнейшего врага, кто в невероятно тяжких условиях выиграл страшную войну. Но вот его снайперская оценка вполне подходит к тому усачу, который походя в пражском посольстве рассказал сомнительной мудрости и дешевого юмора анекдот о безмоторном автомобиле.

В любой полемике радикально помогают нам цитаты из передовиц. Тут уж не промахнешься... А случается, что нехитрая сказочка сработает куда эффективнее любой и даже самой дистиллированной цитаты. И даже когда ты находишься в гостях за кордоном. Там любой из нас обязан помнить о своем незыблемом гражданском долге.

Нашим собеседникам на берегах Влтавы и Дуная очень нравилась вот эта нехитрая сказочка: «Воистину заботясь о родной ей Красной Шапочке, порой очень уж строго обходилась с ней ее бабушка. А вот маскирующийся под нее серый волк, притворно жалея славную малышку, хитроумно и назойливо шепчет и шепчет ей о жутком деспотизме подлинной бабушки. Не для того, чтобы и впрямь пожалеть Красную Шапочку, а для того, чтобы половчей ее облапошить, а затем и сожрать...»

Ведь это и есть линия — «гуманная» и «конструктивная» линия многочисленных «болельщиков» за судьбы растревоженной донельзя Чехословакии. Линия всех серых волков серого мира!

Именно им адресованы мудрые слова древнего мудреца: «Что не возмешь тихим или же пламенным словом проповедника, не достигнешь острым мечом воина. А чего не достигнешь острым мечом воина, ни за что не добьешься тяжелой секирой палача...»

Да, худо развешивать уши, худо поддаваться льстивым речам, но худо и то, что иные ретивые репортеры только лишь потому, что лейтмотив тех речей идентичен (в одном случае искренный, как у подлинной бабушки, в другой — насквозь фальшивый, как у всех серых волков хищного мира), склонны ставить знак равенства между подлинной бабушкой и ее архиковарным суррогатом.

* * *

Вскоре после нашего «рейда» в дружественную Прагу и братскую Братиславу перемены все же произошли. А главное и существенное — в лучшую сторону. Сорвалась ставка на раскол и кровавые раздоры — мечта злейших врагов социализма. Тех

самых, кто пытался так называемую «пражскую весну» превратить в лютую бухенвальдскую зиму...

Все же победили здоровые силы в высшем руководстве и во всем героическом чехословацком народе. Те самые, за которыми стояло большинство трудящихся, о которых в пражской своей резиденции говорил нам посол.

* * *

Прошло полтора десятка лет. Вспоминается давняя встреча ветеранов войны Советского Союза с их славными боевыми друзьями на берегах Влтавы и Дуная. И то, что трудовой народ Чехословакии не клюнул на приманки архиковарного врага, лицемерных предтеч современных рейганов, что партийной пропаганде удалось тогда разоблачить визгливых глашатаев «социализма с человеческим лицом».

В той значительной и воистину исторической победе там, за высокими Карпатами, есть и заметный вклад бесстрашных, политически зрелых, весьма и весьма заслуженных и в ратных делах закаленных, порой уж очень бойких на язык, верных друзей родного им СССР, славных и мужественных ветеранов войны, противофашистских бойовников родной нам Чехословакии.

1983

«ХОРОША СТРАНА БОЛГАРИЯ»

Очерк

1. В дорогу...

Да, хороша страна Болгария, подумалось, когда вдруг мне предложили «горящую» парную путевку в Варну. Путевку в популярный среди работяг пе-

ра международный Дом творчества «Журналист» на самом берегу Черного моря. Там, как шутят острословы: автор спит, а перо само строчит...

Варна, как и Бургас, как и Плевен, и знаменитая Шипка, наконец, как и сама прекрасная София — все это Болгария. В то же время это и Балканы... Вспомнились давние уроки истории... Изнурительная борьба болгар против перманентной угрозы с Востока. Сначала была Византия с мечом в одной руке, с Евангелием — в другой. Затем византийцев сменили турки...

Покорив мужественный болгарский народ кривым ятаганом, поработители не сумели придушить его «священной» книгой Магомета — Кораном. Четыре столетия угнетали народ архижадные и архисвирепые беи и бейлербеи.

Чего стоила одна поземельная подать — так называемый харач, слывший в народе под зловещим именем «злая чума»!

Но была еще и иная повинность, похлеще злой чумы, а именно — испенч. Община ежегодно должна была поставлять бейлербеям опредленное число мальчиков в возрасте 5—7 лет. В специальных питомниках их отуречивали в течение ряда лет, чтобы в зрелом возрасте пополнить ими ряды султанской гвардии — ряды янычар.

Известно: чтобы свалить дерево, надо из дерева же изготовить ладное топорище. Так поступали и коварные османцы — они угнетали народ руками выходцев из того же народа...

Что осталось ныне от четырехвекового господства турок? Какой-то турецкий колорит в робе крестьян, популярность турецкого напитка — кофе, какой-то темпераментно-восточный привкус в народном болгарском танце — «ръченице». И еще горстка гагаузов — говорят, отуреченных болгар...

Но не это было главное, что пришло на ум, когда возникла манящая перспектива поездки в братскую Болгарию. Главное было — нахлынувшие воспоминания о золотой осени 1923 года. Вспомнился город Изяслав на реке Горынь. Наш 9-й Краснопутиловский полк червонных казаков только что торжественно проводил в Петроград большую группу демобилизованных воинов — уроженцев Украины. Они будут работать на знаменитом Путиловском заводе. Взамен, по установившейся издавна традиции, к нам для прохождения действительной службы вот-вот прибудут призывники-путиловцы.

А тут новость... Позвонили из Староконстантинова, из штаба 2-й Черниговской дивизии Червонного казачества. «Надо подобраться»,— звенел в трубке полевого телефона твердый голос начштаба Евгения Журавлева, который в войну с фашистами во главе знаменитой 18-й армии освобождал от врага Закарпатье.

«Надо подобраться, поджаться, срочно перековать лошадей, смазать оси боевых тачанок, сократить отпуска. Короче — быть наготове». Дело в том, что в ответ на террор фашиствующего правительства Цанкова и его гнусной партии «Народни сговор» восстали труженики Болгарии. Они и взяли верх в ряде околий над силами Цанкова. Решением Компартии Болгарии для руководства восстанием создан был ВРК во главе с Г. Димитровым и В. Коларовым.

Каких-либо комментариев тогда, в ту давнюю пору, золотой осенью 1923 года, в телефонной трубке мы не услышали.

* * *

Итак — предстоит поездка в Болгарию, в ее приморский город Варну. Без излишних колебаний я согласился. Яков Баш — наш партком — сразу дал благословение.

Двинул в обком. Какой-то нетерпеливый товарищ ответил по телефону: он моим вопросом заниматься не будет. Мол, подают заявки организации, и лишь потом их рассматривают. Вот пусть Спилка и позаботится...

У меня же всего два дня на все процедуры.

В одной из приемных написал я записку: «Справа особиста, але термінова». Меня тут же подозвали к телефону. И сам секретарь обкома заявил: примет и выслушает меня. Он не ограничился сухой беседой. Куда там! Поговорили о многом. Молодой секретарь, а есть в нем жилка настоящего руководителя-большевика.

Прошло еще не более получаса, и мое дело уже лежало на столе исполнителя, и мне тут же вручили нужный документ. Оперативно по телефону спросили членов комиссии по выездам за кордон. Вот это и есть ленинские нормы. Для них на первом месте не буква, а дух закона!

Девушки из Интуриста проявили инициативу — по телефону заказали нам две плацкарты. Без этого пришлось бы набегаться. Есть же люди!

Тронуло внимание секретаря Союза журналистов — пришел проводить отъезжающих в Варну. Он сказал: «Вас провожаю, сам не еду — опасаюсь кривотолков...»

Вагон Киев — Варна. Там услышал жалобу Михайла Стельмаха: из школьных хрестоматий изъяли «нестерильные» фрагменты его произведений.

2. «Златни Пясъци»— Золотые Пески

Рано утром мы уже гуляли по перрону бухарестского вокзала, кишащего бойкими и шумными цыганами. Вокзал достоин внимания. Сооружен наподобие пассажа и довольно удачно. А дальше — земля румын, почти ничем не отличима от наших земель.

Попутчик — дряхлый старик — ездил на родину в Лохвицу. Попросил я молодого болгарина помочь тому пассажиру, сходившему в Руссе (Рущуке).

У вокзала Руссы расселись чистильщики. Среди пассажиров много в национальных турецких одеждах. Зашел в сладкарницу — там обилие восточных деликатесов.

В пути только и видишь поднятые в дружеском приветствии руки. Да еще плакаты с призывами к вечной дружбе с Советским Союзом. Эти руки — деталь, но весьма красноречивая.

От Руссы поезд едва ползет — горная местность. Часто останавливается. Зато виды вокруг! Справа и слева тянется живописная гряда великолепных гор. С красочной осенней палитрой Балканы. А высоко в горах видны одинокие романтические избушки и затерянные в высокогорье отары тучных овец.

Вот и Варна. Автобусами нас привезли к морю, в дом отдыха «Журналист». Наши старшие наравне со всеми подверглись неистовому ажиотажу расселения.

С балкона видно ночное море с набегающими на берег белесоватыми шумными волнами. Прекрасный пейзаж! Подумал: виден ли он из космоса витающим в нем трем нашим кораблям?

И здесь слышимость от соседей изрядная, хотя меньше, нежели в нашем киевском доме. Стихийное

бедствие, не знающее, подобно гриппу, государственных границ.

Вскоре после шести утра выкатившееся из-за моря багровое солнце осветило наше окно. Сразу после завтрака ударились в микротуризм. Нашим гидом был ветеран «Правды Украины» В. Я. Сарнацкий — знаток Варны. Повел он нас и Стельмахов по злачным дорожкам Золотых Песков. Мимо шикарных «хотелей», пока еще заполненных иностранщиной. Воистину — это филиал рая на земле болгар! Дающий им солидную валюту. Чеканящие ежечасно золото отели! Коренные варненцы ропщут — жизнь вздорожала от наплыва туристов. Бог с ними!

Бродили по Золотым Пескам. Купили открытки. Глубинка Золотых Песков — зона тевтонцев. Их западным маркам все доступно.

Пошел бродить по «Дружбе». Забрел в «ресторант» под названием «Монастырска изба». Гостей там потчуют в кельях-кабинетах при зажженных свечах. Официанты облачены в подобие ряс. Экзотика... Туда заходишь и выходишь, и никто не косится, если не садишься за стол. По дороге у киоска разговорился с местным турком. Вдруг всплывают в памяти долго лежавшие без движения слова... Слова, почерпнутые в аудиториях восточного факультета Академии имени Фрунзе более сорока лет назад...

Направились в гору — это напротив отеля «Журналист». Вся она усеяна роскошными «спочивными домами» и частными виллами.

Там же встретили лавину туристов-кавказцев. Они путешествуют своим пароходом. Облепили все ларьки. Вели себя шумно.

Потоптались мы и на подходах к популярнейшим ресторанам. «Фара» («Маяк»), «Горски кут»

(«Горный уголок»), «Колибите» («Хижина»), «Воденицата» («Мельница»).

Наш всезнающий и неутомимый гид пояснил нам любопытную деталь: на верхотуре весьма экзотического увеселительного комплекса «Кукери» специально натренированные плясуньи танцуют на раскаленных углях босиком. Разновидность бизнеса...

И ничего дивного нет в астрономической цифре отдыхающих на курортах изумительно прекрасной Варны — около 250 тысяч, то бишь четверть миллиона человек.

После обеда читал на балконе интереснейшую книгу о Тибете. С солидными реверансами в адрес наших китайских братьев. Книга старая... Любопытная деталь: из-за предельной бедности трудовые тибетцы брали одну жену на всех братьев. Чтобы не дробилось хозяйство.

Состоялся вечер дружбы журналистов. Но поляки сидели с поляками, немцы с немцами, наши с нашими. Вина за это целиком лежит на устроителях. Потом были танцы. Когда на арену выходят люди в очень солидных годах, получается танец не то мартышек, не то неандертальцев...

Открылся вечер речами. От наших хорошо выступил Всеволод Яковлевич Сарнацкий.

Позже к нам заглянул Стельмах. Один. Его Леся хворает. Поговорили о том, о сем.

3. Город Варна (он же древний Одесс)

После обеда поехали в Варну. Там обменяли наши деньги на левы. Искали Николову — медицинскую сестру, выходившую Юрия Смолича во время его болезни в Болгарии. Познакомились с милой женщиной.

В местных автобусах молодые сидят, старики стоят. Не всегда уступают места беременным женщинам.

Побродили по базару. Ничего особенного. На каждом шагу в городе «ресторанты» и «закусвальны». Выбор широкий.

У ларька с жареной мелкой хамсой огромная очередь — это любители пива...

Завернули в Катедралу — главный храм Варны, храм Богородицы. Солидное сооружение в честь русских воинов, освободивших Болгарию от турецкого ига. Выделяются два витража с Кириллом и Мефодием. Напоминают Исаакия в Ленинграде, с его монументальным витражным Христом.

Купил справочник «Варна». Стоимость подобных изданий в пять раз выше нашей. В сравнении с нашими ценами холодильник 1:3, а пальто, напротив,— 2:1.

В Варне заглянул к директору издательства Стефану Николову. Принял весьма тепло. Мало того — взялся забронировать номер в гостинице Софии.

Вспомнили с ним титанов болгарской беллетристики. Прежде всего одареннейшего ученика школы Максима Горького, как он сам себя называл, Дмитра Иванова, создавшего, под псевдонимом Елин-Пелин, свои бессмертные произведения «На борозде» и «Земля».

Это Елина-Пелина мужественные слова: «Мы лемехи железные в ножи острые перекуем...»

Не забыли мы и славного уроженца города Варны Антона Страшимирова, автора талантливого романа «Смех и слезы». Это он своим боевым романом «Танец Хоро» навеки заклеймил позором молодчиков из фашистского «Народни сговор».

Об этих корифеях болгарского красного слова очень тепло отзывался Георгий Димитров.

На базаре купили из бачка горячую пшенку и, подражая варненцам, тут же ее прикончили.

Повезли нас смотреть руины римских бань. Размах, грандиозно! Сущий Дворец культуры! Ведь там синхронно обрабатывались и тела и души верноподданных Рима. Сохранилась кочегарка с обломками гончарных труб, по которым текла холодная и горячая вода. Водопровод! («Как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима...»)

Раскинувшаяся неимоверно вширь и вознесшаяся чудовищно ввысь «античная баня» зримо свидетельствует о мощи (все же не устоявшей против натиска варваров) империи Марка Аврелия, Цицерона, Юлия Цезаря.

Основанная на берегу Черного моря колония греков 2500 лет тому назад поначалу называлась Одесс и лишь спустя столетия стала Варной. А потрясающе внушительные руины бывших римских терм (общественных бань) свидетельствуют о монументальной стройке 2300-летней давности. Общая высота тех древнеримских грандиозных сооружений двадцать метров. Чудовищно!

В пятом веке землетрясение разрушило те первые термы. Но вскоре были созданы новые бани. Не менее шикарные.

Есть в Варне улица Рака. Это имя отважной болгарской девушки, которая, презрев опасность, пробралась из осажденной Варны и сообщила русским, обложившим крепость, о легкоуязвимых местах в расположении турок. Это было в 1828 году. Легенда? Но улица, носящая имя девушки Рака,— факт!

Наш гид — уроженка Одессы, давно вышедшая замуж за болгарина,— показала нам древние иконы в бывшей белогвардейской церкви святого Атанаса — прибежище верующих деникинцев, скрывавшихся от народного гнева в Болгарии.

Бродили по улицам города. У базара лоточник настойчиво предлагал всем «еврейских» бубликов. В магазинах — обычный ширпотреб.

Вдоль дороги от Варны к Золотым Пескам частные владения, громко названные виллами.

4. Микротуризм

Чудный выдался солнечный день, но море бурлит вовсю.

Повезли нас в Добруджу, житницу страны. При посадке в автобус некий молодчик сразу оккупировал шесть мест. Эти вспышки эгоизма особенно часты при посадках в вагон или же в автобус. Атавизм, увы!

В Добрудже с поднебесных скал открывается широкий вид на море. Именно здесь много лет назад легендарный адмирал Ушаков нанес поражение «непобедимому» турецкому флоту. В честь русского адмирала сооружена мемориальная доска. А на подступах к мысу—монумент в память сорока болгарских девушек, которые предпочли утопиться, нежели стать наложницами в турецких гаремах...

А вот и колхоз деревни Дольни Чифтлик. «Чифтлик» по-турецки — «поместье». Каменные дома селян, великолепное здание правления, образцовые коровники. Не очень тучные коровы. Говорят, дойным животным это не обязательно. Индустриальное фруктохранилище — холодильник. Колхоз вывозит виноград и яблоки «джонатан» за границу. Намечается превратить долину Камчии в сплошной сад. Второй по значению после садов Феррары (Италия).

Море во мгле. Повезли нас в скальный монастырь. Чудесный уголок. Высоко на склонах гор вырублены в породе ниши, служившие некогда для отшельников кельями.

Потом двинули на Золотые Пески, где нам показали еще один ресторан — «Кукери», созданный на колорите старинных масок.

На обратном пути попали в Балчук. Смотрели Ливадию румынских королей, когда Добруджа еще принадлежала Румынии. Впечатляет и поныне то более чем скромное сооружение королевы Марии — женщины трагической судьбы. Из-за бухарестской красавицы мадам Лупеско, дочери владельца модного конфекциона, ультрагорячий принц, сын королевы Марии, стрелял в своего соперника. Не попал в родного брата и тяжко ранил родную мать...

И здесь всеобщие симпатии к русским и повсеместные плакаты о вечной дружбе. И постоянное упоминание о признательности за двухкратное освобождение — от турок (прошлый век) и от гитлеровцев (век нынешний).

Вечером пришли гости — Мария Николова с сыном Пламенем, красивым пареньком с располагающей улыбкой. Раньше он много болел. И, кажется, легко уязвим — физически и душевно. Принесли они и вина. Вот люди... Здесь это в обычае... Они жалуются, что всего можно достичь лишь через знакомых. И без знакомств парню никак не поехать на учебу в Советский Союз. Он же об этом мечтает. Видит во сне...

Как-то Сарнацкий вновь показал прелести Золотых Песков. Трехъярусный ресторан «Трифон зарезан», что значит — «убиенный Трифон».

Ресторан «Горски кут», где сохранившееся в нем развесистое дерево само стало отдельным кабинетом того привлекательного уголка. Тут же рядом разбита индейская деревня, где за 70 стотинок в уютных вигвамах вас угощают кофе или же мороженым.

Ресторан «Кошарата» построен на пастушечьем колорите и весь увешан овечьими шкурами. Но перебор вредит в любом деле. Зловоние из пустой кошары, кажется, не способствует пищеварению туристов, которые толпами бродят там. И не только бродят, но и садятся за столы.

После обеда охотно «батрачили» на винограднике у Николовых возле спирки (остановки) «Странджа». Собирали виноград. Силком вдрючили нам корзину даров — инжир и янтарный виноград. Вдвойне сладкий — сами его срывали с кустов.

Вечером в столовой «Журналиста» нас потчевали настоящим шашлыком. Там разговорился всегда молчавший, тихий журналист по имени Олимпий. Под впечатлением уникального армянского шашлыка назвал себя поначалу армянином. А потом — крымчаком...

5. Ветераны

В Клубе борцов с фашизмом (ветераны войны) познакомился с интересными товарищами. Среди них много испанских добровольцев, революционеров международного диапазона. Угощали коньячком. Ушел бы оттуда качаясь, если бы не моя железная норма: не меньше 50 и не более 100 граммов. Нажимал очень активный и экспансивный Петр Бомбов — атлетичный мужчина. Он возглавляет городской Комитет борцов. Долго был мэром Варны и пять лет торгпредом Болгарии в ГДР.

Его друг Нено Димитров хорошо владеет русским языком. Долго жил у нас, работал в Турции. Обменялись с ним несколькими турецкими фразами. Оказался у нас общий знакомый — ныне покойный И. И Ключкин — начальник Воркуты. В гражданскую войну — замнач особого отдела нашей 2-й ди-

визии Червонного казачества. Очень славный и справедливый товарищ.

Потом товарищ Нено попал на Дальний Восток. А тут на нашу территорию, вырвавшись из тисков японских самураев, передислоцировался китайский партизанский отряд. И вместе с ним, вкрапленные в его толщу, несколько опытнейших резидентов врага. Тогда и поручили товарищу Нено Димитрову выявить их. В том отряде болгарин заметил активистку-девушку. Вскоре они поженились — коммунист из Софии и коммунистка из Шанхая. Вот с ее-то активной помощью и была выявлена коварная агентура ЦРУ. Не одного, а четырех славных раскосых детишек родила Димитрову его верная подруга жизни. Обосновался «болгарский Зорге» в Софии. А после некоторых межпартийных компликаций жена заявила, что не желает жить с ревизионистом. Уехала на родину и увезла двоих детей. Потом товарищ Нено чудом пробрался в Шанхай, забрал оттуда одного ребенка и воспитывает теперь троих.

Бомбов повел к себе. Познакомил с женой и дочерью — преподавателем немецкого языка. Показал сборник стихов Платона Воронько, где есть стихотворение и о нем, Бомбове. Шумел он у себя дома, что он против всяких и всяческих новаций. Дело в том, что после нашего XX съезда партии и в соседней Болгарии передвинули кое-кого с высоких постов на более низкие ярусы...

В том числе и «врага новации» Бомбова с поста мэра Варны...

После обеда пожаловал к нам в отель экс-мэр Варны. Позвал к себе в гости. Это рядом, через дорогу. Бомбов говорит: «Энергии у меня дай боже. Сделали меня пенсионером. Вот и соорудил своей фамилии тихий уголок на тихом берегу...»

И воздвиг со вкусом. Под народный стиль. С видом на море. С вайнкеллером — погребом для вина, на входных дверях которого изображен бражничающий поп.

Провожая нас, хозяин ударился в «философию»: «Обзавелся землею, думаете, мне это нужно? С удовольствием отдам, но пусть и другие отдадут. А вот некоторые пляжи обнесли высоким частоколом. Кого боятся? Ведь они не оккупаторы? И воротят они нос от нашей «Волги», подавай им фээргевский «Мерседес». Это стоимость восьми вагонов винограда. За каждый вагон ФРГ платит 500 долларов...»

Любит Бомбов с «хорошими людьми спуститься в вайнкеллер», любит поговорить, но в отличие от иных многословов умеет и послушать. Он все интересовался нашими полководцами гражданской войны.

Недалеко от усадьбы Бомбова бросается в глаза трехъярусное сооружение. Подумали — детский сад. Оказалось — загородное хозяйство генерала Оргилева, начальника милиции Варны.

Вечером встретились с ветеранами в Клубе борцов против фашизма. Выступали мы там вместе с Сарнацким. Отвечал председатель областного комитета Чакыров. Слушали нас товарищи-варненцы очень хорошо, но, сдается, нужен был переводчик. Один из ветеранов Янаки Николов, довольно еще молодой человек, великолепно говорит по-русски. Он и переводил. Проводили нас цветами и конфетами. Подарил я ветеранам «Примакова», выпущенного Москвой в серии «ЖЗЛ».

Отвезли наши «трофеи» в дар славной Марии Николовой. Принял нас ее сын Пламен, мечтающий об учебе в стране великого Ленина. Долго он нас не отпускал. А мы торопились — не все достойное осмотра осмотрено в Варне. Ныне там, заметно вы-

деляясь из массы туристов, предельно щедрой дланью и неимоверно крупнопанельными кепками, шагают по варненскому Бродвею шумные толпы сыновей солнечного Кавказа.

Явились в «Журналист» Николовы. Познакомились мы тогда и с главой дома — летчиком Георгием.

Двинули тут же на Странджу. До обеда вместе с Николовыми снова трудились на их винограднике. Солнце пекло неимоверно. Трижды Георгий на своей машине увозил ящики с урожаем в Варну. Сдал на винзавод несколько сот килограммов. И теперь с него не взыщут поземельного налога.

Предельно коммуникабельный крымчак Олимпий с энтузиазмом рассказывал о ночном сабантуе в баре главного пляжа. Кутил он со славными тружениками пера из Варшавы...

Интересно прошел самодеятельный карнавал. Лучше всего представил свой «табор» работник газеты «Известия» Макаров.

Состоялся вечер отдыхающих и по вопросу выезда. Шуму много, как на настоящем вече, а порядка — дефицит. Худо, если бразды захватит барон, беда — когда баронесса. Из тех, у кого гонор находится в прямой зависимости от количества заграничных ярлычков на чемодане.

Возвращение через Руссу чревато многими трудностями. Мы решили потратить остатки левов, но ехать через Софию. Благо — билеты у нас не гуртовые, а индивидуальные.

6. А вот и София

Позвонил в «Журналист» от Стефана Николова — забронирована для нас гостиница. Вот где дело идет в ногу со словом. Пошли искать дом от-

дыха ЦК. Там нас, гостей из СССР, встретили очень тепло.

Вечером показали «ковбойский фильм»— дрянь из дряни. Там же встретили Стельмаха с его «адъютантом»— тернопольским жевжиком. Он сказал, что заходил к нам сообщить: вопрос с автобусом решен положительно.

Сарнацкий предложил попробовать джин Акимбея, пляжного бармена. Я отказался. Экономим стотинки. Не знаем, сколько их понадобится в Софии на отель и питание. А занимать неохота. Хотя товарищи и предлагали...

На пляже всех широко угощал каюкчи (лодочник), накануне спасенный вдали от берега катером, специально вызванным из Варны. Трое рыбачили на двух лодках. И вдруг свежий ветер стал их гнать в глубину. Лодки перевернулись. Шесть часов в ожидании помощи они стучали зубами, держась остывшими пальцами за края перевернутой лодки.

Похожая на турчанку Мария Желева, наш гид и попечитель, провожала нас к вокзалу.

По́лки в вагонах напоминают стеллажи. И лезть на вторую полку нелегко. Есть вагоны даже с тремя ярусами «стеллажей»...

С рассвета не отходили от окна. Приковал к себе необычной красоты горный пейзаж. И те же раскиданные по Балканам деревушки и отдельные домики где-то совсем под облаками.

В Софии нас встретил «Зорге». Такси долго не ожидали, хотя повадки таксистов напоминают наших водителей. Завезли нас в «Славянскую беседу». Получили огромный, светлый, теплый, чистый номер, но без намеков на три «Т» — телефон, телевизор, туалет. В центре столицы. За трое суток взяли всего лишь 15 левов.

Нено Димитров повел нас по Русской улице. Показал сердцевину Софии. По его рекомендации обедали в вегетарианке. Дешево, а по обилию перца и прочих остростей действительно сердито! После обеда он показал нам картинную галерею в бывшем дворце царя Бориса.

Врезались в память три работы. «Речъница» — народный танец, Ивана Мрквички, «Майка»— мудрость вселенской матери, Нено Тодорова и «На бунт» — дед на коне, Ценко Бояджиева. Затем пошли в огромный собор Александра Невского, сооруженный в честь России, освободившей Болгарию от турецкого ига.

Сооружение это действительно достойно масштабов свершения.

В центре Русской улицы высится памятник Александру Второму — «нашему освободителю», сказал Нено Димитров. Барельеф памятника составляют фигуры русских генералов во главе со Скобелевым.

Отдохнув, решили посмотреть ночную Софию. Дошли до конца Русской. Очередь к продавцу жареных каштанов не иссякает. Тоже экзотика! Но самое замечательное — это уникальный памятник советским воинам Великой Отечественной войны. Вот вам и маленькая Болгария.

Состоялась встреча в ЦК болгарских борцов против фашистов. Были там председатель ЦК Димо Дичев, адмирал Калачев, старый борец и коммунист Петр Николов. Беседовали по-братски. Получил я в подарок ценное издание —«Атлас на партизанското движение в България».

По дороге в комитет Нено показал обнаруженные рабочими, строившими уличный переход, руины древней крепости дохристовых времен. По мощности кладки напоминают развалины римской бани в Варне.

После обеда пошли в Мавзолей. Присоединились к туристам из Куйбышева. Положили букеты цветов у входа, охраняемого часовыми в старинном обмундировании — гусарках и каскетках с павлиньими перьями.

Наблюдали смену караула.

Полуосвещенный переход с гранитными стенами настраивает посетителей на торжественный лад. По сути, Мавзолей — это как бы светящееся изнутри лицо и руки Димитрова. Порой кажется, что сделан макет из воска или же из тончайшего и ценнейшего фарфора. Долг перед достойнейшим товарищем будто исполнен с мыслью — на века сохранить светлую память того, кто много лет мудро возглавлял штаб пролетариев всех стран, возглавлял Коминтерн.

В следующий день явились товарищи из Комитета борцов — адмирал Калачев, бывший комфлота Болгарии, в прошлом узник царя Бориса, Нено Димитров. На «Волге» повезли нас смотреть Софию. Первый визит в Музей Народной армии. Он на ремонте, но его нам показал энтузиаст своего дела полковник Мишев. Богата боевая история Болгарии, что и показывает музей. Это мною записано в журнале. Его экспонаты настойчиво и деликатно внушают зрителю жизненность для Болгарии дружбы с Советским Союзом. Хороша картина — поп, ведущий в атаку повстанцев. Это — в сентябрьском восстании 1923 года. Кстати, для многих болгар оказалось сюрпризом мое сообщение, что в ту пору нам — корпусу Червонного казачества, который дислоцировался в городах Подолии и Волыни, в том числе и нашему 9-му Краснопутиловскому полку, было приказано готовиться к походу в Болгарию в помощь ее восставшим против векового гнета труженикам.

Мишев сказал, что многие советские товарищи пожимают плечами при виде подобных картин, при виде улиц с именами попов, при виде на улицах Софии множества священников. Он пояснил: низовой причт в тяжкую пору всегда был с народом. Он, полковник Мишев, и сам из семинаристов. Учились в семинарии вместе с нынешним военным министром Болгарии товарищем Джуром.

Потом мы покатили на Витошу — гордость болгар. Под самые небеса. Но каков пейзаж с площадки «Копыто», куда ведет подвесная дорога! В выходные дни здесь полно народа. Вся столица на ладони. Оттуда нас повезли к памятнику болгарским борцам. Такое же величественное сооружение, как и монумент советским воинам. Молодцы болгары!

В «Русском ресторанте» наконец-то поели настоящего борща, а не набившие оскомину всякие «кремсупы» в «Журналисте». В соседней комнате обедали наши киевляне — чета Стельмахов.

После обеда нас повезли в Банкя — знаменитый курорт. Это под самой Софией. Водитель машины по своей инициативе завернул в дом отдыха ЦК партии, где он свой человек, этот болгарский Фигаро по имени Карампфил Толпаков. Сущий джентльмен, похожий на министра. Там нас всех угостили ароматнейшим кофе по-турецки и фруктами.

Потом попали мы на рынок — центральный «халь», где купили провизию в дорогу. На этом рынке нет лишь птичьего молока. Рядом с ним старинные сооружения, почти рядышком—церковь, мечеть, синагога «Хавра», как сказал Нено Димитров. Бродили снова по ЦУМу.

Спустя сутки рано утром таксист повез нас на вокзал по шикарной брусчатке центра. Она придает городу праздничный вид, но ее уберут — на ней, по-

ведал таксист, слишком скользят машины. На вокзале ринувшая к кассе толпа опрокинула чемодан, разбила термос — основной наш туристский урон...

Поместились в купе вместе со Стельмахами. Думалось, что длительное пребывание в тесном купе покажется тяжким. Время до Киева провели отлично. Ели вместе из общих запасов.

Стельмах прост, не ломается. С теплом вспоминает детство, запечатлевшее навеки добрую память о воинах Червонного казачества, которое сразу после гражданской войны стояло и в его родных Дяковцах, на полпути между двумя старинными городами — Летичевым и Литиным. Да, он по-народному прост и предельно доступен.

В Унгенах встретились с товарищами, выехавшими из Варны после нас. Ну и перепало же им, беднягам: сидячие места! А кому повезло на лежачие, то это были трехъярусные «стеллажи».

С радостью пересекли границу. Как только позади остались роскошные просторы Балкан, я с восторгом продекламировал во весь голос строки из популярной песенки. «Хороша страна Болгария...»

И время до Киева от Унген прошло незаметно.

1983

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ...

Очерк

1. 2×5 и 10×5 лет назад

Дела давно минувших дней,
преданья старины глубокой.
А. С. Пушкин

Одно событие отдалено от нас на два, другое — на все десять пятилетий. Мне улыбнулась фортуна — я был участником обоих.

Да, это воистину дела давно минувших дней, но отнюдь не преданья старины глубокой, скажу, пользуясь прекрасными словами бессмертного классика русской и мировой поэзии.

Многие и многие весьма важные и не весьма значительные события в бурной жизни славного братства советских писателей стали уже достоянием седой и не очень-то седой истории. Вот лежащая на моем столе крупногабаритная бронзовая медаль с одухотворенным профилем мудреца, воинствующего апостола красного слова Максима Горького на лицевой стороне и с раскрытой книгой «1934—1974» на изнанке напоминает о таких ушедших в прошлое событиях: первые съезды работяг пера в Киеве и в Москве, а также юбилейный пленум СП СССР 1974 года, когда нам, участникам I съезда, и была торжественно вручена та памятная медаль-реликвия.

3 сентября 1974 года Москва с раскрытыми объятиями встретила посланцев Украины — и делегатов I съезда, и просто участников торжественного форума. Стабильно заботливый Иван Карабутенко позвал нас в машины—товарищей «похилого віку» в «Волги», нашего старшего — Олеся Гончара, чету Бажанов и чету Смоличей в роскошную «Чайку», остальных — в автобусы. Внимание участникам писательского форума 1934 года было проявлено и тем, что им достались номера в гостинице «Москва», неучастникам — в «России».

Как и тогда, собрали нас в Колонном зале. Как и тогда, сорок лет назад, сверкали роскошные люстры зала, но совсем не так, как тогда, сверкали речи ораторов. Задавал себе вопрос: почему? Видать, потому, что тогда докладчики пользовались лишь конспектами, нынче — объемистыми и строгими «путеводителями»...

Вспомнилась тогдашняя программная, хватавшая за душу речь нашего главы СП СССР Максима Горького, то и дело прерываемая мощными аплодисментами...

Душевным было слово Константина Симонова, но надо прямо сказать — человек более крепок даром пера, нежели даром глагола. Парадокс! Это в те дни, когда подбирал мне книгу для автографа, у автора бессмертного произведения «Живые и мертвые» вырвалась реплика: «Подарил бы Вам «Жди меня», но с этим опусом связана недобрая память об одном человеке...»

Поэт Николай Тихонов с трибуны отдал должное авторам батальной беллетристики — Симонову и Чаковскому. Почему-то обошел автора экстрабоевой книги «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Представитель же Киева, назвав автора «Знаменосцев» Гончара, обошел молчанием популярные книги фронтовика Первомайского.

Как и на I съезде, мощно гремели аплодисменты, когда автор талантливой книги «Брестская крепость» Сергей Смирнов уделил большое внимание произведениям о ратной страде советских людей, книгам молодых тогда писателей Бондарева и Быкова.

Но более мощной и более выразительной овацией встретили появление на трибуне юбилейного пленума представителя многострадального и героического Чили Володю Тейтельбойма и гостя из братской Варшавы товарища Ярошевича.

Не жалели своего тепла участники того форума и другим представителям братских литератур, дававшим с трибуны меткие оценки I съезду советских писателей.

Так же, как прозвучавшие в далеком 1934 году оптимально пророческие слова Горького, запомни-

лись на всю жизнь те добрые и максимально снайперские оценки.

Гость из ФРГ писатель Хитцер сказал: «Первый съезд решал самый главный вопрос — вопрос борьбы с фашизмом».

Долго живший в Советском Союзе, а тогда почетнейший гость из Будапешта поэт Антал Гидаш сказал: «На Первом съезде образовался первый антифашистский интернациональный фронт художников слова».

Вот одна из реплик товарища Яна Козака (Чехословакия): «Советская литература была с нами на баррикадах». А Карло Бернари из Италии добавил: «Советская литература помогла нам победить». Сюда же следует отнести и реплику с трибуны посланца Болгарии Караславова: «Советская литература — школа жизни для болгарского народа».

Об этом самом писал и я в путевом очерке «Хороша страна Болгария», напечатанном в «Радянской Украине» 15 сентября 1983 года.

Более пространно и более душевно высказывался тогда гость с юга Африки, из далекой ЮАР Алекс Ла Гума: «Мы помним имена писателей, погибших в Испании, помним и тех, кто сложил головы в войне с нацизмом, погибших в войне с колониализмом, расизмом. Мы не забудем погибших писателей Вьетнама. Мы не забудем великого Пабло Неруду...»

Услышали мы тогда, в 1974 году, и душевное слово гостя с берегов солнечного Нила египтянина Юсефа эс-Сибаи: «Советская литература способствует укреплению идеалов свободы, справедливости, благополучия».

Добрые слова гостя из далекого Каира автоматически вызвали тогда в моей памяти давние мои строки:

И простор тот покинувши жаркий,
Где синеет над Нилом туман,
Здесь, на Щучьем, дорогой к Игарке,
Свой раскинули ласточки стан...

А с волнением высказанные слова: «На страницах лучших советских книг оживает Прометеев огонь человечества» на форуме 1974 принадлежат гостю из Парижа Роже Шотане.

После, когда товарищ Шотане в фойе услышал от меня, что много лет назад (1928) был я гидом Марселя Кашена, а в 1935 учителем по тактике танков генштабиста из Франции Луи Легуэста, он мне крепко-крепко пожал руку.

В щедро оборудованном множеством стендов фойе Борис Полевой жаловался на натиск хвороб — наследие немилосердных фронтовых передряг. Не такая простая штука быть полевым репортером «Правды». Но он твердо стоял на ногах и, как всегда, был полон оптимизма. Еще недавно прислал он в Киев записку: «Пребываю в больнице. С трудом передвигаюсь по палате — от койки к столу, от стола к койке».

Спросил Полевой — полевой репортер «Правды»,— не кошусь ли на него и на литработников «Юности» за некоторое ужатие моего рассказа. Того самого, о котором наш славный труженик пера Тельнюк мне сказал: «Будем в ленинские дни разбирать написанное о Ленине. Ваша новелла в самый раз!»

Среди множества стендов был один: «Книги делегатов I съезда СП СССР». Ничего не скажешь — очень богатый вернисаж! К великому своему огорчению, не обнаружил в витрине ни единой своей книги. А ведь и я делегат того уникального форума. Пришлось решаться на некоторую коррекцию... Был у меня в руках вот-вот увидевший свет в изда-

тельстве «РП» сборничек «Солдатский хлеб» с необычным вступительным словом дважды Героя Советского Союза, моего однополчанина по героическому Червонному казачеству, командующего войсками КВО, маршала Петра Кирилловича Кошевого. Чуток уплотнив книги моих более счастливых товарищей, втиснул за витрину и свою.

Тут прозвучала за моей спиной незабытая и поныне, с ударением произнесенная реплика одного участника пленума 1974: «Что говорить? Что-что, а себя они не забывают...»

Во время моей «диверсии» с «Солдатским хлебом» приблизился к стенду рослый, респектабельной внешности товарищ. Улыбаясь, он сказал: «А мы в «Новом мире» собираемся рассказать нашим читателям об этом нестандартном сборничке».

Приглядевшись, я узнал в авторе реплики тогдашнего замредактора «НМ» Олега Павловича Смирнова. И впрямь, вскоре после того юбилейного пленума, журнал сказал доброе слово о книге (октябрь 1974). И автором того доброго и архищедрого слова был тогдашний и нынешний заведующий военной редакцией газеты «Известия» Валентин Петрович Гольцев.

А московскому прозаику-фронтовику Олегу Смирнову довелось еще раз «удивить» меня. Со страниц «ЛГ» вот-вот прозвучало предельно теплое слово о книге «Портреты и силуэты». И как раз в день получения ею высокой премии имени певца «єдиної родини».

Не помню — ведь прошло с тех пор не год, не два, а полстолетия — был ли дан обед или ужин для делегатов I съезда. Зато на всю жизнь запомнился прием в Кремле для участников пленума 1974. Воистину то был ультрагастрономический симпозиум от благородной души и от щедрой длани.

Там, кого сроду не видел, предстал перед моими глазами, кого знал лишь по книгам, славили друг друга от души с полным бокалом в руках. Люди, о которых ведать не ведал и о чьих книгах я ничего не знал, вдруг объявились моими лучшими друзьями.

Так было, когда наш Александр Левада подвел ко мне большую группу писателей солнечной Армении. Уже изрядно повеселевших, с заздравными посудинами в руках. Они уже знали, что один знаменитый их земляк, начдив Гай, был моим ратных дел учителем (1919), другой — маршал авиации, ныне народный герой Армении Сергей Худяков, рожденный Арменаком Ханферяном, приступил к своей командирской службе под моим началом в 9-м полку червонных казаков (1923 год).

Не мешает вспомнить — это начдив Гай в 1918 году с Волги в Кремль сообщил об освобождении его полками родного Ленину города Симбирска, чем и облегчил физические и душевные страдания раненного незадолго до этого эсеровской террористкой вождя Революции.

Чрезвычайно оживленные и не менее радушные, те товарищи усиленно и весьма искренне звали меня в Ереван.

Там же, на том славном и памятном приеме, встретились еще с одним моим однополчанином. В 1924 году свою солдатскую службу начал Константин Грушевой в городе Проскурове, в 1-м полку червонных казаков.

Этого генерал-полковника, в начале войны первого секретаря Днепропетровского обкома партии, на протяжении всей войны члена Военного Совета ряда армейских соединений, хорошо знали писатели Украины. Вмиг образовалась вокруг именитого генерала, тогда члена Военного совета столичного

Военного округа, изрядная группа товарищей. Делились впечатлениями о пленуме, вспоминали дела минувших дней, фронтовые анекдоты. Ведь собрались не только труженики пера, а убеленные сединами ветераны войны.

И вдруг Константин Степанович раскрывает свой ультрагабаритный портфель, извлекает из него пачку газет, протягивает мне:

— Примите подарок от воинов МВО — свежий номер газеты «Красный воин» с добрым солдатским словом о вашем «Солдатском хлебе».

И еще долго-долго на том приеме товарищи из Москвы — Брагин, Крючкин, Сурин, товарищи из Киева — Иван Ле, Анатолий Хорунжий, Савва Голованивский не выпускали из своего плотного «окружения» моего славного однополчанина, очень внимательного к людям, какого бы ни были они ранга, архидушевного, увы, которого уже ныне нет с нами, Костю Грушевого.

2. Героев праведная кровь...

> И вам не смыть всей вашей черной кровью
> поэта праведную кровь.
>
> *М. Ю. Лермонтов*

Делегатов I съезда от Украины возглавлял тогда поэт Иван Кулик. Делегатов юбилейного пленума 1974 года возглавлял автор знаменитых «Прапороносцев» Олесь Гончар.

Нет уже рядом с ними ряда славных товарищей, которых десять лет назад вез в Москву Гончар. Но куда значительнее убыль среди тех, кого полста лет назад вез на I съезд писателей Иван Юлианович Кулик. Время временем, а еще больше «постаралась» чудовищно лютая война с озверелым фа-

шизмом. «Ведь прошли через эпоху, полную величайшего трагизма» (Горький на I съезде). Что такое война, знаю по сабельным схваткам под Перекопом, по неоднократным штурмам его железобетонных равелинов, по захвату вражеских бронепоездов в конном строю...

Поэтому, посещая дома литераторов в Киеве и в Москве, свои первые шаги направляю к их более чем красноречивым «стелам плача».

Сколько начертанных золотом на мраморных стелах воистину славных имен, а в искусстве красного слова — воистину золотых рук! Свой священный долг перед Родиной, перед своим народом они выполнили безупречно. Выполнили ценой своей крови, ценой своей жизни. Памятуя пример старшего поколения и ни на шаг не отступая от него, в одной шеренге шли у них и боевое перо, и острый красноармейский штык.

Не поэтому ли так плотно заполнены славными именами те мраморные плиты в домах литераторов Москвы и Киева? Не сомневаюсь — и Минска, и Кишинева, и Ташкента, и Тбилиси, и Душанбе, и Еревана, и Фрунзе, и Баку!

Многие и многие товарищи, реализуя на деле то, чему они давали клятву верности еще в мирные дни, когда припирало, тыкали в планшеты перо и хватались за автомат. Мало того, брали на себя нелегкие функции выбывших из строя командиров.

Вспомнилась задушевная беседа в кабинете «Правды» с ее штатным сотрудником Сергеем Борзенко. Ведь сказанное мною в полной мере относится к этому славному солдату пера. Недаром ведь сверкала на его широкой груди звездочка Героя.

Запомнилась его волнующая реплика:

—Мы, молодые работники пера Харькова, с завистью смотрели на ваш орден Красного Знамени.

Но какая то была зависть? Очень и очень доброкачественная, как принято говорить в медицине. И чем больше мы завидовали, тем больше старались следовать во всем-всем вашему поколению. Ну, а что чуть-чуть выскочили вперед,— с каким-то добрым лукавством добавил писатель,— не судите строго...

Но ведь тем-то и хорош пример, если его копия подается еще с хорошим довеском...

Крепко пожимая одну мою руку, в другую штатный сотрудник газеты «Правда» сунул свою книжечку (соавтор Денисов) «Броневая волна на Днепре» с памятным автографом: «Дорогому И. В., которого уважаю и люблю его книги. 8. 4. 1968».

В начале 30-х годов мудрые и дальновидные товарищи, возглавлявшие ГлавПУР (сначала Антонов-Овсеенко, затем Гамарник), стремясь более эффективно использовать силу красного слова во всестороннем воспитании бойца-гражданина, 23. 8. 1930 приняли решение о создании литературной организации ЛОКАФ — Литературное объединение Красной Армии и Флота.

ЛОКАФ (на Украине ЛОЧАФ) объединил в своих рядах уже дававшие себя знать в ряде гарнизонов творческие силы и маститых беллетристов, охотно возложивших на свои плечи роль наставников творческой молодежи и решивших посвятить свой талант книгам о легендарных ратных подвигах советского народа. Одни ПЕРЕКОП, КАХОВКА и ВОЛОЧАЕВКА чего стоили!

Писать, создавать, творить, разумеется, лучше всего наедине, а вот продвигать созданное к читателю... Тут уж нужны добрые умы и руки коллектива. Таким коллективом был для начинающих (для початківців) ЛОКАФ. Об этом предельно по-оте-

чески позаботилось высшее партийное руководство. Не только в центре. На Украине, кроме периодических литературных сборников, выходил журнал «На чатах». Выходил ежемесячно, а еженедельно — издание потоньше: «Червоний боєць».

В мемуарной статье «Червоний парнас» (Вітчизна, 1974, № 2) о той далекой и славной поре писатель Василь Минко сообщает много интересного.

Дело в том, что на общем собрании армейской творческой молодежи столичного гарнизона и маститых беллетристов столицы нам с Василием Петровичем было оказано огромное доверие. Его выбрали оргсекретарем столичной филии ЛОЧАФа, меня — его головой.

И я, как и многие на том собрании, считал себя начинающим, но кое-что, созданное моим слабым пером, уж увидело свет: 1927 — дипломная работа в академии Фрунзе «Рейды конницы»; 1929 — «Контрудар», роман о разгроме Деникина; 1930 — первый в СССР репортаж о переустройстве сельской жизни «Перелом» в Харькове и Москве.

Харьковский журнал «Прапор» (май, 1966, Г. Лариков) напоминает своим читателям: «Своїм художнім словом письменники-лочафівці готували громадянство до майбутніх жорстоких випробувань у битвах з гітлерівською навалою...»

С большой охотой сотрудничали с нами известные уже в ту пору прозаики и поэты — Петр Панч, Юрий Яновский, Александр Копыленко, Мирослав Ирчан, Сергей Пилипенко, Владимир Сосюра, Павло Усенко, совсем еще юные в ту пору Дмитро Косарик, Микола Шеремет, Иван Гончаренко. Все они выступали на собраниях, консультировали армейскую творческую молодежь, подолгу жили в летних лагерях, вплотную знакомясь с трудовой жизнью частей Красной Армии и проникаясь ее

боевым духом. Часто печатались в лочафовских изданиях — «На чатах», в сборниках, в журнале «Червоний боєць».

Надо прямо сказать: это под постоянным нажимом автора нашумевшей в свое время боевой пьесы «Плацдарм», после выхода в свет моего романа о разгроме Деникина, приступил я к нелегкой работе, к созданию труда о борьбе Красной Армии за освобождение Западной Украины от ига польской шляхты.

«Повік буду Вам вдячний... Єй-бо, мої земляки з берегів Золотої та Гнилої Липи варті того, щоб і про них пролунало добре слово...» — не раз говорил мне, не без волнения, активный лочафовец Мирослав Ирчан.

Как мне помнится, первые главы романа «Золотая Липа» были им опубликованы в журнале «Західна Україна», который он в ту пору редактировал.

Хоть и прошло более полустолетия с тех пор, как активист ЛОЧАФа настойчиво требовал от меня создать «Золотую Липу», а вот свежий и предельно душевный салют из Львова так и перекликается с давними чаяниями славного сына Прикарпатья.

«Вам, славному ветерану Червоного козацтва, який своїм ратним трудом прокладав шляхи визволення моєї землі, бажаю козацького здоров'я, нових творчих успіхів.

Прийміть моє щире поздоровлення з присудженням премії ім. Павла Тичини.

Ростислав Братунь. Львів, 27.1.1984».

«Завербованный» как-то редактором журнала «Всесвіт» Алексеем Полторацким, я регулярно выступал на страницах того издания с рядом популярных опусов на военную тему. И уже трижды увидела свет популярная история Червонного казачества (1932, 1933, 1934, соавтор военком корпуса Микола

Савко) в Харькове, один раз в Москве — Воениздат.

А повседневная работа по основной специальности? В роли ответственного секретаря Комиссии обороны ЦК КП(б)У и СНК УССР (1931—1935) я обязан был непрестанно следить за своевременной и доскональной реализацией ее ежедекадных решений. Шла речь о заказанных планами штаба УВО запасах шинельного сукна и драпа, снарядов, авиамоторов, бронелистов, пороха, быстроходных танков БТ.

КО решала и вопросы сооружения асфальтмагистралей от Днепра к Горыни и к Збручу, а также ряда мощных укрепрайонов в важных узлах дорог вдоль границы, и дальше — к западу от Киева, на Ирпене.

Очень много для подготовки республики к обороне сделал тогда ответработник Госплана УССР, мой однокашник по академии Фрунзе, в гражданскую войну боевой командир полка в знаменитой Таврической дивизии товарища Ивана Федько, мой добрый друг Павло Неунывако.

Вспоминаю их часто...

Сохранившиеся с далекого 1933 года золотые часы от командования УВО — это свидетель того, что оборонная работа была у нас в большом почете.

О многом может поведать одно лишь перечисление имен, составлявших редколлегию нового журнала «На чатах». Это — Галушко Денис (инструктор ЦК КП(б)У, Мирослав Ирчан, Петро Панч, Сергей Пилипенко (глава литобъединения «Плуг»), Илья Дубинский, Анатолий Патяк (редактор журнала «Червоний боєць»).

Частым гостем в Харькове был член центрального ЛОКАФа Мате Залка. Он был не только мудрым инспектором, но и весьма добрым советчиком. Запомнилась его шутка тех давних времен: «Не да-

вайте ходу сектантам. Тем самым, которые так и стараются отсечь от ЛОКАФа хороших ребят...»

Когда в 1955 году после долгой разлуки мы встретились в «Радуге» (тогда «Советская Украина») с известным писателем-баталистом, он первым долгом вспомнил, как в те далекие годы я, голова столичного ЛОЧАФа, принял активное участие в его проводах на военную службу. Да, помимо нагрузок творческих, наш ЛОКАФ занимался и этим. Ныне бывший юный локафовец, автор прекрасной книги «Курская дуга» Виктор Кондратенко, будучи главой военной комиссии СПУ, сам выполняет те же функции.

После Постановления ЦК КПСС о переустройстве писательских организаций, накануне I съезда был ликвидирован ЛОКАФ. Его функции переняли на себя военные комиссии СП.

Вспомнился афоризм одного нашего товарища, с которым он обращался к уходящему в армию: «Солдатом ты обязан быть, но солдафоном не дай боже!»

...Да, кровь витязей пера и штыка лилась недаром. Гитлеру не удалось взять верх. Сгинул он, и сгинуло его дело.

Вскоре после войны в Москве были повешены Краснов, Семенов, Власов. Генерал Краснов осенью 1917 года вел на революционный Питер свои казачьи полки. Разбитый красной гвардией пленный казачий атаман был отпущен на все четыре стороны под честное слово не поднимать оружие против своего народа. Данное им слово казачий атаман не сдержал. Разбитый вторично на Дону, он сбежал под крыло английского короля. Там сменил клинок на перо. Потрафляя дурным вкусам поверженных в прах революцией царских фрейлин, состряпал нашумевший в то время роман «От двуглавого орла

к красному знамени». И еще ряд опусов. В дни Великой Отечественной, когда многие столпы белогвардейщины объявили себя противниками гитлеровского блицкрига, бывший атаман пошел против них. Его именем на Дону из всяких недобитков формировались казачьи эскадроны и полки в помощь гитлеровским захватчикам.

Как и Краснов, дальневосточный атаман Семенов по всей справедливости закончил свою черную жизнь с петлей на шее. А о подлом предателе Власове говорить нечего. О том самом, который изменил Родине и со своими архисволочными дружинами из РОА (Российская освободительная армия) пошел в холуи к Гитлеру.

Стоя у тех скорбных «стел плача» и с благоговением думая о подвигах наших товарищей, так и не попавших в делегацию, которую на симпозиуме писателей 1974-го возглавил Олесь Гончар, сказал себе, чуть переиначив бессмертное слово поэта: «И вам, гадам, не смыть всей вашей черной кровью героев праведную кровь!!!»

Да, немало во имя победы над озверелым фашизмом пролилось праведной крови и работников пера. В основном писателей того поколения, которое пришло на смену участникам I съезда творцов художественного слова, но творило оно по канонам, выработанным их славными предшественниками, и дало народу бессмертные произведения — «Живые и мертвые», «Знаменосцы», «Василий Теркин», «Кровь людская — не водица», «Брестская крепость», «Дикий мед» и среди них еще много-много других.

Правда, все эти уникальные произведения о прошлом, и это как раз и есть то оптимально ценное прошлое, которое и предназначено хорошо служить нашему светлому будущему.

3. Волшебная соль

Соли нету, так и беседы нету..
Народная пословица

О всем, что говорилось на I съезде писателей, без особых трудностей можно узнать из сохранившихся стенографических отчетов. Кое-что, нет сомнения, добавят участники того знаменательного форума. Будет ли это слово соответствовать фактуре, можно думать по-разному. Ведь это происходило не год-два назад, отделяет нас от того события в жизни творческого братства беллетристов не одна пятилетка.

Да, пусть свои добавки сделают иные авторы этого ценного юбилейного издания. Я же поделюсь теми надеждами, которые взыграли в моем существе, существе делегата первых съездов писателей Украины и СССР. Вот они — те надежды и те запомнившиеся по сию пору мысли.

Все, созданное поныне,— новые города, новые магистрали, новые домны, новые школы и новые театры, новые рейсовые и новые штурмовые самолеты — это дело неутомимых человеческих рук, дело трудового народа.

Роботу много не требуется. Были бы полупроводники и запрограммированная лента. А вот рабочему... Для нормальной деятельности такового, помимо всякого прочего, хлебороб обеспечивает его горбушкой, текстильщик—одеянием, строитель — кровом. Но этого мало. Пропагандист вооружает его коммунистическим сознанием, а работник литературы и искусства одухотворяет высокой мечтой.

Если тот боец на фронте культуры талант, он вызывает у человека сильные чувства, если так себе — то лишь сильные ощущения. И это находит

своего потребителя и свой спрос... Без них, без этих одержимых, без творцов боевых книг и спектаклей, без волшебников из студии Грекова и многих иных художественных мастерских наши свершения на трудовом фронте не были бы столь разительными. Шутка ли — высокая мечта?

Думы о непростом, порой титаническом труде витязей и рядовых тружеников пера вызывают в памяти волнующие картины седой старины. Вот среди вольной необозримой степи, по ее не очень-то битым и чаще всего пустынным шляхам, день за днем, неделя за неделей плетутся со всех уголков Украины к знойным точкам Таврии длинные обозы кряжистых чумаков. Бесстрашные трудяги, скорее подвижники, покидая на длинные месяцы родной очаг, близких, непрестанно подвергаясь риску любителей наживы, совершали свой высокий подвиг служения народу. Опасный и сложный путь, выволочка ценного продукта из коварных глубин жаркого и мстительного Сиваша, многодневная сушка и погрузка ценной добычи на крепкие чумацкие возы требовали не только крепких рук, но и крепкой, незыблемой верности нелегкому делу. Зато чумак знал: этой поклажи, этого бесценного его груза, которому за морем цена полушка, а доставка влетает во весь рупь, ждут не дождутся в родных Прилуках, в родной Золотоноше, в родном Хмельнике.

Большим праздником было возвращение чумацкого обоза. Ибо тощий ломоть самого тощего бедняка, круто присыпанный золотистой чонгарской солью, казался ему вкуснее и во сто крат питательней. Во все времена, во все эпохи соль являлась важнейшим компонентом рациона и богатея, и маломощного.

Одним словом — соли нету, так и беседы нету...

Для советского человека *духовная соль* стала ценнейшим предметом первой необходимости. И тогда, покидая на много лет Колонный зал, я подумал о том «чумацком обозе», который в своих тяжело нагруженных здесь «возах» повезет во все концы необъятного Советского Союза так остро необходимую работникам пера поклажу, из которой и «вываривается» та волшебная соль, а именно — высокая мечта.

Пусть эту дорогостоящую поклажу повезут не круторогие волы, а обычные рейсовые экспрессы и воздушные лайнеры, пусть эта жизненно важная «приправа» не добыта из недр земли или же со дна соленых озер, но так же, как и знаменитая чумацкая соль, она далась нелегко. Сколько и до съезда, и на его трибуне, и долго после того знаменательного писательского веча было столкновений мнений. И чем острее те бескровные схватки, тем весомее истина!

Еще надо добавить — та соль, соль духовная, добывалась нашими архиславными чумаками пера на Сивашах нашей многообразной созидательной жизни, под обжигающим пламенем доменных печей, под рокот подземных буровых машин, под ласкающий перезвон золотой, летящей из ковша во вместительный бункер спелой пшеницы, на траулерах и на сейнерах широких морей и океанов, под биение благородных сердец вечно неспокойных наших физиков, под ободряющие реляции авторов баснословных авиаперелетов через моря, через океаны, через Северный полюс...

И та уникальная соль, которую с нетерпением ждет от тружеников пера трудовой народ — это скупые граммы добычи из многих и многих тонн дикой руды, это трудные дни и бессонные ночи, это угнетающая горечь частых разочарований и в то

же время ошеломляющая радость внезапных творческих находок.

Литература, настоящая литература — не плод сверхчеловеков, не дело рук каких-то воображаемых муз... Как и резец токаря, писательское перо не признает никаких фокусов и цирковых трюков. Лишь в умелых и предельно трудолюбивых руках оно дает необходимую «добычу». И каждый труженик пера, отображая и воссоздавая сообразно с той «искрой божьей», которая ему досталась, на страницах своих честных книг всю сложность нашей жизни в ее вертикальном и горизонтальном разрезах, и добывает ту духовную соль, которая так нужна народу и без которой и «беседы нету».

Да, тогда, покидая на сорок лет сияющий великолепными люстрами знаменитый Колонный зал, я подумал: пусть же произведения наших мастеров красного слова, заполненные заслуженной хвалой трудовым и ратным подвигам советских людей, а также крепкой хулой всему тому, что стоит на нашем нелегком историческом, завещанном великим Лениным пути, явится той воистину волшебной солью, которая предельно заполнит крепкие, пусть порой и предельно скрипучие, «чумацкие» возы наших литераторов — и прозаиков, и поэтов, и драматургов, и критиков. Той солью, которая еще больше укрепит единение, силу и мудрость советских людей.

Той волшебной солью, которая вовсе не нужна роботам, но без которой никак не обойтись человеку труда.

4. Он — не только вестник бурь...

...Между тучами и морем гордо реет Буревестник.

М. Горький

Да, Алексей Максимович Горький был не только предвестником потрясающих бурь. Но так же, как предсказанная им революционная буря закончилась победой народа, так и пророчески возвещенная с трибуны I съезда писателей, задолго до ее вспышки, неистовая буря кровавых схваток мира наживы и мира труда закончилась триумфальной победой мира правды и справедливости. Хотя она была и куплена неимоверной ценой жизни 20 миллионов и дьявольского ратного и трудового напряжения десятков миллионов советских людей.

Вот те максимально лапидарные и оптимально пророческие слова, которые нам, участникам того форума, довелось услышать из уст гения художественного слова Максима Горького: «Мы вступаем в эпоху, полную величайшего трагизма».

О предсъездовской обстановке у работников пера поведал я в очерке «Рыжий консул»:

«Союз писателей, возглавленный Иваном Куликом, Иваном Микитенко, Иваном Кириленко, только что вобрал в себя все лучшее, что годами росло и воспитывалось во множестве литературных организаций республики. Вместе с творческим методом данной группы литераторы принесли с собой и дух, навеянный теми классовыми прослойками, чьи идеалы воспевали в своих творениях члены ВУСПП, «Новой генерации», Ваплите, «Плуга», «Молодняка». Союз объединял всех однодумцев в их стремлении послужить верой и правдой трудовому народу.

Тонкий политик и дипломат Иван Кулик понимал: без конструктивной полемики не может быть пози-

тивного. Хотя в то время и разгорались горячие дебаты между мастерами полемики и мастерами запретов.

Тогда партия и призвала к консолидации творческих сил. Ведь беспринципные споры и вечные раздоры вызывали лишь ощутимую трату творческого потенциала. Но Кулик был против тех, кто понимал консолидацию как тишь, да гладь, да божью благодать. Тишь и гладь внизу, божья благодать — вверху.

Все дипломатические качества бывшего советского консула в США Кулика ощутимо давали о себе знать всякий раз, когда уже в едином коллективе работников пера, в нашем Союзе писателей начинали оживать веяния, привнесенные из прежних литературных групп. И не только оттуда... И не только через эфир...»

Одной из главных задач I съезда и было — выработка для всех тружеников пера единой и твердой линии, которая помогла бы вновь созданному Союзу писателей неколебимо следовать в фарватере конструктивной ленинской линии партии.

Надо прямо сказать — прямое и активное участие М. Горького в повседневной работе съезда и способствовало выработке такой конструктивной линии на долгие-долгие годы.

Разумеется, никого не слушали на I съезде так, как слушали проникновенное, мудрое слово основоположника воистину народной литературы. Появлялись на трибуне ведущие прозаики, популярные поэты, крупные партийные деятели. Их слово звучало в унисон боевым настроениям делегатов. Горячо все мы встретили и не менее горячо проводили оратора Леонида Соболева, автора мастерски написанной книги «Капитальный ремонт», активного деятеля уже преобразованного ЛОКАФа.

Но все это бледнело в сравнении с приемом, оказанным Максиму Горькому. То и дело его речь прерывалась аплодисментами. И особенно пылко реагировал зал на твердое слово главы СП СССР, главы новой писательской организации: «Измерять рост писателя — дело читателей».

Но... до читателя еще надо со своим произведением как-то добраться. Если воин рвется к своей цели сквозь сложную зону всяческих инженерных заграждений, то писатель зачастую продирается к своему читателю и сквозь зону естественных и противоестественных заграждений, а также сквозь зону заработанных и незаработанных огорчений...

Но при всем при этом, то слово Горького о преимущественном праве читателя измерять рост писателей окрылило и воодушевило многих и многих.

Никого во время перерывов, когда делегаты шумной массой заполняли просторные холлы Дома Союзов, не окружали таким плотным кольцом, как Алексея Максимовича.

Тогда и довелось увидеть этого уникального человека вплотную. Он мне представлялся абсолютно таким же, как нынче смотрит он на меня своим всепроникающим взглядом с бронзы памятной юбилейной медали, врученной участниками юбилейного пленума.

Смотрел я тогда на нашего кумира и вдохновителя и думал: да, он таков и есть, каким я рисовал себе после рассказов о нем историка, нынешнего академика И. Минца. Долгое время наш в гражданскую войну военком корпуса червонных казаков работал под рукой Горького в редакции боевого издания «История гражданской войны».

И тогда, когда полагал себя самым счастливым человеком на свете — ведь где и когда смогла бы судьба свести так близко меня, рядового солдата

пера, с мировым гигантом красного слова Горьким, — мне, разумеется, и в голову не могло прийти, что в скором времени доведется с большой трибуны посвятить ему от имени огромного боевого коллектива шедшее из глубины души прощальное слово.

Летом 1936 года в танковом лагере под Вышгородом, вблизи Киева, мне — командиру и военкому вновь созданной тяжелой танковой бригады из группы танков прорыва Резерва Главного Командования — перед срочно собранными воинами двух танковых бригад довелось с той трибуны рассказать о моей первой и последней встрече с горячо почитаемым нашими воинами Максимом Горьким.

Помнится — не один молодой боец подносил, не стесняясь, носовичок к мокрым глазам. На что боевик из боевиков, дважды краснознаменец, тот самый, кто в царских окопах за баснословную отвагу был из унтеров срочно возведен в чин прапорщика, а в жарком 1918 году со своими партизанами нещадно гнал немецких оккупантов из лесов Полтавщины таким же образом, как бывший царский подполковник Микола Крапивянский делал это самоотверженно на Черниговщине, в 1936 году командир и военком соседней 8-й танковой бригады Дмитрий Шмидт — и тот потянулся в брючный карман за платочком...

В скобках следует добавить: витязям гражданской войны, этим выдающимся воеводам ленинской школы, на их родине воздано должное. Крапивянскому в Нежине, Шмидту в Прилуках возведены достойные памятники.

Из тех, кто в те далекие и незабываемые дни под Вышгородом слушал мое слово, в поле зрения вижу бывшего нашего подрывника Ивана Голубовского, ныне музыкального редактора в Ленинграде,

бывшего политрука танковой роты Алексея Козинского, ныне отставного полковника в Москве. И в нашем родном Киев-граде — бывшего взводного командира, а ныне генерал-лейтенанта, дважды Героя Советского Союза Захара Слюсаренко и нашего бывшего башенного стрелка в тяжелом танке, боевого ветерана войны, ныне члена Союза писателей Миколу Дятленко.

Был еще один дважды Герой, бывший командир танковой роты, виртуоз водить тяжелую машину по надолбам. Тот самый, который во главе своей танковой бригады одним из первых по головам фашистов ворвался в избавлявшийся от оккупантов Киев. Но он, герой из героев, славный питомец нашей Киевской тяжелой танковой бригады, прожил в одном из новых домов Крещатика недолго. Осталась после него очень ценная мемуарная книга «Красные стрелы» да бегает нынче по светлым водам Славутича шустрый катер с его именем — «Степан Шутов».

5. И читатель — это звучит гордо...

Человек — это звучит гордо!
М. Горький

Автор дает книге одну жизнь. А еще одну добавляет ей чуткая, бескомпромиссная пресса. Вот как эта сверхчуткая реплика из развернутой рецензии (Правда, 26. XII 1968) на книгу «Примаков» из серии ЖЗЛ: «Книга... учит молодое поколение мужеству и стойкости, воодушевляет юношей и девушек на великие подвиги во имя коммунизма».

Но все двадцать две жизни дает хорошей книге весьма и весьма отзывчивый читатель, тот самый, который, по мнению Горького, наделен правом измерять рост писателя.

Вот строки письма, присланного из Вильнюса заслуженным деятелем искусств Литовской ССР Витаутасом Печурой, собственноручный этюд которого, писанный акварелью, висит в моем кабинете:

«В 1935 году мне, лейтенанту армии буржуазной тогда Литвы, выпало счастье пройти стажировку в 4-м танковом полку, которым командовал автор. То была моя большая школа, которая повернула мою жизнь на правильный путь, путь служения народу.

Увлекательно, с глубоким знанием и четкими характеристиками описываются персонажи книг «Портреты и силуэты», «Всерьез и надолго», зачисленные в золотой фонд военной литературы, к тому же автора — участника описываемых событий, они вполне заслуживают премии им. Павла Тычины».

А читатели Ленинграда! Привожу салют от совета ветеранов Кировского завода: «Книги бывшего командира 9-го Краснопутиловского полка Червонного казачества в заводской библиотеке зачитаны до дыр. Март, 1968».

Да, измерять рост писателя,— утверждал с трибуны I съезда Горький,— это дело читателей.

Думается, и писатель вправе измерять рост читателей... Вот и собираюсь это проделать в отношении одного весьма и весьма колоритного любителя чтения.

Как-то в парке, что у Дома офицеров, вблизи памятника Ватутину, остановил меня с очень радушным лицом хорошо одетый, весьма респектабельный человек. Потрясая зажатым в руке толстым журналом, он поведал:

— Вот, в прошлогоднем «Новом мире» с интересом читаю вашу повесть. Скажу прямо, «В таежной деревне»— это ваша удача! Читаю — и перед глазами возникает иное. А именно — 1932 год.

Харьков. Госпром. Открывается дверь в приемную премьера Украины товарища Чубаря. Вы зовете меня. Когда я переступил порог, помню отлично, у меня задрожали коленки. Шутка ли — предстояло отчитываться, и перед кем? Зато оттуда вылетел я на крыльях. Да на каких! Там, в кабинете товарища Чубаря, и Косиор, и Якир, и Постышев, и Балицкий, и Юрко Коцюбинский хлопали меня по плечу со словами: «Подкинем тебе и лес, и щебенку, и асфальт, и цемент, но чтоб очень важный для нашей обороны маршрут к сроку был готов, товарищ Довгаль!» А кто я был в ту далекую пору — начальник строительства стратегического тракта Винница — Шепетовка.

Ныне я министр, министр автодорог Украины, а случается, скажу прямо, переступаю порог персон, и коленки дрожат, но на крыльях, увы, оттуда не вылетаю...

Произошла та встреча возле Ватутина в 1956 году. Не раз заглядывал после этого к нам на улицу Суворова Михаил Федорович Довгаль. И когда был еще министром, и после этого, уже как зав. кафедрой автодорожного института, что рядом с нашим домом. Ведь в войну полковник Довгаль под вражеским огнем многое разрушал и под вражеским огнем еще более возводил...

Узнав, что для Воениздата будет заново переписываться роман «Золотая Липа», своей властью Михаил Федорович в том же 1956 году дал указание Львову предоставить мне на неограниченное время легковую машину. Предстояло найти в архивах Тернополя, Львова, Стрыя, Болехова, Берегового и Черновиц то, что при работе над первыми тремя изданиями романа было для автора недоступно. Те земли находились тогда по ту сторону пограничного Збруча.

Так что читатель не только измеряет рост писателя...

Переписанный заново, роман появился на свет в Москве в 1958 году. С рядом многих интереснейших материалов, раздобытых по ту сторону Збруча благодаря содействию активного читателя Михаила Федоровича Довгаля. Увы, нынче уже нет с нами этого бесспорно настоящего человека...

В 1975 году «Золотую Липу» выпустило весьма престижное издательство. Ведь для любого автора — корифея и некорифея — появление его самого незначительного прозаического произведения из печатен «Художественной литературы»— это большая поэзия! Не так ли? То было уже восьмое издание. А в 1983-м «Золотая Липа» вновь, теперь уже 11-м выпуском, вышла в Москве в издательстве Министерства обороны СССР. Тиражом в 100 000. Добавлю — тираж выпуска 1975-го составил 150 000 при небывалом, как утверждали работники издательства, заказе в 700 тысяч. Сравнить с 5 000 первых выпусков...

А вот из самых дальних меридианов «ростомер» писателя. На таежных чистинах (очищенные от тайги поля) вместе со мной валил тучную сибирскую пшеницу «альбидум» совсем еще юный комбайнер. Пойдя в добрый рост, он достиг высокого звания директора крупного таежного совхоза. Нынче, коснувшись почти пенсионной межи, трудится в роли парторга того же хозяйства.

Занимательны строки из его письма, датированного 18 января сего года: «Думаю, следует Вам, дорогой И. В., приехать посмотреть на расцветшую Сибирь сегодня. Я бы Вас повозил по всему Канскому району. Заглянули бы в совхоз «Заветы Ильича»— нашу с Вами батьківщину. Там нынче берут по 26 ц-в с га! Мы с Вами тоже брали по 26, но,

помните, не пшеницы, как теперь, а ячменя. Ваш приезд был бы радостен и для наших друзей по работе в МТС. Сужу об этом по такому факту — подаренные Вами книги разошлись по людям с концами без возврата... Посему «Портреты и силуэты» берегу... Приезжайте! Ваш Иванишин Константин Андреевич».

Да, а «Шатровы» — книга о нашей с ними страде на таежных чистинах, которая у автора письма также «разошлась по людям без возврата», после «Нового мира» трижды увидела свет в Москве, раз в Красноярске, трижды в нашем славном городе на Днепре.

И очень хочется представить измерявшего рост автора «читателя» особого рода. Не без оснований думаю — недавнюю победу на «ринге», где, кроме моих, состязались произведения крупнейших мастеров красного слова, он своим «вердиктом» решил единоборство в мою пользу. Передо мною сборничек стихов «Срібні ночі» (Дніпро, 1961). С таким автографом: «Шановному і дорогому Іллі Володимировичу Дубинському з подякою за прекрасну, таку потрібну мені книгу «Сурмачі сурмлять тривогу». П. Т., 25.V 65».

Как-то Виктор Кондратенко, вернувшись из Москвы с совещания по военно-патриотической теме, сообщил: очень высоко оценена была с трибуны эта книга. Признали ее лучшим мемуаром года. После чего Воениздат тут же (1962 год) повторил выпуск «Трубачей», да еще бóльшим тиражом. Два года подряд Воениздат, помнится, выпускал лишь мемуары маршала Чуйкова, моего однокашника по академии Фрунзе (выпуск 1927 года).

Высоко оцененная читателями и прессой, а также одним из первых фундаторов украинской советской ультрабоевой поэзии Павлом Тычиной, кни-

га выходила несколько раз. Вошла она и в известные «Портреты и силуэты», удостоенное высокой премии имени Павла Тычины. А ведь было... Предложенная мною «Вітчизні» рукопись была там отвергнута. И тут же ее принял для опубликования московский журнал «Новый мир» (редактор Александр Твардовский).

А ведь в той повести шла речь о висевшей на волоске судьбе нашего города Киева. Осенью 1921 года, лелея мечту о реванше за провал кровавого похода 14 держав и понадеявшись на голод в Поволжье, на юге Украины, двинула Антанта на Советскую землю пять крупных диверсионных отрядов. Из них три на Украину. Из этих трех два прямо из панской Польши на Киев. Отряд головорезов атамана Тютюнника, который вез с собой и будущее правительство петлюровской Украины, был разгромлен Котовским на Волыни. 7-й полк червонных казаков (под моей командой) 2 ноября 1921 года в районе Бердичева разбил диверсионный отряд полковника Палия-Сидорянского. Участник той славной операции генерал-лейтенант Карпезо проживает ныне в Киеве. О тех днях память — часы от Примакова, вся в серебре шашка от бойцов 7-го полка, раздробленное двумя бандитскими разрывными пулями мое левое плечо...

Возводились зоны заграждения не только для «Трубачей». Увы! Не без скрипов двигалась к читателю и популярная история легендарного Червонного казачества (соавтор профессор Г. М. Шевчук). Были даже такие реплики от тех «заградителей»: «Так то ж было наполовину петлюровское войско!» Воистину недоумки! Да, в 12 конных и 2 артполках Конного войска Советской Украины было немало бывших петлюровских воинов. Но в этом и крылся не только ратный, но и политический смысл созда-

ния в противовес «вільному» Червонного казачества. По мысли выдающихся умов нашей партии конный корпус черниговца Примакова стал тяжким обухом для кулацких куреней Петлюры и неотразимым магнитом для обманутых им тружеников.

Пламенные наши политруки жгучим ленинским словом жгли сердца одураченных работяг, которые не колеблясь тут же поворачивали свои штыки на 180 градусов. И старались ратными подвигами оправдать свой переход из «вільних» в червонные казаки.

Недаром же исключительная отвага комполка Сергея Байло, перешедшего со всем своим полком в наш стан, была отмечена двумя орденами Красного Знамени, а его адъютанта, ставшего адъютантом нашего пятого полка, одним боевым. В Великую Отечественную Недоступ-Скадченко, племянник графа Кочубея, командовал кавалерийской дивизией.

Одно можно твердо сказать: боевая история легендарного Червонного казачества, о котором в тяжкие дни осенних боев 1919 года за Москву Серго Орджоникидзе слал реляции в Кремль: «Червонные казаки действуют выше всякой похвалы», не без помощи признательных читателей прорвалась на оперативный простор, вопреки пакостям отпрысков петлюровских атаманов и отростков местечковых ларечников.

До чего же отважны наши военные товарищи! Будучи дотошными читателями и высокоответственными менеджерами, сами принимают решения, не прикрываясь ничьей широкой спиной. Так поступил и товарищ Грушевой...

А два экземпляра повести о командарме Якире «Наперекор ветрам» в библиотеке подмосковного военного санатория «Архангельское» и оба с более

чем красноречивыми пометками доблестных советских воинов... Читатели! Именно те, о которых с трибуны I съезда писателей с подчеркнутым уважением говорил пламенный Буревестник.

...Не раз слышал от Павла Григорьевича: «Я ваш боржник». Откуда это? В 1934 году правительство УССР перебазировалось из Харькова в Киев. С делами Комиссии обороны шел я в кабинет премьера Любченко Панаса Петровича. Смотрю: в его приемной с архискучным лицом сидит Тычина. Подхожу, спрашиваю, в чем дело. Ответ: «Для потреб новоселів відбирають в мене половину хати. А де і як працювати? Може, Панас Петрович допоможе мені в цій вельми скрутній ситуації?»

Посоветовал я весьма взволнованному поэту не беспокоить премьера Украины. Тут же вызвал машину и двинул с Тычиной к зав. киевским коммунхозом, который отвечал за размещение переехавших из Харькова правительственных учреждений и их сотрудников.

Душевный человек, старый большевик Толкунов без особых проволочек тут же решил угнетавший Павла Григорьевича вопрос. Думается, ныне автор «Чуття єдиної родини» не сказал бы уже: «Я ваш боржник...» Квиты!

После опубликования «Таежной деревни», «Трубачей», «Колоколов громкого боя», «Славных имен» прошло немного времени. И вдруг взволновавший меня до крайности сюрприз. За подписями всего славного ареопага журнала «Новый мир» поступает такое приветствие:

«Поздравляем Вас, ветерана нашей Армии, героя Червонного казачества, с праздником пятидесятилетия Вооруженных Сил СССР. Мы не раз публиковали Ваши ценные работы. Надеемся, что давно установившиеся связи будут только крепнуть».

И первой на том необычном одухотворяющем документе стоит подпись создателя бессмертного «Теркина», подпись А. Твардовского.

Вот какие бывают в нашей жизни измеряющие рост писателя читатели. И мог бы я продолжить красноречивый перечень наших доброжелательных уникальных «ростомеров», но считаю: и названных достаточно.

И если существуют специальные газеты для писателей, то есть в обиходе такой печатный орган, и довольно популярный, как еженедельная газета «Друг читача». Она и служит интересам широкого круга читателей, интересам любителей книг.

Но это весьма нужное издание не соответствовало бы своему назначению, если бы во главе его не стоял товарищ — настоящий друг автора.

Не одних лишь делегатов, участников самого первого всесоюзного форума, а всех писателей учил великий Максим Горький творить и непрестанно видеть перед собой тех, для кого творишь. Непрестанный рост спроса на хорошую книгу отмечен лишь в нашей стране и в других странах социализма.

Не будь этого, не прочли бы мы из передовой «Правды» вот эти замечательно точные слова: «И каждый из советских людей — работает ли он на заводе или учит детей в школе, прокладывает космические трассы или выращивает хлеб, пишет книги или строит новые дома, своими руками и своей мыслью вносит вклад в дело, ради которого жил, боролся Ленин» (20. I 1984).

Услышанное тогда в Колонном зале, с его высокой трибуны, из мудрых уст нашего учителя и наставника Горького напрочно залегло в моей памяти. А особо его утверждение о преимущественном праве читателей измерять рост писателя. И услы-

шано это было нами, участниками I съезда писателей ни мало ни много, а полстолетия назад.

Как не закончить все вышесказанное словами: и читатель — это звучит гордо!

«ТЮЛЬПАН, ТЮЛЬПАН! Я — РОМАШКА!»

Новелла

> Нет ничего выше солдатского долга.
>
> *Маршал К. К. Рокоссовский*

Есть ультраснайперская строка поэта — «Глаголом жечь сердца людей». Наш же начподив в самый разгар лютых боев с белогвардейщиной требовал от нас, дивизионных пропагандистов и агитаторов, присягой жечь сердца воинов.

Начподивом 42-й Шахтерской дивизии в тот грозный год была славная Мария Данилевская. Закалку несгибаемого пролетарского борца-ленинца она прошла, трудясь в Николаеве, городе рыбаков и докеров.

В Шахтерскую дивизию Данилевская пришла летом 1919 года вместе с большой группой добровольцев-коммунистов Киева. Всем им нашлась работа — дивизия состояла, кроме артиллерии, из девяти стрелковых и двух кавалерийских полков, сверстанных в четыре бригады. Да в придачу к этой довольно внушительной силе нашему знаменитому начдиву товарищу Гаю подчинялся еще полк морской пехоты, укомплектованный уроженцами шахтерского края. В тяжких отступательных боях полки несли немалые потери. Освободившиеся места занимали добровольцы из Киева. Одно из них досталось Данилевской, имевшей уже солидный опыт

борьбы с контриками Поволжья. Нас, бывших студентов, зачислили в дивизионные агитаторы.

Как только та или иная часть отводилась на отдых или же доукомплектовку, мы отправлялись туда, чтобы с наспех воздвигнутой шаткой трибуны или же прямо с седла нести слово Ленина, слово партии в массы. И шло то пылкое слово не с бумажки, не с заранее подготовленной шпаргалки, а прямо из сердца, из растравленного ужасами белогвардейщины большевистского сознания.

Во всех тех более чем частых выступлениях «разъездные цицероны», как в шутку окрестил нас военкомдив из московских пролетариев Михаил Сасов, денно и нощно внушали людям, что вот-вот победят великие планы товарища Ленина — поменяемся мы ролями. Начнут драпать беляки, а мы мощной, неудержимой лавиной хлынем на юг. И шло это жаркое слово от сердца к сердцу, ибо, окрыленные высокой надеждой, шахтеры Донбасса и сталевары Криворожья подолгу не давали «разъездным цицеронам» сойти с трибуны...

Да, там мы жгли глаголом сердца людей, но вот однажды...

Однажды, это было в небольшом селении вблизи станции Касторная, по горло занятого начдива шумно атаковал, ловко вылетев из офицерского седла, командир нашей кавбригады Владимир Новотный. Он, бывший офицер австро-венгерской армии, как и многие его товарищи, добровольно вступил в Красную Армию прямо из лагерей для военнопленных.

С трудом подбирая и коверкая русские слова, комбриг просил экстренной помощи — первый полк бригады взбунтовался, решительно отказался занять отведенный для него участок обороны.

Тот самый Гай, который не так давно с Волги слал раненному вражеской пулей Ленину радост-

ную весть об освобождении родного вождю города Симбирска, как мог, успокоил взбудораженного конника. Не будь неотложных оперативных дел, он бы сам привел его солдат в чуство — ведь слыл Гай не только хорошим командиром, но и отличным оратором. Да, он отлучиться не сможет, вместе с начподивом Данилевской они отрядили для поездки с Новотным меня.

Дело шло к ночи, нередко в наши тылы просачивались лазутчики беляков. Решено было дать нам конвой. А в перегруженном срочными заданиями штабном эскадроне могли наскрести в нашу свиту лишь трех бойцов. Точнее — не трех, а всего лишь двух с половиной — третий был пацан лет пятнадцати из добровольцев Горловки, с ее оловянных копей.

По мере приближения к месту дислокации заартачившегося полка все явственней стали слышны далекие раскаты ожесточенного ночного боя. А без единой звездочки, абсолютно черное южное небо непрерывно освещалось яркими огненными вспышками — беляки неистово палили с бортов своего бронепоезда «Иван Калита». От него не отставали и наземные калибры, поставляемые Деникину щедрой рукой Антанты...

По команде Новотного на ночной улице селения построились «бунтари». С седла, назвавшись посланцем начдива, я попросил изложить причину недоразумения. Чтоб избежать излишних компликаций, я окрестил то возмутительное неповиновение обтекаемым словом...

Вот выступил вперед немолодой боец с левой рукой на перевязи. При всеобщей тишине он дрожащим от волнения голосом сообщил: нет, они вовсе не бунтари. Отлично полк воевал доныне и впредь еще покажет себя... Но вот притаившиеся

в штабах беляки из мобилизованного офицерья продают их на каждом шагу... Заводят целые полки в капкан, чтобы потом сдать их Деникину. И вот ныне... Слышите?

И впрямь, совсем близко, на участке обороны второго кавполка небо пылало от частых всполохов и доносилось жуткое «ура», которое тут же сливалось с бравурными руладами ненавистного всем нам гимна «Боже, царя храни!». Вместе с атакующими шеренгами офицерского Марковского полка шли и полковые музыканты.

— Выведите нас через железную дорогу и давайте нам любой приказ,— закончил свою речь конник.

Повелев «оратору» с перевязанной рукой вернуться в строй, именем командования я объявил, что нет нынче времени для пустой болтовни. Грозная ситуация требует не слов, а действий. Не может того быть, чтобы прославивший себя до того полк покрыл свое боевое знамя несмываемым позором. Кто по-прежнему верен своему святому воинскому долгу, три шага вперед!

И что же? После пробежавшего по строю ближайшего эскадрона шороха подразделение продвинулось вперед и сразу замерло. Но основная сила воинской части еще оставалась на месте. Вот тут-то и пришли на ум слова нашего мудрого начподива: «Присягой жгите сердца воинов!»

И напомнил я людям об их клятве на верность социалистической Родине. Ведь не кто-нибудь, а они клялись беспрекословно выполнять все воинские приказы командиров. Напомнил сбитым с толку их же слова: если они нарушат свою торжественную присягу, то пусть их настигнет суровая кара советского закона да всеобщее презрение трудящихся... И строго скомандовал:

— Кто предпочитает солдатскому долгу всеобщее презрение, остается на месте, кто верен воинскому долгу и не бросает боевых товарищей в беде, три шага вперед!

Напоминание воинам о торжественной присяге сделало свое. К первому эскадрону пристроились еще три — два сабельных и пулеметный. Сбитый с толку тяжелой фронтовой ситуацией да еще досужими кривотолками, один эскадрон не шелохнулся. Из его рядов, видать, для самоуспокоения, доносилось:

— Как выберемся из «мешка», вы еще про нас услышите!

Два слова о тех самых досужих кривотолках. Не так давно нас всех оглушила новость: ночью со своим ординарцем перебежал к белым командир конного полка соседней 3-й стрелковой дивизии Брусилов, сын знаменитого царского генерала Брусилова, уже давно предложившего свои услуги Реввоенсовету республики. Но вот наш тяжкий отход к Орлу и Туле сменился стремительным маршем на юг, к Черному морю. На одном из заброшенных хуторов конники 1-го кавполка Шахтерской дивизии захватили отчаянно бражничавших офицеров Марковского полка, вместе с бумаженцией «Списочный состав части». Командиром конного взвода числился у них офицер по фамилии Брусилов. Значит, лучше там командовать взводом, нежели у красных полком... И толковали наши воины-шахтеры: «Сколько волка ни корми...»

Да, заняв отведенный ему для обороны участок, первый полк из кавбригады Новотного, правда, пока без одного эскадрона, вскоре все же присоединившегося к полку, как и прежде, свято исполнял свой воинский долг. Вскоре по инициативе военкомдива Сасова меня послали туда военкомом.

С этим полком, который весной 1920 года пополнился 1-м Московским и кавполком из расформированной Эстонской дивизии, мы не раз шли на штурм Перекопа, совершили летом 1920 года знаменитые Проскуровский и Карпатский рейды. Волею начдива Виталия Примакова стал я командиром этого славного, вышедшего из недр шахтерской дивизии 6-го полка червонных казаков.

Но вот прошло сорок лет. Я нахожусь в писательском Доме творчества «Ирпень» под Киевом. Однажды во время моего «перекура» широко открылись ворота усадьбы — во двор вкатил огромный черный «кадиллак». Сначала из остановившейся машины появился знакомый мне товарищ Кириенко, ветеран Червонного казачества, лишь недавно ушедший с поста директора столичной хоровой капеллы «Думка». Затем из «кадиллака» вышел высокого роста, плечистый военный с погонами... маршала.

И спонтанно возникли в памяти позывные: «Тюльпан, Тюльпан! Я — Ромашка!» Шли полевые учения в 1929 году у Збруча, вблизи госграницы. Тщедушный голосок безответно звал товарища, сидевшего на другом конце провода. И вдруг нагрянувшее из ночной тьмы начальство из штабного эскадрона связи, завладев трубкой, воззвало предельно зычно: «Тюльпан! Туды-сюды... Я — Ромашка!» И дело враз пошло...

— Мы к вам в гости!— объявил мне с какой-то лукавинкой Кириенко.

Яснее ясного: не так уж часто появляются даже в этом престижном уголке маршалы... Засуетилась дирекция, и сразу же был накрыт стол. Появился из недр черного «кадиллака» объемистый портфель с шампанским. Разумеется, первое слово принадлежало высокому гостю, которого прибывший с ним

Кириенко представил весьма уважительно: «Маршал Пересыпкин!»

— Первый наш бокал,— сказал, обращаясь ко мне, высокий гость,— наполним в честь дорогой нам обоим сорок второй Шахтерской дивизии, которой вы посвятили свой боевой роман «Контрудар».

И, чтобы развеять обнаруженное им глубокое недоумение на моем лице, маршал, чуть улыбнувшись, продолжал:

— Давно еще порывался я напомнить об этом, но...

— Что же помешало?— спросил я.

— Отвечу. Тогда, в 1929 году, в Проскурове я, политрук штабной сотни (эскадрона) связи, был для вас вот,— и он показал свой мизинец,— а вы, тогда начальник штаба Запорожской дивизии Червонного казачества, вот,— маршал поднял высоко над головой свою правую руку...— Так что мы с вами дважды однополчане.

— Теперь же, когда я для вас это,— тут я протянул маршалу свой мизинец,— а вы для меня...

Мужественное лицо гостя заметно посуровело, и он, извинившись, перебил меня:

— Хоть я нынче для вас и маршал, но и вы, как говорили наши предки, хвала аллаху. Все мы, ветераны Шахтерской и Червонного казачества, признательны за ваш большой труд по увековечению их уникальной боевой славы.

— Политруком сотни связи, хоть и было это давно, я вас помню, а вот...— ответил я.

Маршал же вновь за свое:

— Ставлю один шанс против десяти — вы меня помните и по Шахтерской дивизии. Правда, примешались такие обстоятельства... порой забываешь, что было вчера, а тут, батенька мой, все сорок лет. Так вот,— обращаясь уже ко всему застолью с пол-

ным бокалом, продолжал Пересыпкин, — что-то заело в одном полку. Командование посылает этого товарища,— маршал бокалом указал на меня,— разобраться, что к чему. А в конвой наряжают трех бойцов — двух полноценных и в придачу пацанка. Этот пацанок из штабного эскадрона Шахтерской дивизии сидит нынче с вами за одним столом. Бывший пацан — это я!

Вся изложенная Иваном Терентьевичем жизненная история казалась мифом. Но как раз подобные мифы и подтверждают огромную силу нашего, советского строя.

А совершивший то чудесное превращение из рядового бойца в советские маршалы уже произносил новый тост:

— Дорогие мои друзья и товарищи, воздадим должное всем военкомам гражданской войны, всем этим славным уполномоченным нашей ленинской партии в Красной Армии. Краткой была тогда, в девятнадцатом году, речь посланца начдива Гая, но враз образумила закусивших удила бойцов.

После краткой паузы оратор продолжал:

— Не раз на моем длинном, как вы сами понимаете, пути входил я в штопор. Казалось — пришло время поднять вверх обе руки. А совесть наждачит и наждачит: «Не сдавайся, Иван! А где твоя клятва о верности солдатскому долгу?» Чеканю и чеканю в уме: «Тюльпан, Тюльпан! Я — Ромашка!» И это помогало успешно выходить из угрожавшего мне штопора... Нынче я мечтаю, мечтаю в своем служебном кабинете министра связи на набережной Фрунзе, мечтаю и дома в Хлебном переулке, 26, мечтаю и днем и ночью, чтобы вклад моего поколения в общее дело послужил добрым примером нашим преемникам, как свершения борцов эпохи Ленина служили добрым примером нам!

Спустя пятилетие после встречи в Ирпене мы с моим дважды однополчанином, славным сыном шахтерского края, потомственным рудокопом с оловянных копей Горловки, маршалом Пересыпкиным ездили в Хмельницкий (бывший Проскуров). Открывали мемориальную доску на доме, где помещался штаб червонных казаков в июле 1920 года. И не раз со славным маршалом там вспоминали позывные: «Тюльпан, Тюльпан! Я — Ромашка!» Спасибо журналистам — есть фотоснимки тех времен.

Ныне, увы, нет уже с нами мужественного воина самого высокого ранга маршала Ивана Пересыпкина. Время... Из тех славных бойцов, которые, свято блюдя воинскую присягу, достигли заметных вершин, из своих однополчан помню маршала Советского Союза Петра Кошевого. Начал он в Червонном казачестве со старшины сотни 2-го полка. Будущий маршал Рыбалко, спустя четырнадцать лет после меня, в 1935 году, командовал 7-м полком червонных казаков. Маршал авиации Сергей Худяков (Арменак Ханферян) в 1923 году начал с комвзвода в нашем полку. Генерал армии Михаил Казаков в 1924 году в кавбригаде, которой я тогда командовал, был военкомом 8-го полка (1920). Генерал-полковник Филипп Жмаченко, чья армия освобождала Киев в 1943-м, был в 1924-м военкомом 4-го полка. Три генерал полковника, трое Владимиров, после военного училища начали с командира взвода в Червонном казачестве. Владимир Крамар, уйдя в отставку с поста начальника штаба КВО, ныне возглавляет гарнизонное ВНО. Владимир Чиж до отставки занимал высокий пост замкомвойсками округа... Владимир Дутов и поныне в рядах Советской Армии. Не стареет бессменный ветеран...

Из всего 6-го полка червонных казаков, неудержимо летевших в дерзкие атаки на твердыни Перекопа и ныне, спустя шестьдесят пять лет, продолжающих верную службу народу, в поле зрения вижу двух товарищей. «Столбового» пролетария Питера Георгия Сазыкина, бывшего секретаря эскадронной партячейки, ныне председателя совета старых большевиков Октябрьского района Ленинграда. А в далеком Таллине — доктора философских наук, славного сына эстонской земли Отто Штейна, бывшего секретаря нашего полкового партбюро.

1985

ПЕРВОМАЙ 1920-ГО

Новелла

Ежегодно благоухающей цветущей весной празднуем мы Первомай — великий день солидарности трудящихся всего мира. Более сорока лет голубеет над нами чистое, безоблачное небо, и мы стремимся, чтоб так было всегда, чтоб победили силы разума над всеми силами зла.

В эту грядущую победу, шагая в колоннах первомайских демонстрантов, верят миллионы и миллионы людей.

Вспомнился мне другой, порождавший в нас радужные надежды Первомай — третий после Великого Октября. Вовсю, обдуваемые соленым черноморских ветерком, благоухали в широкой таврической степи весенние травы — ковыль, пырей, перекати-поле. И от этого еще более властно одолевали нас надежды на скорую ликвидацию засевшей за Турецким валом Перекопа белогвардейщины Врангеля, на освобождение захваченного шляхет-

ско-петлюровской нечистью прекрасного Киева. На скорый, предсказанный Лениным мир.

Нелегки были повседневные поединки с бешеными всадниками генерала Уллагая. Немало посекли конной бригады 42-й Шахтерской стрелковой дивизии башибузуков, но и сами платили за это солидной ценой. После тех сабельных схваток и с учетом потерь во время отступления на север и стремительного натиска с полей Орловщины до берегов Черного моря значительно поредели наши боевые ряды. Мощный кулак превратился в горстку. И вдруг... мы снова внушительная сила.

Наша бригада, впитав в себя свежий Московский кавполк, стала полнокровным 6-м полком в славной дивизии Червонного казачества Примакова.

И в жестоких боях за Перекоп 14-го и 16 апреля 1920 года, когда под штыковыми ударами воинов Шахтерской и Латышской дивизий затрещали возведенные французскими саперами врангелевские капониры, конные полки Примакова, отражая жестокие удары белой конницы, надежно охраняли фланги и тылы атакующей пехоты. Правда, дальше Турецкого вала наши не продвинулись, но после, когда врагу удалось высадить в Хорлах мощный офицерский десант генерала Вилковского, глубже хутора Преображенка их не пустили. За это своей жизнью заплатил командир 4-го полка Илья Гончаренко. А подававший воинам пример мужества военкомбриг, с тех пор и до последних своих дней, носил под сердцем врангелевский «сувенир» — винтовочную пулю.

Любил этот земляк Примакова, участник трех революций, бывший царский узник, славный казачий военком Савва Иванина пофилософствовать: «Известно, пока ведущее колесо машины сделает один оборот, ведомое колесо обернется трижды.

Промчусь я в атаку всего один раз, а после энтого наши люди пять разов. Наше военкомское дело — та же техника...»

В чем главная, кроме ратной, заслуга червонных казаков? Они помогли трударям не пойти на зов вековечных своих недругов, кощунственно спекулировавших славным прошлым народа. Добились, чтобы многие трудари, даже охмуренные коварным «ходом коня» хитромудрых «добродиев», не очутились в петлюровском седле.

Вот слово пленного генерал-хорунжего: «Много они посекли нашего брата острыми шаблюками, а более всего своей лихой выдумкой — этим дьявольским Червонным казацтвом. Подсекло оно крылышки и мне, рабу божьему...»

Замечательно сказал наш ветеран-пушкарь Федор Недогон из Винницы: «Нет в нашей стране дорог, по которым не простучали бы копыта червонноказачьих коней. Нет поля, на котором не сложил бы головы червонный казак».

...Стали прибывать к Перекопу освободившиеся после разгрома Колчака сибирские дивизии — 51-я легендарного Блюхера, 30-я Ивана Грязнова. Как и 1-й Конной Буденного, нашей червоннoказачьей предписано было походным порядком следовать из-под Перекопа в пойму Буга против зарвавшихся легионов пана Пилсудского. Началась новая эпоха червоннoказачьей доблести, описанная мной в романе «Золотая Липа».

И снова мы платим за наши успехи... В первом же бою с наймитами Антанты на дальних подступах к Бугу снова 4-й полк теряет своего храбреца-командира Александра Новикова. Подо мной, военкомом, вскоре и командиром 6-го полка, легионерская пуля повалила коня Абрека, верно служившего мне еще под Перекопом.

Нынче одно время полузабытое Червонное казачество натиском его ветеранов и с эффективной помощью нашей партии вновь выведено на оперативный простор. Уже в десятках школ Украины есть музеи Червонного казачества, а среди школьников не затухает движение червонных казачат.

Можно смело сказать: что было не по зубам и пресловутому немецкому клину, того достиг и в гражданскую, и в Великую Отечественную мыслящий, инициативный советский солдат. Это заслуга ленинской философии, морали, этики. Заслуга скромного школьного учителя, комсомола, советской книги и советской газеты.

Да, война отвратительна, борьба прекрасна! Доминанта «Стратегии» Лидела Гарта — выигрывать войну не сражениями, а движением, маневром. Извечно архишустрые сыны Альбиона находили простаков, которые гребли для них каштаны из пылающих огнищ. А сущее учение о войне в четких строках Ленина: «Преступно поведение армии, которая не овладевает всеми приемами борьбы своего противника».

На картах сходится стрела со стрелой, на поле боя — грудь с грудью. Треск, гул, грохот сражения, в который с каждым мгновением вторгаются все новые и новые ошеломляющие звуки, повергая в смятение малодушного, сливаются в сплошной гимн торжества для того, кто верит в правоту ленинского дела и в безотказность своего меча.

Раньше солдат знал врага Отечества, в гражданскую — и своего личного врага. Это вызывало у него удвоенную ярость.

Боевой дух воевод-санкюлотов воодушевлял и ленинских воевод. Они хорошо знали: бывшие капралы отлично колотили генералов-роялистов, отупленных насквозь прогнившими военными заповедями

королевских уставов. Комбинаторов презирают, мастерами комбинаций восхищаются — у шахматной доски, на селекционных нивах, за столом переговоров, на полях Бородино и Ватерлоо, у стен Перекопа и на подступах к рейхстагу.

Вот реплика пленного врангелевца: «Во Франции каждый департамент имел своего Сен-Жюста. Нынче не то что каждая губерния, каждая волость и даже каждый богоспасаемый Миргород имеет своего Ленина. В этом ваша сила, и нам вас не одолеть».

С тем памятным третьим Первомаем совпало еще одно событие, поднявшее боевой дух воинов. Прибыло долгожданное пополнение — выпускники школ краскомов. Если матушка-пехота держалась на прапорщиках и поручиках царской армии из числа разночинцев, то «голубая кровь» царской конницы хлынула в конные корпусы Шкуро, Мамонтова, Уллагая.

С молодыми краскомами явился и общий любимец Николай Федоров. Как в пехоте сапожника, так в коннице высоко ценили кузнеца. К холодам он «переобувал» лошадей — шли в ход подковы с шипами, к лету — гладкие. С этой работой бывший токарь Путиловского завода Федоров справлялся отлично.

Поэтому лишь скрепя сердце мы отпустили его учиться на краскома. Слово Николай сдержал — вернулся в свой полк. А здесь он с тем же рвением уже командовал взводом, эскадроном, а затем и полком. В ту пору у комполка Федорова, у бывшего кузнеца-ювелира, родился сын Святослав, которому предстояло также стать ювелиром, но в иной сфере. Бывший же эскадронный кузнец, закончив успешно академию Фрунзе, стал командовать кавалерийской дивизией — 28-й в Каменец-Подольске, на самой тогдашней границе.

Шли годы. Нынче в Москве, на Бескудниковском бульваре, № 59, воздвигнут многоэтажный дворец Института микрохирургии глаза, где в роли его директора трудится Федоров, хирург с мировым именем, ювелир-окулист.

Вот строки из его письма: «Не звенят нынче острые казачьи шашки, но бои идут кругом. Идут они и у нас, у врачей. Новое лишь с тяжкими боями выпирает отжившее старое. В кусты не прячусь, стараюсь следовать нелегкой, но славной дорогой наших отцов.

Горжусь своим отцом — червонным казаком. Он был и есть для меня примером».

Но, как показала жизнь, как показала блестящая Победа Страны Советов в Великой Отечественной, ратная жизнь «столбового» пролетария Федорова-отца служила добрым примером не одному окулисту-волшебнику Федорову-сыну.

Да, стерлись в памяти народной имена многих отважнейших начдивов, командармов и даже комфронтов. Но все их безымянные деяния уже вошли в историю как именной подвиг народа, как сказочная доблесть партии большевиков.

1985

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО

(ИГНАТИЙ ИВАНОВИЧ КАРПЕЗО)

Новелла

1. «Блицкриг — дудки!»

О том, что это и впрямь было серьезно, свидетельствует авторитетное слово самого прославленного и мудрого Маршала Советского Союза Г. К. Жукова:

«Особенно решительными были действия механизированных корпусов генералов К. К. Рокоссовского, И. И. Карпезо, Г. В. Фекленко... Мы выиграли самое драгоценное в те критические дни — время. И первоначальный план гитлеровского командования — молниеносной операцией овладеть Киевом — потерпел провал...» («Первые шаги к победе», журнал «Огонек», № 25, 1977).

О том же, что это было надолго, подтверждается строкой в газете «Радянська Україна»: «Он и сегодня в строю. Не мыслит покоя и безразличия наш боевой генерал Карпезо...» (25. XI. 1978).

В 1924 году нам, молодым слушателям Военной академии, выдали кипу учебных пособий. Грызите, молодежь, науку. И не какую-нибудь, а ту самую, которая вам позарез и нужна... Получили мы нашумевший труд М. В. Фрунзе «Советская военная доктрина». Боевое слово о передовом оперативном искусстве — решающем факторе побед молодой Красной Армии.

Выдали новичкам и увесистый фолиант фон Шлиффена «Канны». И просили не обойти должным вниманием произведение немецкого знатока военного дела. Ведь в 216 году до н. э. у селения Канны недалеко от Рима тридцатитрехлетний карфагенский полководец Ганнибал, искусно применив двойной охват, блестяще разгромил превосходящие силы «непобедимых» до того римлян. Фон Шлиффен, начальник германского генштаба, исследовав все значительные сражения от Ганнибала до Суворова и Наполеона, создал теорию молниеносной войны. Маршал Баграмян в своих мемуарах сообщает: в 1930 году президент Германии фельдмаршал Гинденбург подарил «Канны» командарму Якиру, прослушав в Берлине его лекцию о советском военном искусстве.

Теорию фон Шлиффена фашисты окрестили устрашающим словом «блицкриг». Я не теоретик, а считаю: блицкриг — это такое сокрушение одной дивизии, от которого десять нетронутых еще дивизий чувствуют себя уничтоженными задолго до вступления в бой или же сражения. Так оно и было до разбойного нападения вермахта на СССР, когда Гитлер в считанные недели покорил всю Западную Европу. А покорил он ее еще и потому, что во французском парламенте наряду с голосами патриотов, требовавших не расторгать договора о сотрудничестве с Советским Союзом, оглушали депутатов и истерические вопли: «Лучше всю жизнь с Гитлером, нежели один день с Советами!»

Рассчитывали разбойники с берегов Рейна и Шпрее на тот «чудодейственный» блицкриг, двинув свои войска и на восток. Но, невзирая на ряд крупных неудач, советские генералы с первых же дней страшной инвазии показали врагу, что на сей раз скоротечной войны — блицкрига — не будет. И чего по своей звериной сути не мог учесть враг, то это волшебной изюминки нашего строя. А именно — если одна дивизия и была разгромлена превосходящими силами противника, то десять иных дивизий еще больше заряжались термоядерной яростью к захватчикам. Да, повторяю — бесстрашные советские воины и генералы, как старые, так и только что выдвинутые, показали не только врагу, но и всему миру, что на сей раз блицкриг не повторится...

Одним из тех мужественных, бесстрашных и далеко видящих генералов был и командир 15-го механизированного корпуса Игнатий Иванович Карпезо, сделавший, по выражению Г. К. Жукова, вместе с Рокоссовским и Фекленко, первый шаг к Победе...

С опытом двух войн — первой империалистической и гражданской — будучи генералом-исполнителем (без них немыслима ни одна победа), товарищ Карпезо, руководствуясь не только здравым смыслом и богатыми знаниями, почерпнутыми в классах Военной академии имени Фрунзе, но и обостренной интуицией бывалого солдата, он 16 июня 1941 года, за пятидневку до рокового дня,— вывел всю боевую технику своего мехкорпуса из обжитых и удобных гаражей и боксов. «Наши танки были генералом Карпезо своевременно выведены на боевые рубежи к юго-востоку от Радехова...»

В первый же день войны вражеская авиация обрушилась на военный городок Золочев, но он был пуст. Благодаря инициативе комкора и его дальновидности 10-я и 37-я танковые, а также мотострелковая дивизия 15-го мехкорпуса в первые четыре дня и первые четыри ночи начала войны в полном боевом составе ожесточенными атаками и контратаками в районе Брод были в состоянии сорвать блицмарш бронированных клиньев фон Клейста. Блицмарш, нацеленный на Киев.

В июне 1941 года на главном театре войны возникла архисложная ситуация, но подавляющая масса советских воинов поняла ее так, как тот неунывающий солдат из славной породы Теркиных, воскликнувший после первых же нелегких схваток с врагом: «Блицкриг — дудки!»

В танке под номером 21 в первых линиях атакующих генерал руководил боем. И руководил, и показывал подчиненным пример гражданского мужества и пример выполнения солдатского долга. Корпус понес немалые потери. Это естественно. На войне и за успехи приходится платить дорогой ценой. Как писала газета Киевского военного Краснознаменного округа (Ленинское знамя, 28 ноября 1978):

«Корпус проявил исключительную стойкость, сдерживая напор превосходящего врага...» Зато, как сказал маршал Жуков, то были первые шаги к победе! Тяжело было ранен тогда и сам командир корпуса генерал Карпезо.

2. «Революцьонный держите шаг...»

Что командир корпуса был в первых рядах атакующих — не диво. Этот комкор летом 1917 года, будучи солдатом гвардии Московского полка, в котором солдаты долгие и долгие годы распевали песенку «Я шагаю к новой жизни царю-батюшке служить», участвует в ряде атак Юго-Западного фронта. Тогда же он впервые ранен. Отвезли лечиться в Петроград. Там он быстро постигает азбуку большевизма и уже «шагает к новой жизни»... Поет уже вместе с солдатами гвардии Московского полка совсем иные песни. Пели иные песни и, затаив дух, слушали новые боевые, хватавшие за душу стихи: «Гуляет ветер, порхает снег. Идут двенадцать человек... Вдаль идут державным шагом...— Кто еще там? Выходи! Это — ветер с красным флагом разыгрался впереди...»

Необычные стихи написаны поэтом через два месяца после штурма Зимнего дворца, в котором вместе с бойцами Московского полка принимал активное участие и рядовой Игнатий Карпезо. По сути — был и он одним из тех бессмертных «двенадцати» Александра Блока. Не зря ведь, когда мы вместе с генералом Карпезо 19 ноября 1980 года выступали на радиофизическом факультете Киевского университета перед будущими Курчатовыми и Ландау по теме «60 лет окончания гражданской войны», Игнатий Иванович завершил пламенное слово бойца и оратора строками Блока.

И эти повторенные для киевских студентов строки напомнили мне многое. Смотрел я на своего боевого друга, а в голове гудело: «Стоит буржуй, как пес голодный, стоит безмолвный, как вопрос. И старый мир, как пес безродный, стоит за ним, поджавши хвост...»

Да, старый мир поначалу растерялся, поджал хвост... Но не поджала хвост мировая буржуазия, ее апостолы и викарии — Пуанкаре, Вильсон, Ллойд Джордж — за морями-океанами. Не поджала хвост и их агентура внутри страны, которая поспудно плела сети заговоров и кровавых восстаний в Москве и Петербурге, на Волге и на Енисее, на Днепре и на Амуре, на Кубани и на Дону.

Те хищники знали, что диктатура, объявившая рабочего хозяином на заводе, хлебороба — на земле, возвестившая мир хижинам и войну дворцам, не даст им безнаказанно расхищать русский лес, украинскую пшеницу, белорусскую пеньку, азербайджанскую нефть, грузинский марганец.

Поэт четко рисует ту целительную диктатуру: «Вдаль идут державным шагом...»

В этих словах много символизма, которым был насыщен поэт, и реализма. Всего лишь одно, но мудро сказанное слово утверждает, что это не разгулявшаяся вольница, а доверенные лица государственной власти, ибо идут они не простым, не шатким, а твердым державным шагом. И готовы они сами схватить за шиворот всякого и каждого, кто посягнет на то, что дал трудовому народу Великий Октябрь.

Крупный поэт старой России благословил на новую жизнь Россию молодую, хорошо зная, что старый мир ненадолго поджал свой потрепанный хвост. Благословил на новую жизнь и тут же проявил свою обостренную дальновидность: «Революцьонный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!»

Предостерегая своих бессмертных «двенадцать», поэт в то же время рисует перед ними радужные перспективы: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...»

Блок постиг, может, не столько разумом, сколь чутьем, что не только пролетарий, которому терять было нечего, рвется на священный бой, но вместе с ним миллионы обездоленных, не ведающих, кто такой Маркс, идут в огонь за идеи марксизма. Попы веками учили их уповать на бога, и нынче, взявшись за оружие, они кличут его на помощь: «Мировой пожар в крови — господи, благослови!»

В нашем конном Шахтерском полку был доброволец из недоучившихся попов. Неистовый безбожник, между прочим. Так тот под популярный мотив частушек-страданий распевал: «В белом венчике из роз вел нас в бой Исус Христос». Слово поэта «впереди» бывший семинарист заменил своими словами... Это было летом 1919 года.

Вскоре после штурма Зимнего солдат гвардии Московского полка Игнатий Карпезо, став бойцом революции, унес на фронты гражданской войны вместе с пламенными словами Ленина и его верных соратников услышанное им в Петрограде раскаленное слово поэта. Вместе с боевой партийной поэзией Демьяна Бедного он увез из «Двенадцати» — «Шаг держи революционный. Близок враг неугомонный!»

Да, без звонких птиц нет весны. Без звонких поэтов нет жизни.

Вещие слова Блока мы не имеем права забывать и ныне, пока в мире, из разных его закоулков, гремят или шипят еще голоса наследников Деникина, Гитлера, Муссолини...

Генерал, который своей доблестью и мудростью доказал врагу, что на советской земле блицкрига не будет, хорошо помнил все пережитое в войну граж-

данскую. И это окрыляло... Взять лишь один год 1918-й. Интегральные мятежи казачьих областей. Старый мир — казачьи атаманы Краснов, Каледин, Дутов, Семенов — начинал исподволь выпускать поджатый было на время хвост. Мятеж левых эсеров — Москва, Ярославль, Рыбинск. Террор белой гвардии в Петрограде, покушение на Ленина в Москве. Оккупация кайзеровскими войсками Украины, Дона, Кубани. Восстание бело-чешских полков на Волге. Десант интервентов — Мурманск, Владивосток, Новороссийск. Мертвая хватка. Да — неугомонный не дремал враг...

Не единожды от мощных и вероломных ударов врагов внешних и внутренних мы не смогли удержаться на ногах. Падали и вновь поднимались, но... поумневшие. Если поначалу нас и сшибали конными корпусами Мамонтова, Шкуро, Юзефовича, Морозова, Барбовича, Уллагая, то потом мы сокрушали наших «учителей» конными армиями Буденного и Жлобы, конными корпусами Думенко, Примакова, Каширина, Гая.

И победы молодой республики были особенными. После изгнания интервентов, тех, что высадились в Новороссийске, Ленин сказал: «Мы не только одолели Антанту, но и отобрали у нее ее солдат...»

Вернувшись домой, антантовские солдаты разносили по всему миру искры революции. Разгром интервентов показал всем угнетенным, что угнетателей можно бить и бить. Вспыхнувший от октябрьских волшебных искр пожар сделал и делает свое дело в Европе, Азии, Африке и даже в двух Америках, Никарагуа, на Кубе. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...»

Весь грозный 1919 год участник штурма Зимнего, теперь уже политком боевых частей, на передовой. Отступая под ударами Мамонтова, учится воевать,

а научившись — громит своих «педагогов». Так было со многими из нашего брата — молодыми командирами и комиссарами. В грозовом 1920-м политком-чапаевец Карпезо принимает активное участие в изгнании из Киева белопольских и жовто-блакитных оккупантов. С 1921 года он в Конном корпусе Червонного казачества Советской Украины. И там кое-что видел, кое-что почерпнул... Почерпнул именно то, что пригодилось ему спустя два десятилетия и подтолкнуло его в первый же день войны с танком под номером 21 устремиться навстречу врагу.

3. Жаркая осень 1921 года

Выражаясь по-солдатски, мы с Игнатием Ивановичем годки. Значит — ровесники. Только он старше меня званием — генерал-лейтенант. Я — полковник. Как тот «вечный студент», вечный полковник, начиная с 1919-го. Зато возрастом я его опередил аж на 8 месяцев. А все равно — годки!

Да, мой однополчанин достиг аксакальского возраста. По-узбекски — «аксакал» это «белая борода», это мудрость. Но... как и в детсадиках, аксакальство знает две группы — младшую и старшую. У аксакалов младшая — это 70, старшая — 80. От всей души поздравляю генерала с успешным вступлением в старшую группу аксакалов.

Познакомились мы с товарищем Карпезо весной 1921 года. Уже закончилась гражданская война, а на Подолии и на Волыни вовсю трещали винтовки и обрезы, звенели клинки. Наши — казачьи, чужие — бандитов... Был я в ту пору командиром полка, Игнатий Иванович — военкомом нашей бригады, 1-й бригады 2-й Черниговской Червонного казачества дивизии.

И с тех пор я его неоплатный должник. Правда, не брал я у него взаймы ни сотни, ни тысячи карбованцев. Но есть кое-что поценней ассигнаций, золота. Это дружба, а особенно — дружба солдатская. О ней следовало бы поговорить отдельно, тут есть что вспомнить боевым товарищам...

Хочу отметить — частично свой долг Игнатию Ивановичу я вернул. Его 10-я танковая дивизия, отлично воевавшая не только в первые дни войны против бронеколонн фон Клейста, развернулась из 4-й Киевской отдельной тяжелой танковой бригады, которую летом 1936 года под Киевом, в Вышгородском танковом лагере, по заданию Ворошилова и Якира, я сформировал и возглавил.

Славное боевое гнездо! В нем, следуя заветам великого Ленина о строгой верности идеям социализма и патриотизма, готовились к смертельной схватке с жестоким врагом наши боевые орлы. До того 4-й танковой полк Резерва Главного Командования, начавший биографию на Холодной Горе Харькова, продолжил свою боевую жизнь 4-й Киевской отдельной тяжелой танковой бригадой в Киеве, затем 10-й танковой дивизией на ратном поле Великой Отечественной войны, а также Отдельным танковым полком на Дальнем Востоке.

Из нашего боевого гнезда вышли дважды Герои Советского Союза бывший капитан 4-го танкового полка Степан Шутов и бывший лейтенант, а ныне генерал-лейтенант, киевлянин Захар Слюсаренко. С именем Степана Шутова, полковника, освобождавшего со своей танковой бригадой Киев в 1943 году, ныне по водам Днепра скользит быстроходный катер-«ракета».

Член Союза писателей, бывший рядовой танкист Микола Дятленко, в дни исторической победы на Волге ходил в амплуа переводчика с парламентера-

ми на переговоры с фельдмаршалом фашистской Германии фон Паулюсом.

Все три питомца, закалившиеся в нашем славном гнезде, дали советскому читателю ценнейшие книги о своем боевом прошлом. Шутов выпустил «Красные стрелы», а Слюсаренко —«Последний выстрел». Стараниями же Дятленко переведена не одна интересная книга немецких и французских классиков.

Разве только лишь эти трое? Недавно в троллейбусе довольно пожилой гражданин протянул руку: «Был водителем танка. В войну шесть командиров нашего полка убило, я, седьмой, уцелел. И то чуть поджарило в моем командирском КВ... А вас на днях увидел по телевизору и говорю старухе: «Так это же наш комбриг». Хотел кинуться вас искать, так ноги того... Только и хватает моторесурсов, чтобы делать короткие вылазки на Бессарабку и в магазин...»

И те трое: Шутов, Слюсаренко, Дятленко, и этот «чуть поджаренный», выросший из водителя танка в командира полка, и многие сотни рядовых и нерядовых танкистов были питомцами мудрой школы того, кто не носил никаких маршальских и фельдмаршальских регалий, но был гениальнейшим в мире полководцем и стратегом! Питомцами мудрой школы великого Ленина.

Говорят — командир полка повел в атаку полк. Это так и не совсем так... Прежде всего впереди развернутого фронта конников с обнаженными клинками скачут двадцать взводных командиров. Чуть впереди — пять сотников (эскадронных командиров). Рядом — пять политруков. А еще ближе к противнику ведет всадников в решительный сабельный бой командир полка. Рядом — его заместитель и комиссар полка. Хороший пример для всех воинов части! И особый пример — это когда рядом с голов-

ной тройкой на резвом коне несется в атаку и военком бригады!

Никто не упрекнул бы комиссара, если бы он во время тех решающих конных схваток оставался на КП боевого комбрига Михайла Багнюка. Но наш военком, наш славный товарищ признавал лишь один КП в том бою — личное седло на спине резво скачущего коня... Честь ему и хвала! Честь и хвала славному сыну белорусской земли Игнатию Ивановичу Карпезо!

В 1921 году, спустя год после изгнания жовтоблакитников за кордон на тощие хлеба пана Пилсудского, наши враги решили еще раз попробовать счастья. Шибко надеялись на грозную засуху того года и на вызванный ею страшнейший голод в Поволжье. И на... обильный урожай Подолии. Мол, мужик с топорами и косами, как только замерцает помощь из-за рубежа, восстанет на защиту своих переполненных хлебом тайных хранилищ...

И двинул мир наживы против мира Труда, двинул с запада на восток пять диверсионных групп, отлично вооруженных из арсеналов Антанты и укомплектованных ярыми врагами Страны Советов.

Одна из них, самая северная, проникла через кордон из Финляндии в Карелию. Вторая — во главе с предателем Булак-Булаховичем, белорусским Петлюрой, появилась из панской Польши и рвалась в Минск. Третья и четвертая, долго сидевшие в спецлагерях на тощих хлебах пана Пилсудского, также пожаловали оттуда же, что и банда Булаховича. С той разницей, что Волынская (третья) группа генхора (генерала-хорунжего) Юрка Тютюнника, при которой следовал и штат будущего петлюровского правительства еще не завоеванной Украины, мечтала через Олевск и Коростень попасть в Киев.

А на Киев была брошена Подольская группа — более тысячи штыков и сабель из числа озверелых гайдамаков — полковника Михайла Палия-Сидорянского. Тут же распустили поджатый было жовтоблакитный хвост и рыскавшие по лесным трущобам Волыни и Подолии атаманы и атаманчики: Соколовский, Шепель, Гальчевский, Заболотный, Ангел, Божья Кара и даже такой «орел»— Сидор Лапаперда — «атаман двух губерний».

Пятую группу — башибузуков Гулого-Гуленко мир наживы двинул из боярской Румынии через реку Днестр на Тирасполь. Ее цель — захватить южные порты Украины и также поддержать Тютюнника, который, став на берегах широкого Днепра, должен развернуть «священное знамя всенародного восстания».

И вот «помощь» из-за кордона не только замерцала, а явилась на просторах Карелии, Белоруссии, Украины, Молдавии в виде довольно значительной вооруженной силы. Но... снявший в то лето обильный урожай селянин прикордонья не то что не поднялся на защиту своего хлеба с вилами и топорами, а полученное от диверсантов оружие поспешил отвезти в свой сельсовет или же в ближайшую воинскую часть. Мир Труда оказался, к разочарованию мира наживы, сплоченным и единым. Ведь пошел пятый год после победы Великого Октября.

А главное — в считанные дни вооруженные силы голодной Советской республики по-гвардейски рассчитались с наемниками сытой Европы. С теми, кто прорвался из Финляндии в Карелию, из Румынии в Молдавию, из панской Польши в Белоруссию и на Украину. Успевшую было приблизиться лесами Волыни на 60 километров к Киеву банду Тютюнника разбил легендарный Котовский, нагнав ее у ме-

стечка Базар. Захватил он там и «правительство петлюровской Украины». Генхор улизнул, и снова под крыло пана Пилсудского.

Наемников Подольского отряда полковника Палия-Сидорянского разбил наш 7-й полк червонных казаков из 2-й Черниговской дивизии за четыре дня непрерывных конных атак и яростных сабельных боев. И получил за это 7-й полк боевое знамя, снимок которого есть в моей книге «Трубачи трубят тревогу».

В документе, подписанном И. И. Карпезо в сентябре 1954 года, есть такие строки: «Из двух полков кавбригады, участвовавшей в операции, 7-й полк сыграл решающую роль. У с. Матрунки на Волыни банда Палия была полностью уничтожена. В этом бою 2 ноября 1921 года тов. Дубинский был тяжело ранен в левое плечо».

Мог Игнатий Иванович подписаться под тем документом, ибо в тех атаках, которые начались 30 октября у Ст. Гуты на Подолии и закончились у Янушполя на Волыни 2 ноября, он, военком бригады, бесстрашно летел в стремительной казачьей лаве.

Короче, он выполнял одну из заповедей примаковского катехизиса: «До боя горячим ленинским словом, в бою — острым казачьим клинком». Значит — настоящий военком!

Бесспорно, чрезвычайно жаркой была та необычная осень — осень 1921 года. И было это много лет назад!

Вот с тех пор я, бывший командир 7-го полка в Червонном казачестве, не получив от товарища Карпезо в долг ни сотни, ни тысячи карбованцев, считаю себя перед ним в большом долгу. Ведь есть кое-что поценней, нежели ассигнации и золото. Это — беззаветная солдатская дружба.

И еще — за месяцы до сабельных схваток с диверсантами Палия-Сидорянского, летом 1921 года, на широком поле у села Сальницы, как раз во время жарких полковых учений, военком бригады, выполняя задание нашего командира корпуса Примакова, вручил мне под звуки полкового хора трубачей и под мощное «ура» наших славных рубак боевой орден Красного Знамени. И к нему — живописную грамоту, в которой значилось, что награда присуждена Реввоенсоветом республики за совместные с бригадой Котовского бои, приведшие к разгрому и изгнанию с украинской земли арьергардных скоплений петлюровской армии и за захват в Волочиске 21 ноября 1920 года вражеского бронепоезда.

Вот откуда начал расти мой долг перед нашим военкомбригом...

4. Увесистые капли побед

Да, одна песчинка песчинка и есть. Но много песчинок — это Каракумы. И даже пустыня Сахара... Одно дерево — это и есть дерево. Но много деревьев — это и роща, и лес. И даже необъятная красноярская тайга. Одна капля — это капля и есть. Но много капель — это море. И даже Атлантический океан!

Одна победа — пусть и увесистая, капля и есть. Но славная история легендарного Червонного казачества Советской Украины сложилась как раз из таких отдельных капель. Море, океан героических свершений всей непобедимой и славной Красной Армии мира Труда и состоит из отдельных подвигов.

И нет анонимных побед. Разгром в лесах и трущобах Подолии банды Гальчевского летом 1922 года — это именная капля командира 10-го полка, бывшего военкома бригады товарища Карпезо.

Удар через Днепр в январе 1918 года по Центральной раде — это капля командира самого первого полка червонных казаков молодого Виталия Примакова.

Разгром баварских кирасир летом 1918 года под Воробьевкой на Черниговщине — капля сотника Ганжи.

Лихие налеты на деникинцев летом 1919 года на подступах к Чернигову — капля сотника Сергея Глота.

Снежный рейд ноября 1919 года через потрясенные тылы беляков на Фатеж — Поныри — это капля комбрига из «столбовых» рабочих Кронштадта Петра Григорьева.

Схватка с танками барона Врангеля весной 1920 года под хутором Фальцфейнов Преображенка, рядом с валами Перекопа,—это капля командира 2-го полка Пантелеймона Потапенко, кузнеца из Барвенкова, до 1917 года — царского узника.

Удар по десанту беляков у порта Хорлы 12 апреля 1920 года — это капля Ильи Гончаренко. Свершив подвиг, командир 6-го полка скончался от ран на поле боя.

Дерзкий налет по льду Сиваша на Тюп-Джанкой и разгром Керчь-Еникальского полка беляков в феврале 1920 года — это капля командира 5-го полка Михаила Демичева, наборщика из Карачева, сменившего Примакова на посту начдива (1920—1932) и Городовикова — на посту комкора (1932—1937).

Безумная атака белопольских редутов у села Шпичницы (Подолия) в июне 1920 года — это капля командира 4-го полка Александра Новикова, расплатившегося своей жизнью за то безумие.

Разгром штаба 6-й белопольской армии графа Роммера 5 июля 1920 года — это капля комбрига из

царских подполковников Владимира Микулина, впоследствии заместителя С. М. Буденного и начальника Инспекции кавалерии РККА.

Разгром редутов врага на Чертовой горе под Рогатином (Галиция) летом 1920 года — капля командира 6-го полка Василия Федоренко, бывшего «желтого кирасира» царской конницы из бахмутских шахтеров.

Удар по басмачам в Туркестане летом 1922 года — капля сотника со светлой фамилией — Ленин и военкома-латыша Штраля — оба они из 2-й дивизии Червонного казачества.

И еще увесистая капля — капля бывшего командира 1-го полка Ивана Никулина, механика молотилки с Черниговщины, мудреца и мыслителя,— разгром в 1926 году дерзкого восстания «бумажных тигров» в далеком Кантоне. За эту «каплю» сподвижники легендарного вождя Китая Сунь Ятсена носили нашего Ивана на руках...

Вот те капли, а также многие-многие другие, и образовали неисчерпаемое море исторических побед легендарного Червонного казачества.

Газета «Ленинское знамя» писала: «Человек большой души, культуры, скромности, генерал Карпезо является для молодежи ярким примером беззаветного служения нашей социалистической Родине».

И любят его слушать наши преемники. Не один раз довелось откликаться нам с Игнатием Ивановичем на настойчивый зов молодежи. Не только киевской. Летом 1978 года ветераны примаковских полков — литовцы и молодежь объединения «Эльфа» позвали нас в Вильнюс. Туда мы ездили с ветераном Червонного казачества генерал-полковником Владимиром Крамаром, до недавних пор он был начальником штаба КВО.

В феврале 1963 года пригласили нас в Белую Церковь. Подъезжая к окраинам старинного города, вспомнили мы: «Луна спокойно с высоты над Белой Церковью сияет...» Не только эти — и другие пушкинские строки: «Молился в черных ризах поп, и на телегу подымали два казака дубовый гроб... Утратить жизнь и с нею честь, друзей своих на плаху весть... Не завещая никому вражды к злодею своему...»

Богата история украинской советской кавалерии. Но если есть история, то обязательно должна быть и ее география... Начнем с Украины. Первый полк Примакова зародился 27 декабря 1917 года в Харькове на Москалевке. Червонные казаки дважды освобождали Харьков, раз — Киев. Совершили в 1920 году знаменитый Карпатский рейд.

Москва. После разгрома Примаковым (вместе с латышами) ударных сил Деникина на Орловщине Серго Орджоникидзе писал Ленину: «Червонные казаки действуют выше всякой похвалы. О Москве Деникин должен перестать думать...» Под Перекопом весной 1920 года силы Примакова были подкреплены 1-м Московским кавалерийским полком. Военком дивизии, коммунист с 1905 года, лодзинский ткач Альберт Генде-Ротте стал заместителем предисполкома Москвы. Замполит 6-го полка Марьямов закончил Военную академию имени Жуковского. Бывший казак 1-го полка (1924) генерал-полковник К. Грушевой — ныне начальник Политуправления МВО.

Кавказ. Уроженец Кавказа, воспитанник Червонного казачества осетин Андрей Сланов стал генералом, армянин Сергей Худяков (Арменак Ханферян) стал маршалом.

Латвия. Осенью 1921 года 7-й полк пополнился конным эскадроном латышей, вскоре усердно гро-

мивших диверсантов Палия-Сидорянского. В жестоких боях под Орлом и Перекопом рядом с латышами сражались воины Примакова.

Эстония. Под Перекопом весь конный полк Эстонской дивизии пополнил наш 6-й полк. Тогда же нынешний профессор из Таллина Отто Штейн стал секретарем партбюро 6-го полка.

Молдавия. В декабре 1920 года вся кавбригада Котовского вошла в состав Червонного казачества, а знаменитый комбриг возглавил 2-ю Черниговскую дивизию.

Дальний Восток. Славные воины Примакова командовали там соединениями. Зюка возглавил стрелковую дивизию, а Рубинов — штаб Забайкальской группы войск. После Блюхера Дальневосточную армию передали под командование генерал-полковника Григория Штерна, бывшего военкома штаба 1-го конного корпуса.

Ленинград. Рядом с Кировским заводом есть улица Червонного казачества и Виталия Примакова в честь добровольцев-путиловцев, которые влились в полки украинской конницы во время жарких боев под Орлом осенью 1919 года.

Башкирия. В декабре 1920 года вся башкирская бригада Мусы Муртазина вошла в Червонное казачество и стала его 12-м полком во главе с Александром Горбатовым.

Да, история и география... Незабываемые годы...

Польша. Военкома 1-й Запорожской дивизии Генде-Ротте читатель уже знает. Командиром 3-го полка был шахтер Домбровского бассейна Иван Фортунатович Хвистецкий, а начальником штаба 5-го полка — будущий генерал на полях Испании под именем Вальтер — Кароль Сверчевский.

Чехословакия. Из бывших воинов императора Австро-Венгрии славился у нас сотник чех Юзеф

Прошек. В 1945 году столицу Прагу освобождали танкисты маршала Рыбалко, бывшего командира 5-го полка червонных казаков. А в 1968 году автор этих строк вместе с генералом Тюленевым и Героем Советского Союза Клоковым ездил в Прагу и Братиславу для братских переговоров с ветеранами — участниками гражданской войны на Украине.

Германия. Шефом 2-й Черниговской дивизии была Компартия Германии. Часто принимали у себя червонные казаки Вильгельма Пика, Тельмана и Гротеволя. Комендантом Берлина стал Горбатов, бывший комполка, комбриг и комдив 2-й Черниговской дивизии.

Франция. Шефом 1-й Запорожской дивизии была Компартия Франции. В 1928 году дивизию посетил Марсель Кашен, а раньше — Паскаль. Доброе слово о Примакове сказал в своем труде Луи Арагон.

Китай. В 1925 — 1926 годах главным советником на севере Китая был Примаков, он написал для маршала Фын Юйсяня Полевой устав. Вместе с Примаковым трудились там наши товарищи — Зюка, Петкевич, Кузьмичев, Столбовой, Иван Никулин.

Афганистан и Япония. Военным атташе Советского Союза был в этих странах ряд лет Виталий Примаков.

Белоруссия. Сыны ее Игнатий Карпезо и Тарас Юшкевич командовали в конном войске Советской Украины полками.

Так что география Червонного казачества вполне соответствует его боевой истории!

5. Солдатская дружба — это всерьез и надолго!

Командовал Карпезо полком отлично. Школа военкомства дала ему много. И школа та была не-

обычная. Не зря выше писалось, что военком много дал своим подчиненным, но и кое-что почерпнул у них. Не зря в день юбилея генерала, когда широкая общественность в киевском Доме офицеров отмечала его вступление в старшую группу аксакалов (80), среди множества приветствий, под дружные аплодисменты, была зачитана телеграмма из Макеевки: «Горячо поздравляет вас скакавший с вами в грозные атаки против врагов Советской власти казак-пулеметчик 7-го полка Иван Запорожец...»

Да, бесстрашие бывшего военкома бригады Игнатия Ивановича Карпезо было большим вкладом в нашу длящуюся шесть десятков лет солдатскую дружбу. Ведь и впрямь есть на свете кое-что ценнее ассигнаций и даже слитков золота...

У того, кто, по твердому убеждению маршала Жукова, защищая Отчизну, сделал один из первых шагов к победе над фашистами, кто из бедной белорусской хаты вышел в рядовые солдаты, из рядовых солдат — в военкомы чапаевцев и червонных казаков, из военкомов чапаевцев и Червонного казачества — в мужественные и мыслящие командиры, было так: если он себе выбрал по душе профессию военного, то это всерьез и надолго.

Если, будучи командиром 10-го полка червонных казаков, в возрасте 24 лет выбрал себе в древнем граде Изяславе, что вблизи Шепетовки, славную и верную подругу жизни Татьяну Леонидовну, то это всерьез и надолго.

Если привязался к человеку несокрушимой солдатской дружбой, то также всерьез и надолго.

РЕЙДИСТЫ

Новелла

Радостно рассказывать о человеке удивительной судьбы — о подпольщике, воине, дипломате, литераторе.

Овеянные бурями гражданской войны, закаленные неистовыми встречными ветрами, отлично показали себя в годы Великой Отечественной войны славные питомцы легендарного Червонного казачества, питомцы мудрой школы мужества и закалки — маршалы и генералы, полковники и лейтенанты, сержанты и рядовые бойцы.

Радостно повествовать и о них. Как и их старший товарищ, который в дьявольский буран искусной комбинацией «парусов» сумел обратить встречный ветер в попутный в дни снежного рейда на Фатеж—Поныри, так и они, его боевые ученики, прочно держась в седле, не поворачивались спиной к любому ветру.

Напротив...

О таких людях, людях ленинской эпохи, можно писать не очерки, не повести, а толстые тома. Ведь это то прошлое, которым никогда не перестанет гордиться признательное будущее.

Легендарные полки Червонного казачества... Со времен их героических подвигов минуло более полустолетия, а память о смелых сабельных походах живет. Она, как волнующая эстафета, передается из поколения в поколение.

На берегу могучего Днепра, рядом с мостом Патона, благодарные киевляне соорудили памятник Виталию Примакову, герою гражданской войны, храброму полководцу, талантливому публицисту, опытному дипломату.

Сюда, к берегам реки, часто приходят ветераны. И оживают воспоминания. В памяти каждого из них на всю жизнь остались картины иного Днепра, который им довелось форсировать. Река в ту пору была затянута весьма тонким, ненадежным льдом. И через реку надо было во что бы то ни стало пройти, ибо за правобережными склонами ждали помощи и выручки с Левобережья рабочие, поднявшиеся на борьбу с Центральной радой.

Возникают в памяти ветеранов воспоминания. Затаив дыхание, слушают их ученики киевских школ, молодые воины. Пламенеют цветы у подножия памятника Примакову. Эта картина надолго запомнится нашим юным друзьям, «червонным казачатам», как называют они себя. Волнует она и нас, ветеранов.

Встречи с молодежью стали традиционными. И не только в киевском парке имени Виталия Примакова. Вот строки из письма генерал-лейтенанта Я. А. Хотенко: «По ходатайству Московского совета ветеранов Червонного казачества Советский комитет ветеранов войны постановил наградить активистов военно-патриотической работы школы № 20 города Чернигова памятными медалями, грамотами. Награды приедет вручать генерал-лейтенант И. П. Турчин».

Мне, в прошлом командиру 7-го Полтавского полка червонных казаков, радостно отметить, что Иван Павлович Турчин в начале двадцатых годов служил рядовым казаком в нашем полку. И на сегодняшний день он в боевом строю — в строю активных пропагандистов славных боевых традиций советского народа.

Радостно получать подобные вести, приятно получать письма и от школьников. Каждое из них полно волнующих слов благодарности ветеранам

и просьб поделиться воспоминаниями о далеких днях боевых походов, помочь в создании стендов боевой славы и школьных музеев.

«Мы часто купаемся в реке Золотая Липа, ловим в ней рыбу и лишь недавно узнали, что на ее берегах лилась кровь бойцов, отдавших жизнь за нашу прекрасную Отчизну»,— пишут ученики Решинской школы на Тернопольщине.

С просьбой написать о боевых товарищах и об их ратных подвигах обратились школьники из села Староказацкого Одесской области.

«Славные боевые традиции нашего народа помогают нам, юным, понять свое место в жизни»,— сообщают школьники села Дереево Кировоградской области. Активисты Дома пионеров города Стрыя на Львовщине очень и очень просят прислать материалы для музея Червонного казачества.

Немало уже создано школьных и нешкольных музеев, материалы которых говорят о трудовых и боевых подвигах советских людей. Они стали замечательными центрами воспитания молодой смены. Есть и музеи, отображающие героический боевой путь, пройденный бесстрашными полками червонных казаков.

Первый школьный музей Червонного казачества был открыт в 1960 году в городе Хмельницком. «Учительская газета» (Москва) в апреле 1981 года в заметке А. Ивановой под названием «Червонное казачество» сообщала: «Музей стал важным звеном учебно-воспитательной работы... Не случайно в книге отзывов есть благодарности делегаций ЧССР, Болгарии, Польши, представителей Генерального штаба Вооруженных Сил СССР...»

Создан и плодотворно работает музей Червонного казачества в школе № 1 города Тернополя. И не удивительно: летом 1920 года, преследуя легионе-

ров пана Пилсудского, червонные казаки на плечах врага ворвались в Тернополь. В художественно и любовно оформленном путеводителе читаем: «Наш музей — это экскурс в незабываемое. Многочисленные экскурсии, переписка и встречи с ветеранами воспитывают в юных сердцах любовь к Отечеству, стремление последовать подвигу героев-отцов...»

Такой же красочный путеводитель создан в школе № 20 города Чернигова. На его полосах читаем: «Юные следопыты посвятили свой поиск боевому пути Червонного казачества, жизни и деятельности его организатора и командира... Летом 1978 года совместно с учащимися Москвы из 611-й школы, с учащимися Киева, Харькова, Тернополя был организован поход по местам боевой славы героического войска...»

Большую воспитательную работу проводят и в 59-й школе города Харькова. Недавно состоялось открытие еще одного музея боевой славы. Его адрес — школа села Дитятин Ивано-Франковской области. На торжество пригласили примаковцев.

Воздавая должное заслугам Червонного казачества перед Советской Родиной и стремясь в жизни и в учебе быть достойными своих дедов и отцов, высказываются об этом в своих взволнованных письмах школьники Борисполя, Белой Церкви и Кашперовки на Киевщине, Изяслава, Пыльного Олексинца, Терноруды Хмельницкой области и других городов Украины и Российской Федерации.

Подвиги героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн никогда не забудет народ. Их именами названы проспекты, улицы, школы, пионерские дружины, корабли.

В 1975 году газета «Правда» заметкой «Счастливого плавания» сообщила о спуске на воду ново-

го теплохода «Виталий Примаков». А газета «Радянська Україна» добавила: «Это очередное судно типа «река — море». Все они построены волжанами и увековечивают имена бессмертных народных героев. В ближайшее время теплоход «Виталий Примаков» отправится к берегам Италии...»

В портах многих стран побывал новый теплоход. Вот отзвук одного такого посещения. Привожу строки из письма юного гражданина Генуи Стефано Бальзани. Письмо адресовано капитану судна «Виталий Примаков»: «Дорогой синьор Виталий Морозов! Мы с большим удовольствием переписываемся с командой Вашего корабля. Когда мы посетили судно, нам очень понравилось гостеприимство советских моряков. Сообщаю — мой отец тоже моряк, работает в генуэзском порту...»

Нет сомнения: славное прошлое боевой конницы Советской Украины, которая острыми клинками и пламенным большевистским словом боролась за праведное дело Ленина, пойдет на пользу и пытливой итальянской пионерии, которая вот уже ряд лет дружит с командой теплохода, носящего славное имя одного из героев революции и гражданской войны.

Хорошо сказано на странице газеты «Молодь України»: «Слава Примакова и его героических воинов стала всенародной. И передается она от поколения к поколению».

На счету всех двенадцати полков Червонного казачества четырнадцать отважнейших сабельных ударов по жизненным центрам глубоких вражеских тылов.

Под талантливым руководством Примакова червонные казаки провели четырнадцать блестящих рейдов по тылам врага. Затем, уже в мирные дни,

начинался у них и пятнадцатый рейд, не сабельный, но не менее эффективный.

Зажав под мышкой переизданные труды своего боевого комкора, а также другие книги о былых подвигах, двинули герои примаковских несгибаемых полков в молодежные коллективы. Да, то был продолжающийся и поныне славный, успешный пропагандистский рейд!

Если те четырнадцать рейдов Примакова, требовавшего, чтобы сила обязательно сочеталась с разумом, привели к сокрушению «непобедимых» вражеских полчищ, то в результате пятнадцатого рейда появились улицы Червонного казачества и Виталия Примакова в Харькове, Чернигове и во Львове и даже рядом с Кировским (Путиловским) заводом в Ленинграде. Школы имени Примакова есть в Павловке (Черниговщина), Харькове (№ 120), Москве (№ 611). Созданы и лелеют советский патриотизм школьные музеи Червонного казачества в Хмельницком, Москве, Харькове, Ленинграде, Стрые, Чернигове, Тернополе и многих других городах и селах.

Результатом того славного патриотического пятнадцатого рейда является и крепкая дружба пионеров из далекой Генуи с командой океанского лайнера «Виталий Примаков».

Все вместе взятое, естественно, привело к тому, что Червонное казачество — гордость и слава украинского народа — давно стало славой и гордостью всех народов СССР.

Осуществляемый и в наши дни, этот славный поход ветеранов боевой красной конницы порождает патриотическое движение советской молодежи — движение червонных казачат.

В какой-то степени тоже героический, этот пятнадцатый рейд служит благородному делу комму-

нистического воспитания детей и внуков самых первых солдат революции.

Примаков не был первым, кто открыл человечеству закон вращения Земли. Не был и открывателем закона всемирного тяготения, первым, кто обогатил науку теорией относительности. Но сын народного учителя из глухого черниговского Полесья первый обогатил советское оперативное искусство теорией глубоких конных рейдов и первый эффективнейшим образом и многократно осуществил эту мудрую теорию на практике.

В семнадцать лет Примаков штурмовал твердыни царского самодержавия, в двадцать — баррикады Зимнего, в двадцать два — капониры и бастионы Перекопа.

А его славные питомцы, от рядовых до маршалов, в 1945 году штурмовали рейхстаг...

Мое отношение к Примакову лучше всего выражено в труде «Колокол громкого боя». В 1975 году книгу выпустило в свет издательство «Дніпро».

Тонко разработанная Примаковым наука весьма и весьма пригодилась в тяжкие осенние дни 1919 года, когда на полях Орловщины решалась судьба советской столицы, да и всего советского строя.Судя по мемуарной книге генерала Белова, и в Великую Отечественную войну эта примаковская теория хорошо послужила как раз в те дни, когда снова, спустя 22 года, решалась судьба Москвы.

Опыт молодой и чрезвычайно боевой советской конницы помог и в 1922 году Кемалю-паше на полях сражений далекой Анатолии разгромить армию интервентов греческого генерала Трикуписа. Генерал-сювари (кавалерист) Фахреддин-паша, создав крупный кавалерийских кулак, сокрушал тылы и управление противника.

Командарм Иероним Уборевич называл Примакова «непревзойденным рейдистом». С этим автографом он подарил Примакову золотой портсигар.

Почитали на полях сражений далекой Анатолии и этого одареннейшего советского полководца, талантливого сына литовской земли. Звали его там «иильдирим-паша», что в переводе значит «генерал-молния». Так борющийся турецкий народ высоко ценил стремительные и результативнейшие боевые операции на полях гражданской войны Иеронима Петровича Уборевича.

Для нас, бойцов легендарного Червонного казачества, Примаков был примером и на ратном поле боевой литературы. Что касается конных атак, то следует прежде всего вспомнить первую заповедь примаковского военного катехизиса: «Святая обязанность командира полка — управлять боем. И в наступлении, и в обороне. Но выпадают такие исключительные ситуации, когда командир конного полка, доверив все прочие заботы своим помощникам, сам становится во главе атакующих, чтобы лично вести их в сабельный бой!»

Примаков сам не только в ту пору, когда командовал полком, но когда уже возглавил дивизию и корпус, строго соблюдал незыблемую заповедь своего воинского катехизиса.

Так, 12 ноября 1920 года, в дни окончательного разгрома кулацкой армии Петлюры, под Вендичанами (Могилевское направление), Примаков, обнажив клинок, стал во главе атакующего 5-го полка, ринувшегося в сабельный бой с бригадой беляков есаула Фролова, союзника Петлюры.

Врожденный дар Примакова шлифовался в отчем доме на берегу светловодной Десны, затем в милой его сердцу тенистой усадьбе Коцюбинских на Северянской улице Чернигова, где не раз ему

довелось слушать пока еще робкие, но звучные стихи молодого Тычины.

Шлифовался тот необычный и щедрый дар в царском подполье, а также в мрачных уголках врага — в душных камерах и казематах царских острогов.

Что касается ратного поля литературы, то, без сомнения, и здесь Виталий Маркович был для нас примером. «Гражданская война на Украине» — его первое, но далеко не последнее произведение.

Наш читатель уже получил и продолжает получать множество мемуарных книг военачальников. Но самым первым советским военно-мемуарным произведением была именно та уникальная, 1923 года, книга Виталия Примакова. Автору шел тогда всего лишь двадцать пятый год...

Тяготение к перу перешло от Примакова к его подчиненным и питомцам. Прекрасные мемуары вышли из-под пера бывшего 12-го комполка, затем генерала армии, коменданта Берлина Александра Горбатова «Годы и войны», а также бывшего военкома 10-го полка, генерала армии, начштаба войск Варшавского договора Михаила Казакова — «Над картой былых сражений».

Следует назвать также старшину сотни 2-го полка, потом Маршала Советского Союза Петра Кошевого; бывшего политрука сотни связи 1-й Запорожской дивизии, маршала войск связи Ивана Пересыпкина, линейного казака 1-го полка, генерала-полковника, члена военного совета МВО Константина Грушевого; бывшего начштаба 9-го Краснопутиловского полка генерал-майора Андрея Ковтуна; «столбового» московского пролетария («Трехгорка») Ивана Крылова; бывшего казака 3-го полка, а позже писателя Степана Ковганюка; ездового на тачанке 2-й Черниговской дивизии поэта Ивана Приблудного (Овчаренко). И напоследок бывше-

го военкома конного корпуса Червонного казачества, ныне академика, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Исаака Минца, автора трехтомной «Истории Великого Октября».

10 августа 1980 года в честь 60-летия первого освободительного похода Красной Армии в Галичину и в честь тех, «хто приніс щастя і радість в домівки галицьких злидарів» (из письма О. Черемшинского, директора музея академика Гнатюка на Тернопольщине), открыт памятник командарму Первой Конной Семену Михайловичу Буденному в Бродах.

В честь памятного Карпатского освободительного похода червонных казаков 1920 года заботами трудящихся и городского комитета партии в городе Стрые торжественно открыт памятник Виталию Примакову. 22 августа 1980 года «Радянська Україна» писала: «Как живой с живыми, вечно бессмертный, будет шагать со стрыянами в будущее легендарный Виталий Примаков».

Походу в Галичину и Стрыйскому рейду («В Карпаты, в Карпаты, где спит Святогор...») посвящен роман «Золотая Липа». Ценные советы при создании произведения, выдержавшего с 1933 года десять изданий, дал Примаков, тогда заместитель командующего военным округом в Ростове-на-Дону. На его квартире, за его рабочим столом, на котором лежала почти готовая работа Виталия Марковича о германском генштабе, два долгих вечера мы вспоминали детали подготовки к Стрыйскому рейду.

Так что был не только пример Примакова-литератора. Была и существенная его помощь!

Начиналось это так... В мае 1921 года меня вызвали из Литина, где квартировал наш 7-й Полтавский полк, в Винницу. Там, в штабе корпуса, Примаков без всяких преамбул встретил меня таким моно-

логом: «Изо всех здесь присутствующих, очевидно, лучше всех книгу о гражданской войне на Украине напишу я. А вот до зарезу нужную «Памятку бойцу», который действует в зоне, насыщенной бандитами и приползающими из-за Збруча диверсантами, лучше всех напишет кто-либо из наших полковых командиров. Мы тут и решили: такую «Памятку бойцу» напишет комполка-7...»

Это «произведение» было вскоре напечатано в единственной типографии Литина летом 1921 года. Отсюда в конце октября того же памятного года мы тронулись на юго-запад в район Бара против сильной и дерзкой банды атамана Палия-Сидорянского, которая все лето, опекаемая генштабистами пана Пилсудского, набиралась сил в богатых фольварках села Копычинцы и других галицийских сел.

О разгроме той диверсионной банды «самостійників» (Подольский отряд), недавних нахлебников Антанты, как и Волынского отряда Тютюнника, получивших задание прорваться любой ценой в Киев и там, на Днепре, поднять знамя восстания, впервые было напечатано в харьковском военном журнале «Армия и революция» («О нашем безмолвии и о нашей романтике», 1924, №№ 5 и 6). И снова написано под влиянием нашего командира корпуса и после твердого «Да!» главного редактора журнала, заместителя командующего УВО, полководца-поэта, славного сына латвийской земли Роберта Петровича Эйдемана.

Позже, в 1925 году, в кабинете начальника Военной академии РККА Эйдемана, на древней московской улице Пречистенке, потом Кропоткинской, услышал я напутствие: «Штурмуйте науку и... пишите! Живем мы в мире, полном тревог и радужных надежд. Дорого каждое доброе слово, подогревающее эти надежды...»

В 1929 году широко праздновалось десятилетие 1-й Запорожской дивизии и 12-летие (1917—1929) первого полка Червонного казачества. Славный тот юбилей был отмечен двумя высокими наградами: орденом Красного Знамени и уникальным орденом УССР.

Выполняя задание командования корпуса, мы с его боевым комиссаром Николаем Савко подготовили сборник «Перша червона», который на Украине выходил трижды — в 1931-м, 1932-м, 1934 годах. В 1935 году сборник выпустил Воениздат в Москве на русском языке.

Если Примаков был моим добрым советником при написании романа «Золотая Липа», то неутомимым «толкачом» являлся редактор журнала «Західна Україна», литератор и воин Мирослав Ирчан.

В 1958 году директор Музея В. И. Ленина во Львове Богдан Дудыкевич писал на страницах «Львовской правды»: «Книга «Золотая Липа» — ценный исторический материал к 20-летию воссоединения украинских земель». В 1975 году московское издательство «Художественная литература» выпустило роман 10-м изданием.

Есть такие уникальные события, которые решительно и дерзко переключают коленчатый вал истории с земных на космические обороты. Таким событием и была Великая Октябрькая социалистическая революция.

Писатель мыслит образами. В моей голове возникает образ высокохудожественной, мультиплановой и мудрой книги под названием «Великий Октябрь», книги, о которой, пользуясь емкой лексикой Джона Рида, можно сказать, что она потрясла, потрясает и еще многие века будет потрясать мир. Да, несомненно будет потрясать мир...

Но если имеется произведение, то есть и его автор. С чувством огромного восхищения называю гениальнейших создателей этой бессмертной книги — советский народ, мудрую ленинскую партию.

Может, полстраницы, а может, и целую страницу вписали в то капитальное произведение и воины легендарной конницы — Червонного казачества. Примаков не конкурировал с Коперником, Ньютоном, ни с Энштейном. Он сам был неповторимой величиной тех грандиозных событий, которые дерзко переключают коленчатый вал истории с земных на космические обороты.

ТОТ, КТО ОСЕДЛАЛ ВЕТЕР...

Новелла

> Попутный ветер усыпляет, встречный взбадривает.
>
> *Г. И. Котовский*

1. В днестровских плавнях

И на сей раз, как и полтора десятка лет назад, встреча была изумительно неожиданной. После дерзкого побега в 1906 году из тюрьмы, о чем гудела вся Молдавия, о чем неустанно вещали «Одесские ведомости» и «Бессарабская жизнь», на Тисбашевской улице бесстрашный беглец встретился нос к носу с грозным полицейским чином, с Хаджи-Коли — приставом 2-го участка Кишинева... Оба растерялись — и тот, кто ловил, и тот, кого ловили. Тот, кто уж много дней и недель подряд ловко избегал стальных лап густо расставленных на него полицейских капканов... Тогда, на Тисбашевской,

Котовский даже во имя спасения жизни не согнул колени. Не тот человек!

На сей раз, в феврале 1920 года, когда мимо полуобнаженного кавалерийского комбрига, усиленно после традиционной физзарядки растиравшего грудь и поясницу снегом, проводили выловленных в днестровских плавнях пленных деникинцев, один из них, с оттопыренными капитанскими эполетами на трясущихся плечах, растянулся плашмя на снегу.

— Б-б-бросьте ломать комедию, господин капитан... П-п-подняться немедленно... И в к-к-колонну!— властным голосом распорядился Григорий Иванович.

Но и этот видавший виды человек не сразу опомнился, когда пленный деникинец, ползая на коленях по истоптанному снегу, неловко поднялся, приложил трепещущую руку к козырьку и козлиным голосом стал исступленно клянчить:

— Пощадите, ради малых моих деточек, ради господа Исуса Христа! Пощадите, ваше высокопревосходительство, господин, виноват, товарищ Котовский...

То был грозный, в самом начале века славившийся на всю Бессарабию, самый лютый кишиневский полицейский чин Хаджи-Коли.

Наиболее непримиримые враги молодой республики, вся белогвардейская элита, до последнего вздоха не выпускавшая полученного из-за моря оружия, после необратимого разгрома их полков под Вознесенском, Одессой, Тирасполем, преследуемая красной конницей, еще на что-то уповая, стремительно хлынула к пограничному Днестру. Отсюда, под командой генерала Стесселя, узнав, что там, за пограничным Збручем, паны недурно приняли бежавшие из-под Киева разгромленные дивизии генерала фон Бредова, эта уже изрядно общипанная

элита двинулась днестровскими плавнями прямо на север.

Окруженные конниками-бессарабцами беляки вынуждены были сдаться. Генерал Стессель застрелился. Среди захваченных в плавнях оказался и Хаджи-Коли. Дважды после побега из царской неволи — один раз из тюрмы, другой с Нерчинской каторги — Котовский был обнаружен и лишен воли стараниями этой неутомимой ищейки. И сразу же царского волкодава повысили и в должности, и в чине. Пристав участка и поручик «заработал» на Котовском чин капитана и высокий пост уездного исправника главного города Бессарабии.

Растирая слезы на посиневшем лице, пленный капитан умолял о пощаде. Главное — лишь бы не расстреляли.

Натягивая на могучее, разгоряченное тело бязевую солдатскую рубаху, Котовский, как потом вспоминала Ольга Петровна, его жена и боевая подруга, спокойным голосом, заикаясь, отрезал беляку:

— Советская власть — это власть. Без суда она никого не карает. Ваше дело, Хаджи-Коли, разберет военный трибунал. Ступайте в колонну! — И бросил вдогонку своему бывшему свирепому преследователю:— Чего требует народная мудрость? Она требует: не бей лежачего. А Котовский добавляет к этому: и не терзай стоячего!

«Одесские новости» 21 сентября 1906 года писали: «...Взяв с собой несколько переодетых городовых, пристав Хаджи-Коли отправился на поиски бежавшего из тюрьмы Григория Котовского. Только благодаря внезапности встречи Котовскому и на сей раз удалось избежать ареста. Один из городовых схватил было Котовского за руку, но тот сильным движением освободил руку и убежал...»

Спустя 18 дней кишиневская «Бессарабская жизнь» сообщала: «24 сентября Хаджи-Коли с множеством околоточных и городовых окружил квартиру счетчика вагонов Михаила Романова, где скрывался Котовский... При задержании он не оказал никакого сопротивления. Связанного, его доставили в тюремный зáмок... Он заявил: «Не сопротивлялся. Я мог убить одного-двух, а остальные меня убили бы...» На его правой ноге оказались две глубокие раны, полученные им на Тисбашевской улице...»

В декабре 1906 года царский суд в Кишиневе вынес приговор Котовскому — 12 лет каторги. Осудил за попытку освободить 17 арестантов и за побег из тюрьмы.

Прошло десять лет. Совершив в 1913 году почти немыслимый даже для волшебника побег с Нерчинской каторги, Котовский возвращается в родные края. И снова за старое: за счет богатых одаряет бедняков. Те же «Одесские новости» писали в июле 1916 года: «Недавно на большой дороге Котовский, назвав себя, отобрал у помещика Атанасиу деньги и револьвер...» Бойкий репортер добавляет: «В то время, когда имя разбойника было на устах у всех чинов местной полиции, Котовский вполне равнодушно разгуливал по улицам Кишинева... Приходится признать, что название «легендарный» вполне заслужено человеком беззаветной удачи и изумительной неустрашимости».

А ровно за 19 дней до этого репортажа скрещиваются пути «неустрашимого человека» и мерзкой особы, теперь уже не пристава участка, а уездного исправника.

На сей раз Котовский, агроном по специальности, устроился на работу в Бендерском уезде в имении помещика Стаматова. Доносчики не дремали... Во главе с тем же Хаджи-Коли орава полицейских

устраивает облаву. После долгих поисков беглеца находят в густом ячмене. Полицейские стреляют и ранят Котовского в грудь. Царский суд приговаривает его к смертной казни...

Глядя в согнутую спину Хаджи-Коли, комбриг конной бригады 45-й якировской дивизии, еще ощущая жар круто натертого снегом тела, плюнул и сказал лишь одно слово: «Падаль!»

Тут же, выпрямившись во весь свой богатырский рост, Котовский строго крикнул видной комплекции командиру эскадрона, тому самому, который будет последовательно сменять своего боевого руководителя на посту комбрига, командира дивизии и даже 2-го конного корпуса:

— Гляди мне, Криворучко! Отведи начдиву всех пленных. И чтоб по дороге не было ни единого «при попытке к бегству»... Знаю твою братву... Оба вы с политруком отвечаете головой за «их благородия». Там, в штабе дивизии, разберутся с каждым беляком. А наше с тобой дело — не судить, а воевать. Помни это, Микола!

И неустрашимый Микола это помнил...

Бесспорно, славный сын Бессарабии разбирался в людях. И из самых армейских низов подбирал на высшие посты способных товарищей. Когда в 1924 году Фрунзе собрал для учебы в Военной академии большую группу высших командиров-практиков, в нашу кавалерийскую секцию сразу попали и очень видные котовцы — командир 3-й Бессарабской дивизии Микола Криворучко, а с ним и два комбрига из той же дивизии — Сергей Байло и Иосиф Попов. Все трое — дважды краснознаменцы.

Как-то один из советчиков стал нажужживать командиру 2-го конного корпуса о скудности общих знаний у командира 3-й Бессарабской дивизии. Котовский ему ответил:

— Я за одного малограмотного Криворучко не хочу трех грамотных профессоров... Не знаю, как за метыкованным жевжиком, а за Миколой масса пойдет в огонь и в воду... Шел за ним его эскадрон, шел полк, бригада, пойдет вся дивизия. А если потребуется — пойдет и корпус, и армия. Знаете ли вы, что такое настроение массы? Наша боевая масса считает: Криворучко — это свой. Больше того — свой в доску!

Тот же советчик порекомендовал однажды комкору поставить на освободившееся место командира полка своего дружка, а тот, заикаясь, отрезал:

— Командующий округа Якир, еще когда я в его 45-й дивизии командовал 2-й стрелковой бригадой, во время нашего знаменитого южного похода от Одессы к Житомиру как-то мне сказал: «Гриша! Чего более всего боюсь — так это выводить дураков в люди. Всегда при этом остаешься в дураках...» Этот завет моего земляка, дорогой товарищ, стал и моим правилом... Партийности, коммунизму учил меня он... Когда однажды я деликатно оспорил одно его указание, он не полез в бутылку, как иные... Улыбнувшись, Якир сказал: «Дорогой Гриша! Храбрость человека, умеющего повиноваться, еще и в том, что он не боится возражать. Возражать начальству... Ясно, возражать не абы как, а для пользы дела».

2. Бессарабский самородок

Подчиненные знали: если комбриг заикается больше обычного, значит, переживает. Шутка ли — заарканить в плавнях такую остервенелую вражескую силу. Вышел приказ: двигать дальше к Каменцу, Проскурову добивать курени Петлюры, да и Пилсудский, слыхать, зарится на столицу

Украины — Киев. А группировка генерала Стесселя была тяжкой гирей на ногах...

В автобиографии, написанной им в одесской тюрьме (2 октября 1916 г.), читаем: «Семи лет от роду я упал с высокой (10 метров) крыши. После этого стал страшно заикаться. Проболел год. Отец предполагал дать мне солидное образование, но мое заикание изменило эти планы... Я был отдан в двухклассное училище...»

В том же документе находим полное светлого восторга, волнующее слово героя о горячо им любимом человеке: «В 1883 году умерла моя мать от родов... Я в своей жизни не знал могучей, чарующей, сладкой, несравнимой и ничем не заменимой женской ласки, ласки и любви матери. Суровая судьба и этого меня лишила...»

Закончил Григорий Иванович свое жизнеописание так: «После окончания в 1900 году Кокорезенского четырехклассного сельскохозяйственного училища жизнь широко открывала передо мной двери. При моих природных способностях и энергии меня, казалось, ожидает блестящая будущность на широком поприще в области сельского хозяйства...»

Спустя ровно 15 дней после рождения этого потрясающе красноречивого документа Одесский военно-окружной суд постановил: «Подсудимого Григория Котовского, 35 лет, подвергнуть смертной казни через повешение...»

Совершив побег с Нерчинской дьявольской каторги, поработал он до роковой встречи с душегубом Хаджи-Коли на землях помещика Стаматова, хоть и не на широком, но на любимом поприще. После фантастического побега и тяжких месячных блужданий по суровой тайге он — подручный землемера в Томске, грузчик на Волге, чернорабочий,

батрак. Его тянет на родину. По дороге в Бессарабию он, с подложным паспортом, кочегарит на паровой мельнице, кучер, молотобоец, лепит кирпичи на заводе... Благо постоянные и усиленные физзанятия укрепили тело, а дух...

На дух он не жаловался.

Но истинным призванием его было не сельскохозяйственное поприще, а ратное. Одним словом — неустрашимый комбриг! Это имя было более чем популярно во всей Красной Армии. Будь то на просторах горевшей в огне гражданской войны Украины, будь то в далекой Кулунде, будь то в Карелии. То была изумительнейшая в начале века пора — когда свободные от мертвых книжных догм бывшие унтера и даже рядовые солдаты, усердно постигавшие азы ленинской мудрости, громили напичканных окостеневшими теориями царских генералов.

Не только царские. Но и тех, заморских, которые, приплыв по Белому, Черному, Балтийскому, Охотскому морям, нагло попрали нашу землю.

Имя бессарабского самородка звучало с гордостью не только на устах его подчиненных. Гордятся им все поколения советских людей и поныне. Не только в гражданскую войну, но и в годы тяжкой битвы с фашистским нашествием имя героя вело в бой народных мстителей. В бой против единомышленников и питомцев Хаджи-Коли...

Хотя Котовский дослужился в Красной Армии до звания командира дивизии и командира кавалерийского корпуса, но бессмертную славу он заслужил, возглавляя в 45-й стрелковой дивизии кавалерийскую бригаду.

И вот репортер из захудалого одесского газетного листка оказался, сам себе того не уясняя, сущим пророком: широкая народная молва знала Котовского больше всего как *легендарного комбрига...*

Воздавая должное его необычным ратным деяниям, ряд публикаций односторонне подают исторические факты и события. И тут же возникает законный вопрос: каковы же были силы врага и каково было его истинное сопротивление, если можно было лихим налетом и дружным натиском всего лишь двух конных полков Котовского сокрушить полчища Деникина, курени Петлюры, легионы пана Пилсудского, банды Махно, эсера Антонова?

А было так. На Вознесенск, затем на Одессу и на Тирасполь, кроме конной бригады бессарабцев, форсированно наступали 41-я стрелковая дивизия Юрия Саблина, одного из героев «Хождения по мукам» — это 9 стрелковых и 2 конных полка (комбрига Садолюка), а также 45-я дивизия Якира — еще 10 полков. Впереди этой полной боевого задора и железой веры в правоту дела Ленина несокрушимой силы в 30 полков двигалась доблестная кавбригада Котовского, которая первой вступила в отвоеванные у врага города — Вознесенск, Одессу, Тирасполь...

Вот так, а не иначе выглядела истинная картина грандиозного сражения на юге в зиму триумфального шествия Красной Армии на юг (ноябрь 1919-го — февраль 1920-го).

В боевых полках Червонного казачества мы были хорошо наслышаны о бессарабской кавалерии и ее знаменитых подвигах. Но вот мне улыбнулось счастье· с популярным комбригом мы встретились вплотную. Это было 21 ноября 1920 года. О той памятной встрече я писал в журнале «Новый мир» (февраль 1959 года), затем в книге «Трубачи трубят тревогу».

Повторяться не стану, но кое-что из еще не рассказанного сообщу...

3. Уроки Котовского

Наиболее отчаянные головорезы Петлюры — его пулеметная дивизия, каменецкая школа юнакив (юнкеров), бронепоезд «Кармалюк», бригада черношлычников — задержались на самой границе, в Волочиске и на дальних подступах к Збручу. Добить врага и полностью очистить украинскую землю от петлюровцев старались Котовский со своей бригадой и посланный Примаковым к Збручу дивизион (две сотни) 6-го полка червонных казаков под моей командой.

Впереди колонны изумительно крепких и порывистых всадников, там, на дальних подступах к пограничной тогда речке Збруч, следовал на мощном боевом коне очень видный, на редкость видный богатырь.

Но вот после отчаянного натиска Волочиск наш, мы на Збруче. Григорий Иванович, в своей, невзирая на ноябрьскую стужу, ярко-красной гусарской фуражке, с серебряной шашкой на боку, ведет у пограничной реки переговоры с заставой недавно помирившихся с нами пилсудчиков. Я, стремясь опередить бессарабцев, вывожу своих бойцов к железнодорожному мосту. Там команда вражеского бронепоезда наспех перешивает железнодорожную колею, чтобы перегнать состав в Подволочиск, под крыло пилсудчиков.

Строю всадников. Вот они уже несутся с громовым «ура» вверх по насыпи. Длинная очередь из пулеметов охладила наш пыл. На выстрелы прискакал Котовский. И сразу:

— Разве так берут бронепоезда, молодой человек? Спешивайте людей, спешу своих и я. И становитесь рядом со мной. Вот так. Теперь вперед! Ура!

Спустя несколько минут бронепоезд «Кармалюк» был наш. Со всем его боевым и небоевым добром, с пленными.

И вдруг, несмотря на допущенную мной оплошность, Котовский делает мне лестное предложение: перейти в его бригаду командовать полком. Естественно, я отказался. Он по-отечески похлопал меня по плечу: ведь ему было без малого сорок, мне с малым двадцать.

— Правильно поступаете, товарищ! Своей родной частью надо дорожить... А что полезли сгоряча в конном строю на бронированную чертяку, не так уж скверно... Видать, это переполошило петлюровскую хевру... Скажу прямо — ценю любителей не попутных, а встречных ветров. Попутный усыпляет, встречный взбадривает, заставляет напрягать мускулы, шевелить шариками. Словно дикого скакуна, ты заарканиваешь его, крепкой рукой укрощаешь норов, а затем, уже на оседланном, вольготно скачешь к заветной цели.— Отдав нужные указания стоявшему рядом Маштаве, временно возглавлявшему второй полк бригады, комбриг продолжал:

— Пишу вашему Виталию: за Волочиск, за эту бронечертяку прошу подать на вас реляцию...— При этих словах Григорий Иванович поднес указательный палец правой руки к своему ордену Красного Знамени. Реляцию на Котовского год назад писали Якир, Гамарник, Затонский — весь Реввоенсовет южной группы. Закончил свой яркий монолог комбриг так: — Вот заметил я, будто ухмыльнулись вы... от моего словечка «хевра». Тюрьмы, камеры, карцеры, каторга оставляют свой след... Вот и Котовский кое-что подцепил в царских кицах...

Свое слово комбриг сдержал... Но вот прошло всего лишь полгода. Еще до антипетлюровской операции в ноябре 1920 года, в которой участвовали

41-я, 45-я, 60-я, 25-я стрелковые дивизии (более 40 полков), дивизия Примакова была развернута в 1-й конный корпус. Котовского назначают командиром второй дивизии в корпусе Червонного казачества Примакова, хотя легендарному комбригу уже сорок, а его начальнику Примакову всего двадцать четыре.

Но если Котовский попал на царскую каторгу в двадцать пять лет, то Примаков в семнадцать... И если украинская конница под командой Примакова сорвала план беляков захватить к зиме Москву, то бессарабская конница под командой Котовского при содействии стрелковых полков Якира, Саблина, Дубового совершила летом 1919 года героический переход по тылам врага из-под Одессы к Житомиру, боролась за Киев, освобождала Одессу, Тирасполь, гнала белополяков из-под Киева к Дубну, громила Петлюру у Проскурова и Волочиска, фантастическим маневром завлекала самую сильную банду антоновщины, банду Матюхина, в западню. Всех главарей уничтожили. После этого осенью 1921 года на ближних и дальних подступах к Киеву разгромила проникшую из панской Польши тысячную банду Юрка Тютюнника.

Как только Котовский со своей боевой бригадой влился в Червонное казачество, за кучей дел, видать, вспомнил он нашу беседу на мосту через Збруч вблизи захваченного нами бронепоезда «Кармалюк» и попросил Примакова перевести меня, тогда командира 6-го полка, в 1-й Запорожский дивизион, во 2-ю Черниговскую командиром 7-го полка.

Увы, под прямой командой Григория Ивановича я находился всего лишь несколько дней. В первых числах мая 1921 года он вместе со своей старой бригадой бессарабцев выбыл из состава 1-го кон-

ного корпуса. Его срочно отправили на Тамбовщину, где уж слишком затянулась боевая работа по ликвидации кулацких банд эсера Антонова.

Прошло с тех пор еще полгода. И в то же самое время, когда Котовский уже во главе 9-й Крымской кавдивизии громил в районе тетеревских лесов атамана Тютюнника, наш 7-й Полтавский полк червонных казаков, строго следуя заветам Котовского и устремляясь лишь наперерез встречным, а не попутным ветрам, в районе Волковинцы — Янушполь за четыре дня яростных сабельных схваток, с 30 октября по 2 ноября 1921 года, разгромил отряд головорезов полковника Палия-Сидорянского.

Возможно, напутствие комбрига-бессарабца сыграло свою роль и тогда, когда я в нелегких раздумьях подбирал нужное название для заказанной мне в 1963 году Воениздатом повести о выдающемся командарме Якире. Вспомнив то доброе напутствие, повесть назвал «Наперекор ветрам».

В своей биографии Григорий Иванович писал в 1920 году: «В Котовском Коммунистическая партия имеет одного из самых преданнейших, готовых за ее идеалы погибнуть каждую минуту человека... а мировая буржуазия имеет в лице Котовского смертельного, беспощаднейшего классового врага, который каждую минуту готов к последнему решительному с ней бою...»

Ранней осенью 1923 года после кавалерийских маневров, когда на одной стороне действовал 1-й конный корпус Примакова, а на другой — 2-й конный корпус Котовского, на привале вблизи Литина мы с Григорием Ивановичем вспомнили операцию «Волочиск — Збруч». Вспомнили вспышку гнева комбрига, вызванную чрезмерными стараниями одного интенданта. Котовский тогда на привале сказал:

— Человек без эмоций — квочка. Но он дважды квочка, если не умеет мгновенно подчинять свои эмоции разуму...

Да, природа не поскупилась — даровала славному бессарабцу и могучую силу, и строгую красоту, и светлый ум.

С большим волнением вспоминаю несгибаемого солдата партии, беззаветного ленинского бойца, искусного покорителя всех встречных и всех свирепых ветров, легендарного комбрига Григория Ивановича Котовского.

1983

ИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ ВМЕСТО ОБЕЛИСКА

Новелла

Слово автора

Активным участником исторических деяний был и до недавнего времени здравствовавший во Львове Степан Васильевич Топорец, автор публикуемых ниже писем.

Помнил лихой наездник и разведчик, как задолго до боев под Орлом, когда конница Примакова после Кременчуга вышла к Александрии, огромное войско атамана Волоха, растоптав в снегу трезубы, порвало с Петлюрой. Ринулось из «вільного козацтва» в червонное... Сопровождал он тогда посланца Киева товарища Петренко-Петриковского, ездившего принимать восставшее войско под красные знамена.

Вместе с червоннoказачьим войском в 1920 году прошел Топорец рейдом через Тернополь — Бобрку — Николаев — Журавно — Стрый — Болехов.

Этим конница Примакова содействовала коннице Буденного.

Когда в журналах «Ранок» и «Юность» появился мой рассказ «Весна-красна настает» (червонные казаки и Ленин), наши ветераны спрашивали: «Не выведен ли под именем Громады популярный в полках Примакова казак-разведчик Степан Топорец?» Находили они его, правда, под иным именем, и в романе «Золотая Липа».

С этой книгой под мышкой, как это утверждается сочной и колоритной эпистолярикой нашего замечательного героя, славя ленинскую партию и ее великие дела, и отправились в свои, теперь уже не сабельные, а пропагандистские рейды ветераны боевой конницы Советской Украины — Червонного казачества.

И этим давался решительный идеологический бой апологетам империализма, нахально утверждавшим, что на Украине, кроме полков Щорса, больше не было своих вооруженных сил. Куда же подевались более чем сто полков украинской инфантерии и кавалерии начдивов Дыбенко, Федько, Якира, Барабаша, Примакова, Петриковского, Локотоша, Беленковича?

Но дадим слово воину и пропагандисту Степану Топорцу.

Письма из Львова

Письмо первое, август 1967 года. В кругу своей семьи дважды перечитали вслух Вашу книгу, самый лучший подарок моей старой казацкой душе. Наши ветераны недавно выезжали в Стрый. Там присваивали новому мосту имя Червонного казачества. Ведь на старом мосту мы бились с легионами пана Пилсудского в 1920 году. Выступал там Микола

Харченко, бывший наш сотник. Дали слово и мне — линейному казаку. Потом многие жали мне руку.

Со всей семьей остаюсь до Вас со всей чистосердечностью, казак-разведчик 3-го полка 1-й Запорожской дивизии Степан Топорец.

Письмо второе, февраль 1970 года. Праздновали Октябрьскую в Заболотове. Нас там было пять червонных казаков. От нашей походной формы эффект получился большой и интересный. Провели там боевую патриотическую работу. Ведь я казак советского чувства.

Воспитываю молодых, окружающую массу, среди которых я вращаюсь.

Встретил я недавно Мусия Чередниченко. Передвигается, бедолага, на палках. А сколько за ним числится беспримерных подвигов! Смотрел я на Мусия и плакал — как злая доля над нами смеется.

Недавно я сильно болел. Валялся, как бревно. А тут моя казачка принесла книгу «Наперекор ветрам». От радости сорвался с постели, стал читать, и сразу кончилась моя болезнь... После этого сделал несколько полезных поездок с целью выступления перед молодежью.

Ночи просиживаю напролет — обклеиваю фото цветным орнаментом в украинском стиле. Жена скандалит, считает меня рехнувшимся фанатиком за Червонное казачество. А сказать правду — руки уже трясутся.

Письмо третье, апрель 1972 года. В феврале сделал 24 выступления, Молодежь, в том числе и солдаты, кричат мне «бис» в здравицу Червонного казацтва.

28 марта мне исполнится 75 годов. Съедутся хлопцы и будут тянуть меня за уши... Приезжайте в нашу саклю на хлеб-соль.

Многоуважаемый Илья Владимирович, книга «Тертый Калач» очень нужная для пропаганды. Во время бесед я опирался на эту книгу. Доказывал, что наш советский строй перевоспитывал темных тружеников, случайно попавших в петлюровцы.

Письмо четвертое, апрель 1972 года. Четыре дня прогулял с хлопцами, а сейчас эту брешь заполняю своей работой и старанием... За своечасную дотацию и подарок спасибо. А телеграмму, которой по ее содержанию и душевности нет цены, показывал молодым офицерам. Пусть учатся у наших командиров, как ценить своих рядовых казаков.

10 апреля выступал я перед призванной в солдаты молодежью, а ночью подвергался приступу. Отобрало левую сторону и затронуло речь. До своего конца готовился, а вот такого хитрого удара не ожидал. Многие мои казаки сразу отозвались на мою беду.

Письмо пятое, май 1972 года. Сообщаю Вам: покуда еще жив и не сдал, как загнанный тяжелым походом конь. Как взгляну на экспозицию своих фото, особенно разведчиков, так и заливаюсь слезами. Вспоминаю, как в орловских боях, под Лозовой и Перекопом с Мусием Чередниченко и Андрием Лесняком заваливали беляков. Стараюсь укрепить нервы и чтобы не капали слезы. Речь мне вернуло, поднимаю левую руку.

Много пришло приглашений из разных школ. И больше всего меня убивает, что не могу поехать. Двери моей хаты не закрываются от молодежи, от школьников — червонных казачат, от учителей. А ведь я нигде не учился на оратора. Лежат у меня вызовы в село Семеновку Черниговской области, Дитятин — Ивано-Франковский, Шумляны — Тернопольской, от 59-й школы Харькова, следопытов

Грозного, что на Северном Кавказе. И еще много других.

Письмо шестое, октябрь 1972 года. Сообщаю: милостями и добрыми утешениями своих боевых друзей и многих червонных следопытов я выбрался из тяжелого недуга. Патриотическую работу веду, почти как и раньше...

Письмо седьмое, декабрь 1972 года. Работы среди народа и молодежи у меня сейчас невпроворот. Не дает мне покоя и Львовский государственный музей. Машина ежедневно меня привозит и отвозит.

Казаки Гуций, Султан, Рольский и Домашин интересуются, когда я их повезу в Киев. Ожидаю хотя бы пару слов, дабы я мог Вашим письмом утешить этих старых и боевых казаков. А у меня еще на сегодня задача — выступать в музее. Кончаю писать и манежной рысью прямо туда...

Письмо восьмое, август 1974 года. 8 мая моя казачка Любовь Петровна была сбита пьяным мотоциклистом. Она в больнице. Через переживания, которые обрушились на мою старость, еле держусь на ногах. Но военно-патриотическую работу не забываю. Летом приезжали из Москвы наши ветераны генералы Витошкин и Хотенко. В Доме офицеров собрались все наши хлопцы.

Да, четыре войны в седле выходят сейчас через ноги...

Письмо девятое, август 1975 года. Вызывал меня в Музей Прикарпатского военного округа подполковник Борис Прут. Задался я целью помочь музею. И тогда можно будет спокойно умирать с душой ленинского червонного казака.

Рисковой вылазки и мертвой петли с седла казак Топорец уже не сделает, но слово нижним поколениям сказать еще могу. И слушают. Да как! Недавно на Житомирщине вдвох с Миколой Султа-

ном мы поднимали историческую бувальщину. Рассказ ведем строго в рамках и за себя ни мур-мур. Там одна студентка показала нам «Золотую Липу». Получила она ее в дар от отца — казака 4-го полка Писаренко. Его уже нет в живых. Вечная ему слава в наших сердцах!

Письмо десятое, сентябрь 1976 года. Спасибо, что Вы меня не забываете. Работу веду — людям польза, себе утешение. Часто возят товарища Топорца на «Волге», а где надо — офицеры поддерживают меня под руки.

Вместе с товарищем Еременко открывали памятник буденновцам в селе Олеско, ибо ветеранов 1-й Конной во Львове и в области в наличии не оказалось. Почетную миссию выполнили мы — червонные казаки.

После этого сопровождал я пожаловавших во Львов польских пионеров, По-ихнему — харцеров.

Дорогие мои! Поздравляю вас с наступающим праздником Октябрьской революции.

Письмо одиннадцатое, март 1977 года. Здоровье мне, старому казаку, начинает изменять. Больше месяца валяюсь на койке. Дочки, когда съедутся под выходные, берут меня под руки и выводят на свежий воздух.

В журнале «Україна» № 8 есть за меня небольшой рассказ. И в «Правде Украины». Не забывают казаков наших высших рангов. Как видите, помнят и за казаков рядовых.

Письмо Галины Топорец. 25 марта 1977 года. Отец наш в тяжелом состоянии. Ничего не кушает. Врачи сказали, что он безнадежен...

Вот такие у нас нерадостные новости. С большим приветом к Вам вся наша семья. Галя Топорец.

Не одолела славного воина ни шаблюка гайдамака, ни обрез махновца, ни штык деникинца, ни

пуля пилсудчика, ни автомат эсэсовца. Свалила его тяжкая хвороба.

Вот выдержка из другого письма. На сей раз не из Львова. «З книги «Червоне козацтво» ми дізнались, що 7—8 липня 1920 року після важких боїв з легіонерами наше село було визволене під час Проскурівського рейду... Ми розшукали ветеранів Хмельниччини. Знаємо, що в нашому селі стояв штаб Примакова. А в Малих Зозулинцях піонери доглядають могилу червоного козака...

Просимо допомогти створити Музей Червоного козацтва. Червоні слідопити. 1 березня 1980 року, село Великі Зозулинці Хмельницької області».

Послание это прибыло из места очень и очень близкого. А почему в одном из своих писем С. В. Топорец упоминает Грозный, Туркмению, Дальний Восток? По той же причине, по которой старший пионервожатый Сергей Иванов из далекого сибирского села Новоильинское пишет: «В конце декабря 1979 года мы проводим неделю Червонного казачества. Если есть новые материалы, прошу прислать...»

Да, Бурятия далековато от В. Зозуленцев, а город Генуя тоже далеко. А идут письма и оттуда. Идут от любознательных итальянских пионеров, которые вот уже ряд лет дружат с командой океанского лайнера «Виталий Примаков»...

Дело, которому беззаветно служил джигит Топорец, не ушло, как он сам говорит, в «область забвения».

Повторим же вслед за ним, за неистовым джигитом, воином и пропагандистом: «Вечная слава героям в сердцах всех добрых людей нашей прекрасной и в меру суетной Земли!»

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Илья Владимирович Дубинский

В ПАРКЕ ПРИМАКОВА

Повесть-воспоминание,
очерки,
новеллы

Киев, «Радянськый пысьмэннык», 1987

Редактор М. Я. Ратушный
Художник Н. А. Семенович
Художественный редактор Ю. В. Бойченко
Технический редактор Н. М. Самойличенко
Корректор Н. В. Камендровская

Информ. бланк № 2488

Сдано на производство 12.06.87. Подписано к печати 20.10.87. БФ 21187. Формат 70×100 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. 11,7 усл.-печ. лист., 12,27 усл. кр.-отт., 11,68 уч.-изд. лист. Тираж 50 000. Зак. 1128.
Цена 90 к.

Издательство «Радянський письменник»,
252054, Киев-54, ул. Чкалова, 52.

Одесская книжная фабрика,
270008, Одесса-8, ул. Дзержинского, 24.

90 к.

Илья Дубинский В парке Примакова